

КНИГА ИУДЫ

ВКЛЮЧАЯ «ЕВАНГЕЛИЕ ИУДЫ»

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Содержание

[Трагедия и драма Иуды Искарриота](#)

[Новый Завет об Иуде Искарриоте](#)

[Из Евангелия от Матфея](#)

[Из Евангелия от Иоанна](#)

[Из Деяний апостолов](#)

[Отцы и учителя Церкви об Иуде](#)

[Ориген Александрийский. Толкование Писаний об апостоле Иуде \(из трактата «Против Цельса», книга третья, глава XI\)\[1\]](#)

[Папий Иерапольский. Учение Христа о Царствии Небесном в восприятии апостола Иуды\[2\]](#)

[Св. Ефрем Сирийский. Из толкования на евангельские события, связанные с Иудой Искарриотом\[3\]](#)

[Свт. Иоанн Златоуст. О предательстве Иуды\[4\]](#)

[Прп. Максим Исповедник <О тайне имени Иуды>\[5\]](#)

[Вопросоответы к Фалассию\[6\]](#)

[Св. Ириней Лионский. Из книги первой «Против ересей»\[8\]](#)

[Св. Епифаний Кипрский. Панарион\[11\]](#)

[Апокрифы](#)

[Евангелие Иуды\[14\]](#)

[Евангелие Иуды](#)

[Евангелие от Варнавы](#)

[Сказание об Иуде предателе\[70\]](#)

[Из «Арабского Евангелия детства»\[71\]](#)

[Литературно-богословские эссе](#)

[Свт. Иннокентий Херсонский. Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа\[72\]](#)

[М. Д. Муретов. Иуда предатель\[73\]](#)

[Дмитрий Мережковский. Иуда предатель\[82\]](#)

[Литературный раздел](#)

[Клеменс Брентано \(по откровениям Анны Катарины Эммерих\)](#)

[Трагедия Иуды\[85\]](#)

[Леонид Андреев. Иуда Искарриот и другие\[86\]](#)

[Алексей Ремизов. Гнев Ильи Пророка\[87\]](#)

[Василий Розанов. Трепетное дерево\[88\]](#)

[Примечания](#)

Книга Иуды

© Ершов С. А., наследники, состав, предисловии, комментарии, 2016

© Витковский В. Е., перевод на русский язык, комментарии, 2016

© Лысенко Е. М., наследники, перевод на русский язык, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Пальмира», ПАО «Т8
Издательские Технологии», 2016

Трагедия и драма Иуды Искариота

Не предавайся унынию, услышав, что Иисус был предан; или лучше предайся унынию и плачь горько, но не о преданном Иисусе, а о предателе Иуде, потому что преданный спас вселенную, а предавший погубил свою душу; преданный сидит ныне одесную Отца на небесах, а предавший находится ныне в аду, ожидая неизбежного наказания. О нем плачь и воздыхай, о нем скорби, как и Владыка наш плакал о нем.

*Святитель Иоанн Златоуст
(Из беседы в Святый и Великий четверг)*

Книга Иуды – богословско-литературная антология об апостоле из двенадцати первых учеников Господа нашего Иисуса Христа. Она отражает историю восприятия образа в разные эпохи и у разных авторов – со времени событий, о которых рассказывает Евангелие, до наших дней.

Иуда Искариот – самая легендарная и символическая личность эпохи жизнеутверждающих евангельских событий. Его трагическая судьба отмечена позором и проклятием, но при этом она зеркальна судьбе Христа в Его страстях и славе и неотделима от нее. С первых веков христианства и до наших дней интерес к житию и деянию Иуды Искариота пробивается сквозь ставший хрестоматийным церковный штамп, закрепленный за ним словом «предатель». Апостола Иуду не обошла ни одна экзегетическая традиция, созданная богословствующим разумом как последователей Христа, так и его противников.

Антология не является текстологическим исследованием, собранный материал воспринимается как данность историческая, легендарная или литературная; она отражает различные ракурсы восприятия образа Иуды в историческом преломлении; она является домыслом и вымыслом его короткой жизни длиною в вечность. Книга Иуды насквозь апокрифична, некоторые главы ее с привкусом ереси, иные апологетичны. Иуда Искариот остается каноническим предателем, но апофеоз его апостольства совпадает со Страстной неделей и при формальном подходе к определению дня его памяти получается, что Христос и Иуда погибли в один день. Загадка Промысла Божия не имеет однозначного ответа, и поиск его в плодах литературного богословия не лишен некоего сатанинского соблазна с Божьего поущения. Апостол Иуда только как символ

предательства неубедителен, есть нечто сокровенное в этом евангельском свидетельстве.

Со II века и до наших дней богословы и мыслители, писатели и художники пробуют найти ключ к тайне Иуды. Это не может быть просто банальным изображением человеческой немощи даже среди учеников-апостолов Иисуса Христа, не может быть выражением мессианских настроений в среде иудеев в новозаветное время. Здесь – тайна Боговоплощения и искупления грехов человечества.

Поэтому не угасает интерес к истории предательства Иуды. Мы говорим о Христе и невольно вспоминаем Иуду. Сам образ апостола-предателя теряет смысл без образа Христа. Сам Христос невозможен без учеников: иначе Его учение не достигло бы мира, ради искупления которого Он принял облик человека. Интересно отметить, что собор апостолов представляет собой символическое отражение человеческого бытия. Во вдохновенных ближайших учениках Господа отражены добродетели и пороки, борьба, восхождение и падение: любовь, страх, осуждение, прощение и... предательство. Предательство невозможно без предаваемого, а потому снова Иуда и Христос рядом. Такая нарочитая близость вызывала сомнения в правдоподобии истории, выдвигала версии о мифической выдумке апостола-предателя в назидание христианам и в осуждение иудеев. Но святые отцы отвергли неверие в свидетельства евангелистов и стали первыми толкователями злодеяния Иуды. Надо любить грешника и ненавидеть грех. Учение Христа оправдывает Иуду Искариота как человека и клеймит как предателя.

Антология вобрала в себя все эти суждения. Такое собрание не только интересно, но и актуально: нужно видеть весь спектр судов и пересудов, дабы одно частное мнение, случайно услышанное, не овладело нами в понимании Священного Писания. С другой стороны, это собрание богословских интерпретаций и литературных реконструкций на тему Иуды Искариота, это материал для легендарного жития единственного неканонизированного апостола из числа двенадцати.

Состав антологии требует некоторых пояснений. Данное собрание мнений и версий об Иуде характеризуется самими текстами, которые написаны на разных языках и созданы авторами, которые принадлежат различным ветвям христианства и соответственно различной культурной среде. Эти поликонфессиональность и многоязычие пронизывают антологию и подтверждают тезис о глубинной символике образа Иуды Искариота в контексте евангельской истории.

Открывается антология тем, что нам известно об Иуде из Священного Писания. Выдержки из Евангелий и Деяний апостолов помогут восстановить, что говорит об истории предательства канон. В святоотеческом разделе собраны отрывки богословского, экзегетического содержания из трудов и творений отцов и учителей Церкви. Это толкования Иринея Лионского, Оригена Александрийского, Папия Иерапольского, Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина и других, написанные до разделения Церкви, на греческом и латинском языках.

Эти толкования в своей основе легли во все последующие литературные версии, в попытки богословствующего разума писателей понять и осмыслить события Страстной недели, на одном полюсе которой находится прославление Господа нашего Иисуса Христа, а на другом – предательство и трагедия одного из двенадцати апостолов. Согласно Евангелиям, Иуда – именно *один из двенадцати*, поруганное предание им Иисуса относится ко времени его апостольства. Это тайна Христовой общины, апокриф в первоначальном значении слова – сокровенное сказание. Несомненное злодеяние Иуды ставится под сомнение. Что это? Исполнение пророчеств? Промысл Божий? Одержимость дьяволом? Злая воля человеческого естества? Мудрые и богобоязненные рассуждения святых отцов не выходят за пределы этого круга. Соединение во Христе божественного и человеческого начал, единство горнего и дольного, его поругание и слава, смерть и воскресение – все вместе составляет тайну. Причастность Иуды к этой тайне вызывает почти тщетную попытку узреть знаковую не только крестных страданий Господа, но и предшествующего им предания Его апостолом-изменником.

Еще одно свидетельство – ирландского святого, св. Брендана, сохранившееся в его житие и в саге («Плавание святого Брендана», рукопись XI века), говорит, что еще в VI веке святой Брендан во время плавания к островам блаженных, мифическому земному раю, встречал Иуду в преисподней за оплакиванием своей участи. Это единственный, кто видел и разговаривал с Иудой, остальные только могут представить его участь в свете учения о загробной жизни.

Третий раздел составляют апокрифические тексты в современном понимании, то есть неканонические, они принадлежат церковной и еретической мысли времен становления канона или догматических споров. Раньше древнехристианских свидетельств в отношении Иуды и Спасителя почти не было, кроме небольшого фрагмента из «Арабского Евангелия детства», возводящего первую встречу Учителя и ученика еще к раннему детству, к первым годам по

возвращении Иисуса с Богородицей из Египта. Но святой Ириней Лионский во II веке писал, что община каинитов пользуется так называемым «Евангелием Иуды», которое ему как текст неизвестно. От гностической секты каинитов, которые толковали предательство Иуды как исполнение высшего служения, предписанного самим Христом, и до секты манихеев и богомилов в Средние века – эта цепочка тянется до наших дней. Из Творений св. Епифания Кипрского в святоотеческом разделе мы публикуем статью о секте каинитов из «Панариона». Вообще говоря, гностицизм – философское и мистическое течение, появившееся в поздней античности, которое занималось поиском так называемого «тайного знания», поскольку мир, по мнению гностиков, лежит во зле и является крайне несовершенным.

Исторические тексты, имеющие отношение к раннему христианству, находились и до этого и, возможно, будут находиться после. В антологию включены «Евангелие Иуды» и «Евангелие от Варнавы». «Евангелие Иуды» было опубликовано совсем недавно, в апреле 2006 года. Этот коптский текст, записанный на рубеже III и IV веков нашей эры в одной из гностических сект, действовавших в Египте, был найден в районе деревни Бени Мазар недалеко от города Эль-Минья. Бесценная находка сохранилась благодаря климату Среднего Египта, который идеально подходит для папирусных свитков, и тому факту, что коптам запрещалось уничтожать текст, где было начертано слово «Бог». При невыясненных обстоятельствах рукопись покинула страну, сменила несколько владельцев в Европе и Америке и в 2000 году была куплена швейцарским частным фондом. Рукопись является частью более крупного собрания документов, которое в науке принято называть Кодексом Чакос (по фамилии владельца документа, Ф. Нуссбергер-Чакос). «Подлинность манускрипта, относящегося к древней христианской апокрифической литературе, установлена „с использованием пяти различных методов, включая радиоуглеродное датирование, анализ чернил, спектральный анализ, контекстуальные, а также палеографические подтверждения“», говорится в заявлении вице-президента Национального географического общества США Терри Гарсия. Свиток, состоящий из 62 листов папируса, который условно датируется III – началом IV века, представляет собой предположительно перевод Евангелия с греческого на сакла – один из диалектов языка египетских христиан-коптов, а оригинал на греческом языке был написан в одной из раннехристианских сект до 180 года н. э. Так называемых «гностицистических Евангелий» в последние

десятилетия обнаружено немало – это и «Евангелие от Фомы», и «Евангелие от Марии Магдалины», и «Евангелие от Филиппа». «Евангелие Иуды» занимает свое – не очень выдающееся – место среди этих документов. В этой связи оно может представлять скорее исторический, нежели канонический интерес.

В «Евангелии Иуды» по-иному, нежели в четырех канонических Евангелиях, трактуется образ Иуды – он предает Иисуса не из алчности или злобы, а якобы по воле и указанию самого Христа, помогая учителю принести жертву во искупление человеческих грехов. Здесь же говорится о том, что Иуда был избран для этой миссии самим Христом, что он фактически является участником главных событий в жизни Иисуса Христа – Его ареста, мученичества, гибели на кресте и – в конце концов, Воскресения. Содержание рукописи ставит под сомнение традиционную версию «предательства Иуды», ставит под сомнение наше отношение к «предательству».

Иной ракурс излагает «Евангелие от Варнавы», апокриф Средневековья, так называемое «мусульманское Евангелие». Текст был переведен на английский язык в начале XX века, на русский – лишь в 2005 году. В антологию включены главы, которые касаются истории Иуды. «Евангелие от Варнавы» – это подделка, написанная либо человеком, который поначалу был христианином и позже стал мусульманином, либо евреем, которого обстоятельства вынудили стать христианином, то есть так называемым марраном. В апокрифе утверждается, что когда Бог из-за грозившего Иисусу Христу распятия на кресте взял Его на небо, то вместо Иисуса Христа был распят Иуда Искариот, он преобразился в своего Учителя. Отрицание смерти Иисуса на кресте – главная идея этого евангелия; она точно соответствует мусульманскому учению. Эта еретическая мысль направлена против сотериологии – важнейшего раздела христианского учения о спасении.

Еще один апокриф – «Сказание об Иуде предателе», – публикуемый по рукописи, хранившейся в библиотеке Соловецкого монастыря, можно назвать околоцерковным. Эта фантастическая история происхождения и жизни Иуды напоминает по фабуле сказание о греческом царе Эдипе. К пороку сребролюбия, почти повсеместно приписываемому Иуде, добавляются грехи отцеубийства и кровосмешения. Иуда повержен судом человеческих мнений. За святоотеческими попытками истолковать евангельскую историю как человеческие деяния следует новое обвинение Иуде. Сын погибели отмечен грехопадением большим, чем Адам; он

рожден на новое падение, и он действительно падает на Страстной неделе, падает в преисподнюю, и навеки.

Святой Игнатий Богоносец в Послании к траллийцам писал: «Итак, прошу вас, не я, но любовь Иисуса Христа, – питайтесь одной христианской пищей, а от чуждого растения, какова ересь, отвращайтесь. К яду своего учения еретики примешивают Иисуса Христа, чем и приобретают к себе доверие: но они подают смертоносную отраву в подслащенной вине. Не знающий охотно принимает ее и вместе с пагубным удовольствием принимает смерть». К сожалению, это остается актуальным и в наши дни.

Следующей раздел – «Литературно-богословские эссе». Работы объединены не по формальному жанровому признаку, а по методам исследования. Логика и психология, текстология и герменевтика, реконструкция и версификация – все направлено на постижение апостольского предательства. Открывает раздел глава из труда святителя Иннокентия Херсонского «Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа». Затем мы помещаем единственное в Русской Православной Церкви богословское исследование об Иуде предателе. Его автор – профессор Московской Духовной академии М. Д. Муретов; создано оно в 1883 году и опубликовано в «Православном обозрении», но автор возвращался к этой теме и десять лет спустя, уточняя и детализируя реалии евангельской эпохи, каждое слово и жест Господа и Его апостолов. Написание публикуемого исследования формально вызвано полемикой с работами немецких философов («Жизнь Иисуса» Штрауса и «Религия Иисуса» Фолькмара); по идейной направленности это ответ православного ученого своим протестантским оппонентам, позиция которых хорошо отражена в содержании работы. М. Д. Муретов строго держится канона и догм, принятых в патристический период становления Церкви.

Следующее эссе, принадлежащее перу русского мыслителя и писателя Д. С. Мережковского, по своей направленности стремится вырваться из евангельского канона. Публикуемая одноименная глава «Иуда предатель» – из большого, интересного и небесспорного исследования «Иисус Неизвестный», написанного православным человеком, живущим на католическом Западе.

Заключительный раздел является литературной составляющей антологии. Авторы публикуемых произведений принадлежат к различным христианским конфессиям, литературные вариации на тему предательства Иуды написаны на немецком (Анна Катарина Эммерих в изложении К. Брентано), французском (Анатоль Франс), испанском (Х. Л. Борхес) и русском языках. Есть в этом разделе и

свой апокриф. Сказание А. М. Ремизова посвящено расплате за ту свободу, которой был вдохновлен Иуда Искариот, готовивший Иисусу Назарянину тернистый путь к славе, и пребыванию Иуды в аду, где «мука вечная и бесконечная». Небезынтересно для читателя, что перу Алексея Ремизова принадлежит драматическое произведение, созданное на основе «Сказания об Иуде предателе», – «Трагедия Иуды, принца Искариотского». В 1910 году пьеса была поставлена на сцене театра В. Ф. Комиссаржевской в Санкт-Петербурге, а эскизы декораций к ней написаны художником Николаем Рерихом. Появление апокрифической истории Искариота на театральных подмостках в подцензурной России – факт незаурядный, раскрывающий самую суть евангельских событий. Страдание, предательство, отречение остаются таковыми в любой культурно-этнической среде. «Нет ни эллина, ни Иудея», есть только человек, который словом, делом и помышлением становится причастником некоего символа. Отсюда и увещание святых отцов: «Не будьте Иудою». На линии горизонта сходятся рай и ад, здесь – место выбора, начало истории в линейном времени. Мы не можем точно знать, *ведением* или *неведением* совершил апостол Иуда Искариот предание *крови невинной*, но через это предание и последовавшее за ним самоубийство апостол-предатель обрел муки вечные, совершил падение в вечность.

Евангельская проповедь сделала Иисуса Христа и Его апостолов «своими» во всех уголках христианского мира. Характерной чертой литературного раздела является отсутствие штампа «Иуда предатель» в названиях публикуемых произведений, никто из писателей не акцентирует внимания на «канонизированном» деянии Искариота, хотя в содержании предательство Учителя учеником является стержневым. Все произведения реалистичны в своем повествовании, несмотря на домысливание несказанного в Евангелиях и попытку по-человечески понять, что же произошло в среде ближайших учеников Христа. Особняком стоит, пожалуй, только фрагмент из «Сада Эпикура» А. Франса – в небольшом тексте содержится тайна в тайне, библейская – в евангельской, мистика священства.

Все публикуемые тексты дополняют и комментируют друг друга, «Книга Иуды» – антология в самом глубинном смысле, не перечень вариаций на тему истории предательства, но история христианства в преломлении чрез богословствующий разум чело-веков. Слава Богу за все!

С. Ершов

Новый Завет об Иуде Искарите

Из Евангелия от Матфея

ГЛАВА 10

1 И призвав двенадцать учеников Своих, Он дал им власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их и врачевать всякую болезнь и всякую немощь.

2 Двенадцати же Апостолов имена суть сии: первый Симон, называемый Петром, и Андрей, брат его, Иаков Зеведеев и Иоанн, брат его,

3 Филипп и Варфоломей, Фома и Матфей мытарь, Иаков Алфеев и Леввей, прозванный Фаддеем,

4 Симон Кананит и Иуда Искарит, который и предал Его.

5 Сих двенадцать послал Иисус и заповедал им, говоря: на путь к язычникам не ходите и в город Самарянский не входите;

6 А идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева;

7 Ходя же проповедуйте, что приблизилось Царство Небесное;

8 Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте.

9 Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои,

10 Ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха. Ибо трудящийся достоин пропитания.

11 В какой бы город или селение ни вошли вы, наведывайтесь, кто в нем достоин, и там оставайтесь, пока не выйдете;

12 А входя в дом, приветствуйте его, говоря: «мир дому сему»;

13 И если дом будет достоин, то мир ваш придет на него; если же не будет достоин, то мир ваш к вам возвратится.

14 А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, оттрясите прах от ног ваших;

15 Истинно говорю вам: отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому.

16 Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби.

17 Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища и в синагогах своих будут бить вас,

18 И поведут вас к правителям и царям за Меня, для свидетельства перед ними и язычниками.

19 Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать;

20 Ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас.

21 Предаст же брат брата на смерть, и отец – сына; и восстанут дети на родителей и умертвят их;

22 И будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется.

23 Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой. Ибо истинно говорю вам: не успеете обойти городов Израилевых, как придет Сын Человеческий.

24 Ученик не выше учителя, и слуга не выше господина своего:

25 Довольно для ученика, чтобы он был как учитель его, и для слуги, чтобы он был как господин его. Если хозяина дома назвали веельзевулом, не тем ли более домашних его?

26 Итак не бойтесь их, ибо нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узнано.

27 Что говорю вам в темноте, говорите при свете; и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях.

28 И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне.

29 Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего;

30 У вас же и волосы на голове все сочтены;

31 Не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц.

32 Итак всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным;

33 А кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным.

34 Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч;

35 Ибо Я пришел разделить человека с отцем его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее.

36 И враги человеку – домашние его.

37 Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня;

38 И кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня.

39 Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее.

40 Кто принимает вас, принимает Меня, а кто принимает Меня, принимает Пославшего Меня;

41 Кто принимает пророка, во имя пророка, получит награду пророка; и кто принимает праведника, во имя праведника, получит награду праведника.

42 И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей.

ГЛАВА 26

1 Когда Иисус окончил все слова сии, то сказал ученикам Своим:

2 Вы знаете, что чрез два дня будет Пасха, и Сын Человеческий предан будет на распятие.

3 Тогда собрались первосвященники и книжники и старейшины народа во двор первосвященника, по имени Каиафы,

4 И положили в совете взять Иисуса хитростью и убить;

5 Но говорили: только не в праздник, чтобы не сделалось возмущения в народе.

6 Когда же Иисус был в Вифании, в доме Симона прокаженного,

7 Приступила к Нему женщина с алавастровым сосудом мира драгоценного и возливала Ему возлежащему на голову.

8 Увидевши это, ученики Его вознегодовали и говорили: к чему такая трата?

9 Ибо можно было бы продать это миро за большую цену и дать нищим.

10 Но Иисус, уразумев сие, сказал им: что́ смущаете женщину? она доброе дело сделала для Меня:

11 Ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда имеете;

12 Возливши миро сие на Тело Мое, она приготовила Меня к погребению;

13 Истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет в память ее и о том, что́ она сделала.

14 Тогда один из двенадцати, называемый Иуда Искариот, пошел к первосвященникам

15 И сказал: что́ вы дадите мне, и я вам предаю Его? Они предложили ему тридцать сребренников;

16 И с того времени он искал удобного случая предать Его.

17 В первый же день опресночный приступили ученики к Иисусу и сказали Ему: где велишь нам приготовить Тебе пасху?

18 Он сказал: пойдите в город к такому-то и скажите ему: «Учитель говорит: время Мое близко; у тебя совершу пасху с учениками Моими».

19 Ученики сделали, как повелел им Иисус, и приготовили пасху.

20 Когда же настал вечер, Он возлег с двенадцатью учениками;

21 И когда они ели, сказал: истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня.

22 Они весьма опечалились и начали говорить Ему, каждый из них: не я ли, Господи?

23 Он же сказал в ответ: опустивший со Мною руку в блюдо, этот предаст Меня;

24 Впрочем Сын Человеческий идет, как писано о Нем; но горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы этому человеку не родиться.

25 При сем и Иуда, предающий Его, сказал: не я ли, Равви? Иисус говорит ему: ты сказал.

26 И когда они ели, Иисус взял хлеб и благословив преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть Тело Мое.

27 И взяв чашу, и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все;

28 Ибо сие есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов.

29 Сказываю же вам, что отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царстве Отца Моего.

30 И воспевши пошли на гору Елеонскую.

31 Тогда говорит им Иисус: все вы соблазнитесь о Мне в эту ночь, ибо написано: «поражу пастыря, и рассеются овцы стада» (Зах. 13, 7);

32 По воскресении же Моим предварю вас в Галилее.

33 Петр сказал Ему в ответ: если и все соблазнятся о Тебе, я никогда не соблазнусь.

34 Иисус сказал ему: истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня.

35 Говорит Ему Петр: хотя бы надлежало мне и умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя. Подобное говорили и все ученики.

36 Потом приходит с ними Иисус на место, называемое Гефсимания, и говорит ученикам: посидите тут, пока Я пойду, помолюсь там.

37 И взяв с Собою Петра и обоих сыновей Зеведеевых, начал скорбеть и тосковать.

38 Тогда говорит им Иисус: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте со Мною.

39 И отошед немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты.

40 И приходит к ученикам и находит их спящими, и говорит Петру: так ли не могли вы один час бодрствовать со Мною?

41 Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна.

42 Еще, отошед в другой раз, молился, говоря: Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя.

43 И пришед находит их опять спящими, ибо у них глаза отяжелели.

44 И оставив их, отошел опять и помолился в третий раз, сказав то же слово.

45 Тогда приходит к ученикам Своим и говорит им: вы все еще спите и поживаете? вот, приблизился час, и Сын Человеческий предается в руки грешников;

46 Встаньте, пойдем: вот, приблизился предающий Меня.

47 И когда еще говорил Он, вот, Иуда, один из двенадцати, пришел, и с ним множество народа с мечами и кольями, от первосвященников и старейшин народных.

48 Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его.

49 И тотчас подошед к Иисусу, сказал: радуйся, Равви! И поцеловал Его.

50 Иисус же сказал ему: друг, для чего ты пришел? Тогда подошли, и возложили руки на Иисуса, и взяли Его.

51 И вот, один из бывших с Иисусом, простерши руку, извлек меч свой и, ударив раба первосвященникова, отсек ему ухо.

52 Тогда говорит ему Иисус: возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечем погибнут;

53 Или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов?

54 Как же сбудутся Писания, что так должно быть?

55 В тот час сказал Иисус народу: как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями взять Меня; каждый день с вами сидел Я, уча в храме, и вы не брали Меня.

56 Сие же все было, да сбудутся писания пророков. Тогда все ученики, оставив Его, бежали.

57 А взявшие Иисуса отвели Его к Каиафе первосвященнику, куда собрались книжники и старейшины.

58 Петр же следовал за Ним издали, до двора первосвященникова; и вошед внутрь, сел со служителями, чтобы видеть конец.

59 Первосвященники и старейшины и весь синедрион искали лжесвидетельства против Иисуса, чтобы предать Его смерти,

60 И не находили; и хотя много лжесвидетелей приходило, не нашли. Но наконец пришли два лжесвидетеля

61 И сказали: Он говорил: «могу разрушить храм Божий и в три дня создать его».

62 И встав первосвященник сказал Ему: что же ничего не отвечаешь? что́ они против Тебя свидетельствуют?

63 Иисус молчал. И первосвященник сказал Ему: заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий?

64 Иисус говорит ему: ты сказал; даже сказываю вам: отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных.

65 Тогда первосвященник разодрал одежды свои и сказал: Он богохульствует! на что́ еще нам свидетелей? вот, теперь вы слышали богохульство Его!

66 Как вам кажется? Они же сказали в ответ: повинен смерти.

67 Тогда плевали Ему в лице и заушали Его; другие же ударяли Его по ланитам

68 И говорили: прореки нам, Христос, кто ударил Тебя?

69 Петр же сидел вне на дворе. И подошла к нему одна служанка и сказала: и ты был с Иисусом Галилеянином.

70 Но он отрекся пред всеми, сказав: не знаю, что́ ты говоришь.

71 Когда же он выходил за ворота, увидела его другая, и говорит бывшим там: и этот был с Иисусом Назореем.

72 И он опять отрекся с клятвою, что не знает Сего Человека.

73 Немного спустя подошли стоявшие там и сказали Петру: точно и ты из них, ибо и речь твоя обличает тебя.

74 Тогда он начал клясться и божиться, что не знает Сего Человека. И вдруг запел петух.

75 И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом: прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня. И вышел вон, плакал горько.

ГЛАВА 27

1 Когда же настало утро, все первосвященники и старейшины народа имели совещание об Иисусе, чтобы предать Его смерти;

2 И связавши Его, отвели и предали Его Понтию Пилату, правителю.

3 Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осужден, и раскаявшись, возвратил тридцать сребренников первосвященникам и старейшинам,

4 Говоря: согрешил я, предав кровь невинную. Они же сказали ему: что́ нам до того? смотри сам.

5 И бросив сребренники в храме, он вышел, пошел и удавился.

6 Первосвященники, взявши сребренники, сказали: непозволительно положить их в сокровищницу церковную, потому что это цена крови.

7 Сделавши же совещание, купили на них землю горшечника, для погребения странников;

8 Посему и называется земля та «землею крови» до сего дня.

9 Тогда сбылось реченное чрез пророка Иеремию, который говорит: «и взяли тридцать сребренников, цену Оцененного, Которого оценили сыны Израиля,

10 И дали их за землю горшечника, как сказал мне Господь».

Из Евангелия от Иоанна

ГЛАВА 6

1 После сего пошел Иисус на ту сторону моря Галилейского, в окрестности Тивериады;

2 За Ним последовало множество народа, потому что видели чудеса, которые Он творил над больными.

3 Иисус взошел на гору и там сидел с учениками Своими.

4 Приближалась же Пасха, праздник Иудейский.

5 Иисус, возвед очи и увидев, что множество народа идет к Нему, говорит Филиппу: где нам купить хлебов, чтобы их накормить?

6 Говорил же это, испытывая его; ибо Сам знал, что хотел сделать.

7 Филипп отвечал Ему: им на двести динариев не довольно будет хлеба, чтобы каждому из них досталось хотя понемногу.

8 Один из учеников Его, Андрей, брат Симона Петра, говорит Ему:

9 Здесь есть у одного мальчика пять хлебов ячменных и две рыбки; но что это для такого множества?

10 Иисус сказал: велите им возлечь. Было же на том месте много травы. Итак возлегло людей числом около пяти тысяч.

11 Иисус, взяв хлебы и воздав благодарение, раздал ученикам, а ученики возлежавшим, также и рыбы, сколько кто хотел.

12 И когда насытились, то сказал ученикам Своим: соберите оставшиеся куски, чтобы ничего не пропало.

13 И собрали, и наполнили двенадцать коробов кусками от пяти ячменных хлебов, оставшимися у тех, которые ели.

14 Тогда люди, видевшие чудо, сотворенное Иисусом, сказали: это истинно Тот Пророк, Которому должно придти в мир.

15 Иисус же, узнав, что хотят придти, нечаянно взять Его и сделать царем, опять удалился на гору один.

16 Когда же настал вечер, то ученики Его сошли к морю

17 И, вошедши в лодку, отправились на ту сторону моря, в Капернаум. Становилось темно, а Иисус не приходил к ним.

18 Дул сильный ветер, и море волновалось.

19 Проплывши около двадцати пяти или тридцати стадий, они увидели Иисуса, идущего по морю и приближающегося к лодке, и испугались.

20 Но Он сказал им: это Я; не бойтесь.

21 Они хотели принять Его в лодку; и тотчас лодка пристала к берегу, куда плыли.

22 На другой день народ, стоявший по ту сторону моря, видел, что там, кроме одной лодки, в которую вошли ученики Его, иной не было, и что Иисус не входил в лодку с учениками Своими, а отплыли одни ученики Его;

23 Между тем пришли из Тивериады другие лодки близко к тому месту, где ели хлеб по благословению Господнем;

24 Итак, когда народ увидел, что тут нет Иисуса, ни учеников Его, то вошли в лодки и приплыли в Капернаум, ища Иисуса,

25 И, нашедши Его на той стороне моря, сказали Ему: Раввӣ! когда Ты сюда пришел?

26 Иисус сказал им в ответ: истинно, истинно говорю вам: вы ищите Меня не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились;

27 Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий, ибо на Нем положил печать Свою Отец, Бог.

28 Итак сказали Ему: что́ нам делать, чтобы творить дела Божии?

29 Иисус сказал им в ответ: вот дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал.

30 На это сказали Ему: какое же Ты дашь знамение, чтобы мы увидели и поверили Тебе? что́ Ты делаешь?

31 Отцы наши ели манну в пустыне, как написано: «хлеб с неба дал им есть» (Пс. 77, 24).

32 Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: не Моисей дал вам хлеб с неба, а Отец Мой дает вам истинный хлеб с небес;

33 Ибо хлеб Божий есть Тот, Который сходит с небес и дает жизнь миру.

34 На это сказали Ему: Господи! подавай нам всегда такой хлеб.

35 Иисус же сказал им: Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда.

36 Но Я сказал вам, что вы и видели Меня, и не веруете.

37 Все, что́ дает Мне Отец, ко Мне придет, и приходящего ко Мне не изгоню вон;

38 Ибо Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца.

39 Воля же пославшего Меня Отца есть та, чтобы из того, что Он Мне дал, ничего не погубить, но все то воскресить в последний день;

40 Воля Пославшего Меня есть та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день.

41 Возроптали на Него Иудеи за то, что Он сказал: «Я есмь хлеб, сшедший с небес».

42 И говорили: не Иисус ли это, сын Иосифов, Которого отца и Мать мы знаем? Как же говорит Он: «Я сшел с небес»?

43 Иисус сказал им в ответ: не ропщите между собою;

44 Никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня; и Я воскрешу его в последний день.

45 У пророков написано: «и будут все научены Богом» (Ис. 54, 13). Всякий, слышавший от Отца и научившийся, приходит ко Мне.

46 Это не то, чтобы кто видел Отца, кроме Того, Кто есть от Бога: Он видел Отца.

47 Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня имеет жизнь вечную.

48 Я есмь хлеб жизни.

49 Отцы ваши ели манну в пустыне и умерли;

50 Хлеб же, сходящий с небес, таков, что ядущий его не умрет.

51 Я хлеб живой, сшедший с небес: ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира.

52 Тогда Иудеи стали спорить между собою, говоря: как Он может дать нам есть Плоть *Свою*?

53 Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни;

54 Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день;

55 Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье;

56 Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем;

57 Как послал Меня живой Отец, и Я живу Отцем, *так* и ядущий Меня жить будет Мною;

58 Сей-то есть хлеб, сшедший с небес; не так, как отцы ваши ели манну и умерли: ядущий хлеб сей жить будет вовек.

59 Сие говорил Он в синагоге, уча в Капернауме.

60 Многие из учеников Его, слыша то, говорили: какие странные слова! кто может это слушать?

61 Но Иисус, зная Сам в Себе, что ученики Его ропщут на то, сказал им: это ли соблазняет вас?

62 Что ж, если увидите Сына Человеческого восходящего *туда*, где был прежде?

63 Дух животворит; плоть не пользует нимало; слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь;

64 Но есть из вас некоторые неверующие. Ибо Иисус от начала знал, кто суть неверующие и кто предаст Его.

65 И сказал: для того-то и говорил Я вам, что никто не может придти ко Мне, если то не дано будет ему от Отца Моего.

66 С этого *времени* многие из учеников Его отошли от Него и уже не ходили с Ним.

67 Тогда Иисус сказал двенадцати: не хотите ли и вы отойти?

68 Симон Петр отвечал Ему: Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни,

69 И мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога живого.

70 Иисус отвечал им: не двенадцать ли вас избрал Я? но один из вас диавол.

71 *Это* говорил Он об Иуде Симонове Искарите, ибо сей хотел предать Его, будучи один из двенадцати.

ГЛАВА 12

1 За шесть дней до Пасхи пришел Иисус в Вифанию, где был Лазарь умерший, которого Он воскресил из мертвых.

2 Там приготовили Ему *вечерю*, и Марфа служила, и Лазарь был одним из возлежавших с Ним.

3 Мария же, взяв фунт *нардового* чистого драгоценного мира, помазала ноги Иисуса и отерла волосами своими ноги Его; и дом наполнился благоуханием от мира.

4 Тогда один из учеников Его, Иуда Симонов Искарот, который хотел предать Его, сказал:

5 Для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим?

6 Сказал же он это не потому, чтобы заботился о нищих, но потому, что был вор: он имел *при себе денежный* ящик и носил, что туда опускали.

7 Иисус же сказал: оставьте ее; она сберегла это на день погребения Моего;

8 Ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня – не всегда.

9 Многие из Иудеев узнали, что Он там, и пришли не только для Иисуса, но чтобы видеть и Лазаря, которого Он воскресил из мертвых.

10 Первосвященники же положили убить и Лазаря,

11 Потому что ради его многие из Иудеев приходили и веровали в Иисуса.

12 На другой день множество народа, пришедшего на праздник, услышавши, что Иисус идет в Иерусалим,

13 Взяли пальмовые ветви, вышли навстречу Ему и восклицали: осанна! благословен грядущий во имя Господне, Царь Израилев!

14 Иисус же, нашед молодого осла, сел на него, как написано:

15 «Не бойся, дочь Сионова! се, Царь твой грядет, сидя на молодом осле» (Зах. 9, 9).

16 Ученики Его сперва не поняли этого; но, когда прославился Иисус, тогда вспомнили, что так было о Нем написано, и это сделали Ему.

17 Народ, бывший с Ним *прежде*, свидетельствовал, что Он вызвал из гроба Лазаря и воскресил его из мертвых;

18 Потому и встретил Его народ, ибо слышал, что Он сотворил это чудо.

19 Фарисеи же говорили между собою: видите ли, что не успеваете ничего? *весь* мир идет за Ним.

20 Из пришедших на поклонение в праздник были некоторые Еллины.

21 Они подошли к Филиппу, который был из Вифсаиды Галилейской, и просили его, говоря: господин! нам хочется видеть Иисуса.

22 Филипп идет и говорит *о том* Андрею; и потом Андрей и Филипп сказывают *о том* Иисусу.

23 Иисус же сказал им в ответ: пришел час прославиться Сыну Человеческому.

24 Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода.

25 Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную.

26 Кто Мне служит, Мне да последует, и где Я, там и слуга Мой будет; и кто Мне служит, того почитит Отец *Мой*;

27 Душа Моя теперь возмудилась; и что Мне сказать? Отче! избавь Меня от часа сего! Но на сей час Я и пришел.

28 Отче! прославь имя Твое. Тогда пришел с неба глас: и прославил и еще прославлю.

29 Народ, стоявший и слышавший *то*, говорил: это гром. А другие говорили: Ангел говорил Ему.

30 Иисус на это сказал: не для Меня был глас сей, но для народа;

31 Ныне суд миру сему; ныне князь мира сего изгнан будет вон;

32 И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе.

33 Сие говорил Он, давая разуметь, какую смертью Он умрет.

34 Народ отвечал Ему: мы слышали из закона, что Христос пребывает вовек; как же Ты говоришь, что должно вознесу быть Сыну Человеческому? кто Этот Сын Человеческий?

35 Тогда Иисус сказал им: еще на малое время свет есть с вами; ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма, а ходящий во тьме не знает, куда идет;

36 Доколе свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света. Сказав это, Иисус отошел и скрылся от них.

37 Столько чудес сотворил Он пред ними, и они не веровали в Него.

38 Да сбудется слово Исаии пророка: «Господи! кто поверил слышанному от нас, и кому открылась мышца Господня?» (Ис. 53, 1)

39 Потому не могли они веровать, что, как еще сказал Исаия,

40 «Народ сей ослепил глаза свои и окаменил сердце свое, да не видят глазами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их» (Ис. 6, 10).

41 Сие сказал Исаия, когда видел славу Его и говорил о Нем.

42 Впрочем и из начальников многие уверовали в Него, но ради фарисеев не исповедывали, чтобы не быть отлученными от синагоги;

43 Ибо возлюбили больше славу человеческую, нежели славу Божию.

44 Иисус же возгласил и сказал: верующий в Меня не в Меня верует, но в Пославшего Меня;

45 И видящий Меня видит Пославшего Меня.

46 Я свет пришел в мир, чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме.

47 И если кто услышит Мои слова и не поверит, Я не сужу его: ибо Я пришел не судить мир, но спасти мир.

48 Отвергающий Меня и не принимающий слов Моих имеет судью себе: слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день;

49 Ибо Я говорил не от Себя, но пославший Меня Отец, Он дал Мне заповедь, что сказать и что говорить;

50 И Я знаю, что заповедь Его есть жизнь вечная. Итак, что Я говорю, говорю, как сказал Мне Отец.

ГЛАВА 13

1 Перед праздником Пасхи Иисус, зная, что пришел час Его перейти от мира сего к Отцу, *явил делом, что*, возлюбив Своих сущих в мире, до конца возлюбил их.

2 И во время вечери, когда диавол уже вложил в сердце Иуде Симонову Искарриоту предать Его,

3 Иисус, зная, что Отец все отдал в руки Его, и что Он от Бога исшел и к Богу отходит,

4 Встал с вечери, снял с Себя *верхнюю* одежду и, взяв полотенце, препоясался;

5 Потом влил воды в умывальницу, и начал умывать ноги ученикам и отирать полотенцем, которым был препоясан.

6 Подходит к Симону Петру, и тот говорит Ему: Господи! Тебе ли умывать мои ноги?

7 Иисус сказал ему в ответ: что Я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после.

8 Петр говорит Ему: не умоешь ног моих вовек. Иисус отвечал ему: если не умою тебя, не имеешь части со Мною.

9 Симон Петр говорит Ему: Господи! не только ноги мои, но и руки и голову.

10 Иисус говорит ему: омытому нужно только ноги умывать, потому что чист весь; и вы чисты, но не все.

11 Ибо знал Он предателя Своего, потому и сказал: не все вы чисты.

12 Когда же умыл им ноги и надел одежду Свою, то, возлегши опять, сказал им: знаете ли, что Я сделал вам?

13 Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно говорите, ибо Я *точно* то.

14 Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу:

15 Ибо Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам.

16 Истинно, истинно говорю вам: раб не больше господина своего, и посланник не больше пославшего его.

17 Если это знаете, блаженны вы, когда исполняете.

18 Не о всех вас говорю: Я знаю, которых избрал. Но да сбудется Писание: «ядущий со Мною хлеб поднял на Меня пяту свою» (Пс. 40, 10).

19 Теперь сказываю вам, прежде нежели *то* сбылось, дабы, когда сбудется, вы поверили, что это Я.

20 Истинно, истинно говорю вам: принимающий того, кого Я пошлю, Меня принимает, а принимающий Меня принимает Пославшего Меня.

21 Сказав это, Иисус возмущился духом, и засвидетельствовал, и сказал: истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня.

22 Тогда ученики озирались друг на друга, недоумевая, о ком Он говорит.

23 Один же из учеников Его, которого любил Иисус, возлежал у груди Иисуса;

24 Ему Симон Петр сделал знак, чтобы спросил, кто это, о котором говорит.

25 Он, припав к груди Иисуса, сказал Ему: Господи! кто это?

26 Иисус отвечал: тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам. И, обмакнув кусок, подал Иуде Симонову Искариоту.

27 И после сего куска вошел в него сатана. Тогда Иисус сказал ему: что делаешь, делай скорее.

28 Но никто из возлежавших не понял, к чему Он это сказал ему.

29 А как у Иуды был ящик, то некоторые думали, что Иисус говорит ему: «купи, что нам нужно к празднику», или чтобы дал что-нибудь нищим.

30 Он, приняв кусок, тотчас вышел; а была ночь.

31 Когда он вышел, Иисус сказал: ныне прославился Сын Человеческий, и Бог прославился в Нем;

32 Если Бог прославился в Нем, то и Бог прославит Его в Себе, и вскоре прославит Его.

33 Дети! не долго уже быть Мне с вами: будете искать Меня, и, как сказал Я Иудеям, что, куда Я иду, вы не можете придти, *так* и вам говорю теперь.

34 Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, *так* и вы да любите друг друга;

35 По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою.

36 Симон Петр сказал Ему: Господи! куда Ты идешь? Иисус отвечал ему: куда Я иду, ты не можешь теперь за Мною идти, а после пойдешь за Мною.

37 Петр сказал Ему: Господи! почему я не могу идти за Тобою теперь? я душу мою положу за Тебя.

38 Иисус отвечал ему: душу твою за Меня положишь? истинно, истинно говорю тебе: не пропоет петух, как отречешься от Меня трижды.

ГЛАВА 14

1 Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога и в Меня веруйте.

2 В доме Отца Моего обителей много; а если бы не так, Я сказал бы вам: «Я иду приготовить место вам».

3 И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтобы и вы были, где Я.

4 А куда Я иду, вы знаете, и путь знаете.

5 Фома сказал Ему: Господи! не знаем, куда идешь; и как можем знать путь?

6 Иисус сказал ему: Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня;

7 Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего; и отныне знаете Его и видели Его.

8 Филипп сказал Ему: Господи! покажи нам Отца, и довольно для нас.

9 Иисус сказал ему: столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня видел Отца; как же ты говоришь: «покажи нам Отца»?

10 Разве ты не веришь, что Я в Отце, и Отец во Мне? Слова, которые говорю Я вам, говорю не от Себя; Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела.

11 Верьте Мне, что Я в Отце, и Отец во Мне; а если не так, то верьте Мне по самым делам.

12 Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, делá, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит; потому что Я к Отцу Моему иду.

13 И если чего попросите у *Отца* во имя Мое, то сделаю, да прославится Отец в Сыне;

14 Если чего попросите во имя Мое, Я *то* сделаю.

15 Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди.

16 И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек,

17 Духа истины, Которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его; а вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает и в вас будет.

18 Не оставлю вас сиротами; приду к вам.

19 Еще немного, и мир уже не увидит Меня; а вы увидите Меня, ибо Я живу, и вы будете жить.

20 В тот день узнаете вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас.

21 Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцем Моим, и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам.

22 Иуда, не Искариот, говорит Ему: Господи! что́ это, что Ты хочешь явить Себя нам, а не миру?

23 Иисус сказал ему в ответ: кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим.

24 Нелюбящий Меня не соблюдает слов Моих; слово же, которое вы слышите, не есть Мое, но пославшего Меня Отца.

25 Сие сказал Я вам, находясь с вами.

26 Утешитель же, Дух Святый, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что́ Я говорил вам.

27 Мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не так, как мир дает, Я даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается.

28 Вы слышали, что Я сказал вам: «иду *от вас* и приду к вам». Если бы вы любили Меня, то возрадовались бы, что Я сказал: «иду к Отцу»; ибо Отец Мой более Меня.

29 И вот, Я сказал вам *о том*, прежде нежели сбылось, дабы вы поверили, когда сбудется.

30 Уже немного Мне говорить с вами, ибо идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего.

31 Но чтобы мир знал, что Я люблю Отца, и как заповедал Мне Отец, так *и* творю: встаньте, пойдём отсюда.

ГЛАВА 18

1 Сказав сие, Иисус вышел с учениками Своими за поток Кедрон, где был сад, в который вошел Сам и ученики Его.

2 Знал же это место и Иуда, предатель Его, потому что Иисус часто собирался там с учениками Своими.

3 Итак Иуда, взяв отряд воинов и служителей от первосвященников и фарисеев, приходит туда с фонарями и светильниками и оружием.

4 Иисус же, зная все, что́ с Ним будет, вышел и сказал им: кого ищите?

5 Ему отвечали: Иисуса Назорея. Иисус говорит им: это Я. Стоял же с ними и Иуда, предатель Его.

6 И когда сказал им: «это Я», – они отступили назад и пали на землю.

7 Опять спросил их: кого ищите? Они сказали: Иисуса Назорея.

8 Иисус отвечал: Я сказал вам, что это Я; итак, если Меня ищете, оставьте их, пусть идут, —

9 Да сбудется слово, реченное Им: из тех, которых Ты Мне дал, Я не погубил никого.

10 Симон же Петр, имея меч, извлек его, и ударил первосвященнического раба, и отсекал ему правое ухо; имя рабу было Малх.

11 Но Иисус сказал Петру: вложи меч в ножны; неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?

12 Тогда воины и тысяченачальник и служители Иудейские взяли Иисуса, и связали Его,

13 И отвели Его сперва к Анне; ибо он был тесть Каиафе, который был на тот год первосвященником:

14 Это был Каиафа, который подал совет Иудеям, что лучше одному человеку умереть за народ.

15 За Иисусом следовали Симон Петр и другой ученик; ученик же сей был знаком первосвященнику и вошел с Иисусом во двор первосвященнический;

16 А Петр стоял вне за дверями. Потом другой ученик, который был знаком первосвященнику, вышел, и сказал придвернице, и ввел Петра.

17 Тут раба придверница говорит Петру: и ты не из учеников ли Этого Человека? Он сказал: нет.

18 Между тем рабы и служители, разведши огонь, потому что было холодно, стояли и грелись; Петр также стоял с ними и грелся.

19 Первосвященник же спросил Иисуса об учениках Его и об учении Его.

20 Иисус отвечал ему: Я говорил явно миру; Я всегда учил в синагоге и в храме, где всегда Иудеи сходятся, и тайно не говорил ничего;

21 Что спрашиваешь Меня? спроси слышавших, что Я говорил им; вот, они знают, что Я говорил.

22 Когда Он сказал это, один из служителей, стоявший близко, ударил Иисуса по щеке, сказав: так отвечаешь Ты первосвященнику?

23 Иисус отвечал ему: если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?

24 Анна послал Его связанного к первосвященнику Каиафе.

25 Симон же Петр стоял и грелся. Тут сказали ему: не из учеников ли Его и ты? Он отрекся и сказал: нет.

26 Один из рабов первосвященнических, родственник тому, которому Петр отсекал ухо, говорит: не я ли видел тебя с Ним в саду?

27 Петр опять отрекся; и тотчас запел петух.

28 От Каиафы повели Иисуса в преторию. Было утро; и они не вошли в преторию, чтобы не оскверниться, но чтобы можно было есть пасху.

29 Пилат вышел к ним и сказал: в чем вы обвиняете Человека Сего?

30 Они сказали ему в ответ: если бы Он не был злодей, мы не предали бы Его тебе.

31 Пилат сказал им: возьмите Его вы и по закону вашему судите Его. Иудеи сказали ему: нам не позволено предавать смерти никого, —

32 Да сбудется слово Иисусово, которое сказал Он, давая разуметь, какую смертью Он умрет.

33 Тогда Пилат опять вошел в преторию, и призвал Иисуса, и сказал Ему: Ты Царь Иудейский?

34 Иисус отвечал ему: от себя ли ты говоришь это, или другие сказали тебе о Мне?

35 Пилат отвечал: разве я Иудей? Твой народ и первосвященники предали Тебя мне; что Ты сделал?

36 Иисус отвечал: Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан Иудеям; но ныне Царство Мое не отсюда.

37 Пилат сказал Ему: итак Ты Царь? Иисус отвечал: ты говоришь, что Я Царь; Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего.

38 Пилат сказал Ему: что есть истина? И, сказав это, опять вышел к Иудеям и сказал им: я никакой вины не нахожу в Нем;

39 Есть же у вас обычай, чтобы я одного отпускал вам на Пасху: хотите ли, отпущу вам Царя Иудейского?

40 Тогда опять закричали все, говоря: не Его, но Варавву. Варавва же был разбойник.

Из Деяний апостолов

ГЛАВА 1

1 Первую книгу написал я к тебе, Феó фил, о всем, что́ Иисус делал и чему учил от начала

2 До того дня, в который Он вознесся, дав Святым Духом повеления Апостолам, которых Он избрал,

3 Которым и явил Себя живым, по страдании Своем, со многими верными доказательствами, в продолжение сорока дней являясь им и говоря о Царствии Божиим;

4 И, собрав их, Он повелел им: не отлучайтесь из Иерусалима, но ждите обещанного от Отца, о чем вы слышали от Меня;

5 Ибо Иоанн крестил водою, а вы, чрез несколько дней после сего, будете крещены Духом Святым.

6 Посему они сошедшись спрашивали Его, говоря: не в сие ли время, Господи, восстановляешь Ты царство Израилю?

7 Он же сказал им: не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти;

8 Но вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святый, и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии, и даже до края земли.

9 Сказав сие, Он поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их.

10 И когда они смотрели на небо, во время восхождения Его, вдруг предстали им два мужа в белой одежде

11 И сказали: мужи Галилейские! что́ вы стоите и смóтрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо.

12 Тогда они возвратились в Иерусалим с горы, называемой Елеон, которая находится близ Иерусалима, в расстоянии субботнего пути.

13 И пришедши взошли в горницу, где и пребывали, Петр и Иаков, Иоанн и Андрей, Филипп и Фома, Варфоломей и Матфей, Иаков Алфеев и Симон Зилот, и Иуда, брат Иакова.

14 Все они единодушно пребывали в молитве и молении, с некоторыми женами и Мариною, Материю Иисуса, и с братьями Его.

15 И в те дни Петр, став посреди учеников, сказал

16 (Было же собрание человек около ста двадцати): мужи братия! Надлежало исполниться тому, что в Писании предрек Дух Святый устами Давида об Иуде, бывшем вожде тех, которые взяли Иисуса.

17 Он был сопричислен к нам и получил жребий служения сего;

18 Но приобрел землю неправедною мздою, и когда низринулся, расселось чрево его, и выпали все внутренности его;

19 И это сделалось известно всем жителям Иерусалима, так что земля та на отечественном их наречии названа Акелдама, то есть «земля крови».

20 В книге же Псалмов написано: «да будет двор его пуст, и да не будет живущего в нем»; и: «достоинство его да примет другой» (Пс. 68, 26; 108, 8).

21 И так надобно, чтобы один из тех, которые находились с нами во все время, когда пребывал и обращался с нами Господь Иисус,

22 Начиная от крещения Иоаннова до того дня, в который Он вознесся от нас, был вместе с нами свидетелем воскресения Его.

23 И поставили двоих: Иосифа, называемого Варса-вою, который прозван Иустом, и Матфия;

24 И помолились и сказали: Ты, Господи, Сердцеведец всех, покажи из сих двоих одного, которого Ты избрал

25 Принять жребий сего служения и Апостольства, от которого отпал Иуда, чтобы идти в свое место.

26 И бросили о них жребий, и выпал жребий Мат-фию, и он сопричислен к одиннадцати Апостолам.

Отцы и учителя Церкви об Иуде

Ориген Александрийский

Толкование Писаний об апостоле Иуде

(из трактата «Против Цельса»,
книга третья, глава XI)^[1]

...Возражение, что Иисус был предан теми, которых Он называл учениками, иудей Цельсов заимствовал из Евангелий; но при этом он одного Иуду принял за многих учеников, чтобы тем самым придать своему обвинению бóльшую силу. Вообще он недостаточно проник в смысл повествования Писаний об Иуде.

В душе Иуды, очевидно, боролись противоположные чувства: он не был всей душой враждебно настроен против Иисуса, но не сохранял по отношению к Нему всей душой и того чувства уважения, каким проникается ученик к своему учителю. Решившись предать Его, (Иуда) подошедшей толпе, намеревающейся схватить Иисуса, подал знак и сказал: *Кого я поцелую, тот и есть, возьмите Его* (Мф. 26:48). Он, таким образом, сохранил в отношении к Нему некоторое чувство уважения: ведь если бы этого чувства у него не было, то тогда прямо без лицемерного целования он предал бы Его. Отсюда разве не ясно для всех, что в душе Иуды наряду со сребролюбием и со злым умыслом предать учителя было тесно связано чувство, произведенное в нем словами Иисуса, – то чувство, которое – если можно так выразиться – заключало в нем еще некоторый остаток доброго расположения.

В Писании мы читаем: *тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осужден, и, раскаявшись, возвратил тридцать сребренников первосвященникам и старейшинам, говоря: согрешил я, предав кровь невинную. Они же сказали: что нам до того? смотри сам. И, бросив сребренники в храм, он вышел; пошел и удавился* (Мф. 27:3–5). Если сребролюбивый Иуда, крадущий милостыню, которую полагали в ящик в пользу бедных, возвратил тридцать сребренников архиереям и старейшинам из чувства раскаяния, то это, несомненно, является действием учения Иисуса, которого предатель не мог совершенно презреть и извергнуть. Да и выражение: *согрешил я, предав кровь невинную* – было, собственно, сознанием своей вины.

Посмотри, какую жгучую боль произвело в нем раскаяние в совершенном преступлении: он не мог более выносить даже самой жизни, бросил в храм деньги, поспешно удалился (отсюда), ушел и повесился. И этим поступком он сам над собой произнес приговор и

в то же время показал, какую силу имело учение Иисуса над Иудой – этим грешником, вором и предателем, который все же не мог совершенно исторгнуть из своего сердца учение Иисуса, преподанное ему. И ужели единомышленники Цельса будут считать вымыслом все эти обстоятельства, которые доказывают, что отпадение Иуды, даже после совершенного им против учителя преступления, отнюдь не было полным?

Ужели они будут выдавать за истину только тот факт, что один из учеников предал Его, и при этом добавлять к Писанию, что он предал Иисуса будто бы ото всей души? Ведь совершенно неразумно обосновывать доверие или недоверие к свидетельствам одних и тех же Писаний на одном только чувстве ненависти.

Что касается Иуды, то мы можем – если только это потребуется – указать нашим противникам на одно обстоятельство, которое может их пристыдить; мы можем сослаться из Книги Псалмов на весь сто восьмой Псалом, который касается предательства Иуды и имеет такое начало: *Боже хвалы моей! не премолчи! Ибо отверзлись на меня уста нечестивые и уста коварные* (Пс. 108:1–2). Там предсказывается, что Иуда через свое преступление исключил себя из числа Апостолов и что на его место должен избраться другой. Эта мысль приводится в следующем выражении: *и достоинство его да возьмет другой* (Пс. 108:8). Допустим даже, что Иисуса мог предать из Его учеников кто-нибудь другой, который был еще хуже Иуды, который все учение, услышанное от Иисуса, исторгнул из себя совершенно; но, спрашивается, как же все это вяжется с обвинением против Иисуса и против христианства? Как все это может доказывать ложь Его учения?

Что касается дальнейших возражений Цельса, то мы и раньше занимались их опровержением. Именно мы показали, что Иисус вовсе не старался убежать, когда Его хотели схватить, что Он, напротив, добровольно за всех нас предал Себя в руки врагов. Отсюда следует также, что хотя Он и был связан, но это случилось не против Его воли с той целью, чтобы научить нас переносить подобные страдания добровольно ради благочестия.

Папий Иерапольский

Учение Христа о Царствии Небесном в восприятии апостола Иуды^[2]

Пресвитеры, видевшие Иоанна, ученика Господня, сказывали, что они слышали от него, как Господь учил о тех временах и говорил: «Придут дни, когда будут расти виноградные деревья, и на каждом будет по десять тысяч лоз, на каждой лозе по десять тысяч веток, на каждой ветке по десять тысяч прутьев, на каждом пруте по десять тысяч кистей и на каждой кисти по десять тысяч ягодинок, и каждая выжатая ягодина даст по двадцати тысяч мер вина. И когда кто-либо из святых возьмется за кисть, то другая (кисть) возопит: „я лучшая кисть, возьми меня; чрез меня благослови Господа“. Подобным образом и зерно пшеничное родит десять тысяч колосьев, и каждый колос будет иметь по десять тысяч зерен, и каждое зерно даст по десять фунтов чистой муки; и прочие плодовые деревья, семена и травы будут производить в соответственной сему мере, и все животные, пользуясь пищею, получаемой от земли, будут мирны и согласны между собою и в совершенной покорности людям».

Об этом и Папий, ученик Иоанна и товарищ Поликарпа, муж древний, письменно свидетельствует в своей четвертой книге, ибо им составлено пять книг. Он прибавил следующее: «Это для верующих достойно веры. Когда же Иуда предатель не поверил сему и спросил, каким образом сотворится Господом такое изобилие произрастений, – то Господь сказал: это увидят те, которые достигнут тех (времен)».

Св. Ефрем Сирин
Из толкования на евангельские события, связанные
с Иудой Искаротом^[3]

Толкование на Преображение, где явились Иисусу
Христу Моисей и Илия, а были с Ним на горе только
трое учеников

Почему же не всех учеников взял с Собой? Потому, что среди них был Иуда, чуждый царства, который недостойн был того, чтобы вести его туда, но и одного его оставлять не следовало, так как по причине избрания Того, Кто призвал его к этой должности, он казался людям совершенным. Господь же избрал его тогда, когда тайный замысел его был еще неизвестен. Ведь если неправедность его была известна, то ученики, товарищи его, знали бы о ней. Господь же знал, что он будет предателем, и тогда сказал: «один из вас предаст Меня» (Мф. 26:21), и ему начал говорить: «вот он», тогда отделил его от остальных товарищей. Но зачем избрал его, или потому что ненавидел его? зачем же еще сделал его распорядителем и носителем кошелька? Во-первых, затем, чтобы показать совершенную любовь Свою и благодать милосердия Своего;

потом, чтобы научить церковь Свою, что хотя в ней бывают и ложные учителя, однако (самое) учительское звание истинно, ибо место Иуды предателя не осталось праздным; наконец, чтобы научить, что хотя и бывают негодные управители, однако правление Его домостроительства истинно. Таким образом, Господь умыл ноги Иуды, но по умовению он поднялся (и) теми же ногами ушел к убийцам Его. Господь поцеловал его (Иуду), который поцелуем дал знак смерти разыскивавшим Его, и простер хлеб той руке, которая, простершись, приняла цену за Него и продала Его убийцам.

О Тайной Вечере

«Можно было продать это миро за триста динариев и отдать бедным» (Ин. 12:5). Это сказал Иуда, которому Господь, усмотревши в нем жажду денег, поручил раздачу денег как распорядителю и носителю кошелька. Дабы насытился и не делался предателем ради денег. Потому что полезнее было ему красть серебро, чем предавать

Творца серебра. Ведь кому иному (кроме Иуды, которого надлежало исправить) нужен был кошелек там, где налицо было чудо пяти опресночных хлебов, или вина из воды, или врачевания, данного глазам сына Тимеева (Мк. 10:46), или то чудо, которое произошло при взимании дидрахмы? «Не радуйтесь, – говорит, – что бесы повинуются вам, поелику и Иуда Искарот изгнал бесов, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах» (Лк. 10:20); Иуда же написан на земле вместе с распинателями Господа.

Иуда изгнал демонов, дабы сам враг Господа разъяснил товарищам своим – распинателям, действительно ли чрез Вельзевула Господь изгонял бесов, и дабы предатель постыдился, если бесы убоялись того, кто был вор, и выходили вон, тогда как вор серебра не убоялся Господа серебра.

Быть может, однако, он понял это и потому надел на себя веревку и повесился. А чтобы не сказали, что Господь Сам избрал предателя учеником Своим, не зная об этом, (для сего) сказал: «один из вас диавол» (ср. Ин. 6:71), скрывая имя Иуды для того, чтобы не обесславить его (на тот случай), если он захочет принести покаяние. Когда умывал им ноги, то не начал с Симона, первого из учеников. Ибо если первый из ангелов при таком положении (когда возвышен был к славе первенства) оставил честь славы своей, то каким образом первый из учеников мог бы устоять в степени чести своей? Не научился ли бы он скорее подражать первому из ангелов?

Омовение ног

«Один из вас, который ест со Мною хлеб, он предаст Меня, и вот рука предателя Моего со Мною за столом, и Сын человеческий идет, как написано о Нем» (Лк. 22:21). Такими словами с милосердием оплакивал сего нечестивого губителя. «Лучше было бы ему не родиться» (Мф. 26:24). Но если Господь хотел взойти на крест, то к чему мы отнесем это (Его) изречение, к предвидению ли (Его), к неведению ли, или к коварству, поелику сказал: «лучше было бы ему не родиться»? Что (могло) препятствовать тому, чтобы раскаяние (предателя) удостоилось принятия? [Некий еретик, быть может Маркион, усматривал в словах Господа противоречие Себе: если Господь хотел взойти на крест, то как Он мог сказать, что лучше было бы не родиться предателю, без которого Он не взошел бы на крест? С другой стороны, разве предатель не мог раскаяться?] Тот, Кто взошел на крест, быть может, хотел взойти на крест помимо сей случайной причины (т. е. помимо предательства Иуды), хотя это и

невероятно, так как Писание евреев и многое другое не позволяют нам верить этому.

Любовь открыла тайну и сообщила (ее) страху, поелику, пока любовь возлежала на груди Господа, страх часто кивал ей головою. (Ср. Ин. 13:21–26.)

Как истинно и верно то, что Господь, раздавая хлеб Своим ученикам, дал им таинство тела Своего, так должно верить также и в то, что хлеб, данный Господом убийце Своему, дан был в таинство умерщвления тела Своего. И обмакнул его (Ин. 13:26), чтобы таким образом наименовать участие (Иуды) во вполне уже решенном убийстве Его, в котором тело омочено было кровью Его. Или для того омочил хлеб, чтобы вместе с хлебом не дать также и завета. Сначала омыл хлеб и тогда дал ему его. Омыт был от этого хлеба прежний завет, поелику он приготовлен был новым заветом. Любостязание отделило Иуду от совершенных членов Господа, как и Спаситель кротко научил, что он (Иуда) не от тела церкви Его, но прах, приставший к ногам учеников Его. Посему и в ту ночь, когда отделял его от них, омыл нечистоту, приставшую к ногам их, дабы научить нас, что Иуда, который, как последний из двенадцати апостолов, оказывался как бы ногами тела, был омыт Им водою от ног апостолов, как грязь, предназначенная огню. Таким же образом Господь посредством воды отделил Иуду от учеников, когда давал ему хлеб, омоченный водою, потому что он недостойн был того хлеба, который вместе с вином раздавался двенадцати апостолам. Ибо тому, кто предавал Его на смерть, неприлично было посредством хлеба принять (в себя) Того, Кто спасает от смерти.

С того времени, как преломил тело Свое ученикам Своим и дал тело Свое апостолам, считаются те три дня Его, в течение коих Он сопричислялся к мертвым, как и Адам, который по вкушении от дерева жил многие годы, хотя по причине преступления заповеди причислялся к мертвым, поелику Бог сказал так: «в день, в который ты вкусишь, умрешь» (Быт. 2:17); и как в следующем месте: «четыре года будет семя твое в Египте» (Быт. 15:13), потому что годы эти исчислены с того дня, когда сказано это слово. То же должно сказать и о Господе. Или шестой день (т. е. пятница) считается за два дня, а суббота за один. Давши тело Свое на съедение им в таинство смерти Своей, Он вошел в чрево их, как потом вошел в землю. И так как Адам не благословил, когда в непослушании срывал плод, то «Господь благословил и преломил» (Мф. 26:26). И хлеб вошел и изгладил осуждение похоти, по которой Адам преступил заповедь Божию. Или три дня считаются от

нисхождения до восхождения, то есть пятница, суббота и воскресенье (от погребения до воскресения из мертвых).

Гефсимания и взятие Иисуса

«И был пот Его как капли крови» (Лк. 22:44).

Вспотел, чтобы исцелить болящего Адама. «В поте лица твоего, – говорит, – будешь есть хлеб твой» (Быт. 3:19). И в саду молился, чтобы снова возвести Адама в сад.

Я призвал вас, – говорит, – бодрствовать со Мною, да не буду предан, поелику же ныне Я предаюсь, то «спите и почивайте» (Мф. 26:45). Иуда начало царства (Быт. 49:15) и Иуда истребитель царства. Когда Иуда коварным поцелуем предавал Господа римлянам, то вместе с Ним передал римлянам и долг отомстить за Него.

Пришел нечестивый Иуда, чтобы исчерпать великую бездну падения своего, и это Господь, показывая, что Он благ и источник милосердия, кротко раскрыл, говоря: «Иуда, целованием ли ты пришел предать Сына Человеческого?» (Лк. 22:48). Сим и научает, что Сын Божий не мог быть предан им. «Для чего же ты пришел, друг?» (Мф. 26:50). Вражду зовет дружбой. Господь обращает к нему лицо Свое, коварный ученик приступил к Учителю истины, чтобы поцеловать Его. Извлек из него дух, который вдунул в него, потому что не хотел, чтобы хищный волк продолжал оставаться среди овец Его. Ибо говорил: «то, что имел, отнято от него» (Мф. 13:11).

Господь сказал им: «кого вы ищете?» (Ин. 18:4) – так как, именно, они думали, что Он не может освободиться от рук их. «Говорят Ему: Иисуса Назарянина. Сказал им Иисус: вот Я. Когда при этом Иуда стоял с ними, они отступили назад и пали на землю» (Ин. 18:5–6). Против воли преклонились пред Ним, дабы узнать, что Он добровольно отдает Себя в руки их. Но, не устранившись силы, которая повергла их, они простерли нечистые руки и взяли своего Очистителя... «Связали Его и повели» (Ин. 18:12–13).

После осуждения Иисуса. Раскаянье и смерть Иуды

«Когда Иуда увидел, что Господь осужден, то, охваченный скорбью, пошел и возвратил тридцать сребренников священникам и говорит: согрешил я, предав кровь праведную. Говорят ему: что нам до того, смотри сам. И бросил серебро в храм и пошел, и повесился, и умер» (Мф. 27:3–5). Ушел Иуда, дабы стать вестником тех

зablуждений, каким последовал. Он так размышлял в себе: «освобожусь от множества порицаний и скроюсь от беславия», и таким образом, отбросивши удила, как будто бы ему ничего не оставалось по переходе из этого мира, он накинул на себя петлю и умер. И дабы милосердие не посрамилось в наказании его, не нашлось никого из сынов мира и истины, кто убил бы его, но сам повесил себя на веревке, чтобы показать, что в последний день злоба человеческая таким же образом погубит и истребит сама себя. Итак, кто отмстит за кровь Того, который пришел в подобии человека, если не тот, кто, облекшись подобием человека (т. е. диавол, вошедший в Иуду), предал Его, не потому что мог победить Его и предать, но потому что Он Сам восхотел предать Себя? И Господь отнюдь не умерщвлял злобы, но хотел, чтобы она сама погубила себя своими делами. Итак, диавол умертвил бессмертного, облекшегося человеческим видом, и заслужил возмездие Божие, дабы чрез возмездие Божие погиб и умерщвлен был тот, кто назывался богом (т. е. диавол, почитаемый за бога в идолах). Пускающий стрелу в неприятеля ломает стрелу и лук бросает в огонь, когда она (стрела), будучи отражена, побивает того, кто пустил ее. Так и сатана, видя, что смерть Сына стала победой мира и Его крест освободителем твари, вошел в Иуду, сосуд свой, и он пошел и повесился на веревке. А что «расселось чрево его» (Деян. 1:18), то это указывает на того, кто поддерживал Иуду, когда он надевал веревку. И как разорвалась веревка, так и он упал и переломился пополам. Иные говорят, что Иуда закрыл двери дома и запер их изнутри, и пока он подвергался гниению и чрево его расселось, никто не мог открыть двери дома, чтобы видеть находящееся внутри (его).

«Непозволительно принять серебро это в сокровищницу» (Мф. 27:6). Убоялись изречения Писания и хотели воспрепятствовать его исполнению. Однако серебро, коль скоро оно принесено в храм, уже чрез это делалось священным. «И что купили на него место погребения» (Мф. 27:7), то это хорошо случилось, так как делали это ради Бога (чтобы исполнилось пророчество Писания); ибо в этом было великое таинство. Если это серебро они дали из святилища, то почему нельзя было принять его назад в ту же сокровищницу? Почему недозволительно было присоединить эти деньги к тем деньгам, откуда дали? Если же не отсюда их дали, то могли бы сказать это ясно. И неужели же это серебро было более нечисто, чем другое серебро? Разве оно было более нечисто, чем меч Голиафа, который, обернутый полотном, был положен сбоку алтаря, чем золото египтян (Ис. 11:2), чем золото, которое Давид отнял у всех

царств и посвятил Богу, чем тот венец с жемчужинами, который он возложил на голову свою и в духе воспел (Пс. 20:4), чем те клятвенные дары, принесенные филистимлянами, которые там же были (положены) навеки? Разве и Навуходоносор не отнял все богослужebные сосуды и не положил их в храме богов своих? Даже и ковчег завета (филистимляне) внесли в дом Дагона. Кто может нечистое сделать святым и освященным? А если по той причине купили поле на это серебро, что Он Сам Себя сделал Богом, то надлежало покрыть им алтарь. Однако не это было у них на сердце, но хотели воспрепятствовать исполнению пророчества.

Свт. Иоанн Златоуст
О предательстве Иуды^[4]

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

о предательстве Иуды и о Пасхе, о преподании таин, а также и о непамятозлобии. (Сказана) в Святой и великий четверг

Вопрос о злополучии Иуды и тех, кто гонит праведников. – Несчастливы не те, кого гонят, а те, кто гонит, потому что гонения первым открывают двери рая, а последним врата ада. – Посему гонимые должны молиться о гонящих. – Изложение истории предательства Иуды. – Необходимость и всем нам беречься того, чтобы не впасть в грех этого апостола. – Дело Иуды и женщины-грешницы как доказательство свободы воли. – Тайная вечеря и пасха иудейская. – Установление таинства евхаристии. – Прощение обид как одно из лучших средств приготовления к св. причащению.

НЕМНОГО нужно сегодня сказать вашей любви; немного нужно сказать не потому, чтобы вы тяготились множеством проповедуемого, – невозможно найти другой город, который был бы так любовно расположен к слушанию духовных бесед. Итак, не потому мы скажем немного, что мы надоедаем вам множеством проповедуемого, но потому, что сегодня есть важная причина к сокращению речи: я вижу, что многие из верующих спешают к приобщению страшных таин. Поэтому, дабы они не лишились и этой трапезы, и не остались без той, необходимо пищу распределить соразмерно, чтобы и с той и с другой стороны вам была польза и чтобы вы отошли, снабженные в путь этой трапезой и нашими беседами, и приступили к страшному и ужасному приобщению со страхом, трепетом и надлежащим благоговением.

1. Сегодня, возлюбленные, Господь наш Иисус Христос был предан; в этот наступающий вечер иудеи взяли Его и пошли. Но не предаваясь унынию, услышав, что Иисус был предан; или лучше предайся унынию и плачь горько, но не о преданном Иисусе, а о предателе Иуде, потому что преданный спас вселенную, а предавший погубил свою душу; преданный сидит ныне одесную Отца на небесах, а предавший находится ныне в аду, ожидая

неизбежного наказания. О нем плачь и воздыхай, о нем скорби, как и Владыка наш плакал о нем. Увидев его, говорится [в Писании], *возмутился духом и сказал: один из вас предаст Меня* (Ин. 13:21). О, сколь велико милосердие Владыки: преданный скорбит о предавшем! Увидев его, говорит [евангелист], *возмутился духом и сказал: один из вас предаст Меня*. Для чего Он опечалился? Для того, чтобы показать любовь Свою и вместе научить нас, что не того, кто терпит зло, а того, кто причиняет зло, нужно постоянно оплакивать. Последнее хуже первого, или, лучше сказать, первое, т. е. терпеть зло, не есть зло, а причинять зло есть зло. Терпеть зло – это доставляет Царство Небесное; а причинять зло – это подвергает нас геенне и наказанию. *Блаженны, говорит Господь, изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное* (Мф. 5:10). Видишь ли, как претерпевающий зло получает награду и воздаяние – Царство Небесное? Послушай, как причиняющий зло подвергается наказанию и отщению.

Павел, сказав об иудеях, что они *убили и Господа Иисуса и Его пророков изгнали* (1 Фес. 2:15), присовокупил: *но конец их будет по делам их* (2 Кор. 11:15). Видишь ли, как гонимые получают царство, а гонящие наследуют гнев [Божий]? Это сказано мной теперь не без цели, а для того, чтобы мы не гневались на врагов, но жалели их, оплакивали их и сострадали им: они-то именно и терпят зло, враждуя против нас. Если мы так настроим душу свою, то в состоянии будем и молиться за них. Для того я и беседую с вами уже четвертый день о молитве за врагов, чтобы это слово наставления было твердо усвоено, укоренившись в вас от непрестанного внушения. Для того я непрестанно и изливаюсь в словах, чтобы опала опухоль гнева и утихло воспаление, так чтобы приступающий к молитве чист был от гнева. Христос заповедал это не только для врагов, но и для нас, прощающих им грехи, так как ты сам больше приобретаешь, чем даешь, прекращая гнев на врага. Как же, скажешь, я больше приобретаю? Если ты простишь грехи врагу, то тебе будут прощены твои прегрешения против Владыки. Эти неисцелимы и непростительны, а для тех есть великое облегчение и прощение. Послушай, как Илий говорил сыновьям своим: *если согрешит человек против человека, то помолятся о нем Богу; если же человек согрешит против Господа, то кто будет ходатаем о нем?* (1 Цар. 2:25). Таким образом, эта рана не легко исцеляется и молитвой; но, не исцеляясь молитвой, она исцеляется прощением грехов ближнему. Поэтому грехи в отношении к Владыке Христос назвал тысячами талантов, а грехи в отношении к ближнему – сотней

динариев (Мф. 18:23–35). Прости же сто динариев, чтобы тебе были прощены тысячи талантов.

2. Впрочем, о молитве за врагов довольно сказано; возвратимся, если угодно, к речи о предательстве и посмотрим, как предан был Господь наш. *Тогда один из двенадцати, называемый Иуда Искариот, пошел к первосвященникам и сказал: что вы дадите мне, и я вам предам Его?* (Мф. 26:14–15). Эти слова, по-видимому, ясны и ничего более в них не подразумевается; но если кто тщательно исследует каждое из этих слов, то найдет в них много предметов для размышления и великую глубину мыслей. И, во-первых – время; не напрасно евангелист означает его, не просто сказал он: *пошел*, но прибавил: *тогда пошел. Тогда*; скажи мне: когда? И для чего он означает время? Чему он хочет научить меня? Не без цели сказано это: *тогда*, – говорящий Духом не говорит напрасно и без цели. Что же значит это *тогда*? Перед тем самым временем, перед тем самым часом приходила блудница с *алавастровым сосудом мира* и возлила этот елей на главу Господа (Мф. 26:7). Она показала великую услужливость, показала великую веру, великое послушание и благоговение; изменила прежнюю жизнь, сделалась лучше и целомудреннее. Но когда блудница раскаялась, когда она снискала себе благоволение Владыки, тогда ученик предал Учителя. Для того и сказано: *тогда*, чтобы ты не обвинял Учителя в немощи, когда увидишь, что ученик предает Учителя. Сила Учителя была такова, что она привлекала и блудниц к повиновению Ему.

Почему же, скажешь, обращавший блудниц не в силах был привлечь к себе ученика? Он в силах был привлечь к себе ученика, но не хотел сделать его добрым по необходимости и привлечь к Себе насильно. *Тогда пошел*. Немаловажный предмет для размышления заключается и в этом слове: *пошел*; не быв призван первосвященниками, не быв принужден необходимостью или силой, но сам по себе и от себя он произвел коварство и предпринял такое намерение, не имея никого сообщником этого нечестия. *Тогда пошел один из двенадцати*. Что значит: *один из двенадцати*? И в этих словах: *один из двенадцати* выражается величайшее против него осуждение. У Иисуса были и другие ученики, числом семьдесят; но те занимали второе место, не пользовались такой честью, не имели такого дерзновения, не участвовали в стольких тайнах, как двенадцать учеников. Эти были особенно отличены и составляли хор около Царя; это было приближенное общество Учителя; и отсюда ниспал Иуда. Итак, дабы ты знал, что не простой ученик предал Его, но один из высшего разряда, для этого и говорит евангелист: *один из*

двенадцати. И не стыдился написать это святой Матфей. Для чего не стыдился? Для того, чтобы ты знал, что евангелисты всегда во всем говорят истину и ничего не скрывают, даже и того, что кажется унижительным, потому что и это, по-видимому унижительное, показывает человеколюбие Владыки: предателя, разбойника, вора Он удостоил таких благ и до последнего часа терпел его, вразумлял, увещевал и всячески оказывал попечение о нем. Если же он не внимал, то виной не Господь; свидетельница этому – блудница, она была внимательна к самой себе – и спаслась. Итак, не отчаивайся, взирая на блудницу; и не будь самонадеян, взирая на Иуду. То и другое губительно, и самонадеянность и отчаяние; самонадеянность стоящего заставляет падать, а отчаяние лежащему не позволяет встать. Поэтому и Павел увещевал так: *кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть* (1 Кор. 10:12). Ты имеешь примеры того и другого – как ученик, казавшийся стоящим, пал и как блудница павшая восстала. Склонен к падению наш ум, удобопреклонна воля; поэтому нам нужно со всех сторон оберегать и ограждать себя. *Тогда пошел один из двенадцати, называемый Иуда Искариот*. Видишь ли, из какого хора ниспал он? Видишь ли, каким учением пренебрег он? Видишь ли, какое зло – беспечность и нерадение? *Называемый Иуда Искариот*.

Для чего ты мне называешь его город? О, если бы мне не знать его! *Называемый Иуда Искариот*. Для чего же ты называешь его город? Был другой ученик – Иуда, называемый Зилоном (ревнителем). Чтобы от одинаковости имени не произошло какой-нибудь ошибки, евангелист и отличил того от этого; этого назвал по доброму качеству его: *Иуда Зилон*, а того не назвал по злomu его качеству – не сказал: *Иуда предатель*. Хотя следовало бы, как этого назвал он по доброму качеству, так и того назвать по злomu качеству и сказать: *Иуда предатель*; но, дабы научить тебя соблюдать язык свой чистым от осуждения, он щадит и самого предателя. *Пошел, говорит, один из двенадцати, называемый Иуда Искариот, к первосвященникам и сказал: что вы дадите мне, и я вам предам Его?* О, нечестивые эти слова! Как они исторглись из уст, как подвинулся язык? Как не оцепенело все тело? Как не омрачился ум?

3. *Что вы дадите мне, и я вам предам Его?* Этому ли, скажи мне, научил тебя Христос? Не поэтому ли говорил Он: *не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои* (Мф. 10:9), заранее сдерживая твою склонность к сребролюбию? Не к этому ли убеждал Он постоянно и вместе с тем говорил: *но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую?* (Мф. 5:39). *Что вы дадите мне, и я вам предам Его?* О, безумие! За что? – скажи мне. В чем

малом или великом имея обвинить (Его), ты предаешь Учителя? За то, что Он тебе дал власть над демонами? За то, что дал силу исцелять болезни, очищать прокаженных? За то, что дал силу воскрешать мертвых, что поставил господином над властью смерти? За эти благодеяния даешь ты такую оплату? *Что вы дадите мне, и я вам предаю Его?* О, безумие, или, лучше, сребролюбие! Оно породило все это зло; им увлеченный, он предал Учителя. Таков этот злой корень; он хуже беса приводит в неистовство души, которыми овладевает, производит в них забвение обо всем – и о себе, и о ближних, и о законах природы, лишает самого смысла и делает безумными. Смотри, сколько вещей он изгладил из души Иуды: сообщество [с Иисусом Христом], приязнь, общение в трапезе, чудеса, учение, увещание, наставление; все это тогда сребролюбие ввергло в забвение. Поэтому справедливо Павел говорил: *корень всех зол есть сребролюбие* (1 Тим. 6:10). *Что вы дадите мне, и я вам предаю Его?* Велико безумие этих слов. Неужели, скажи мне, можешь предать Того, Кто держит все, властвует над бесами, повелевает морем, есть Владыка всей природы? И дабы укротить его безумие и показать, что если бы Сам Он не хотел, то не был бы предан, послушай, что делает [Господь]. В самое время предательства, когда вышли на него с *фонарями и светильниками и оружием*, Он говорит им: *кого ищете?* (Ин. 18:3–4). Они не знали Того, Кого намеревались взять. Так далек был Иуда от возможности предать Его, что даже не видел присутствия Того, Кого намеревался предать, тогда как были светильники и столько света. На это дал указание и евангелист, сказав: они имели *фонари и светильники* и не видели Его.

Каждый день Господь напоминал ему и делами и словами, внушая, что предатель не скроется [от Него]; не явно обличал его перед всеми, чтобы он не сделался более бесстыдным, и не молчал, чтобы он, думая, что скрыт, не приступил к предательству без страха, но часто говорил: *один из вас предаст Меня* (Ин. 13:21), – впрочем, не делал его известным. Много говорил Он и о геенне, много и о Царстве, и в том и другом показывал Свою силу, и в наказании грешников и в награждении добродетельных. Но все это Иуда отверг, а Бог не влек его силой. Так как Бог создал нас господами в выборе и худых и добрых дел и желал, чтобы мы были добрыми по своей воле, Он не принуждает и не заставляет, если мы не хотим, потому что быть добрым по принуждению не значит быть добрым. Поэтому, так как и (Иуда) был господином своих помыслов, и в его власти было не повиноваться им и не склоняться к сребролюбию, то он, очевидно, сам ослепил свой ум и отказался от собственного

спасения: *что вы мне, говорит, дадите, и я вам предам Его?* Обличая слепоту ума его и безумие его, евангелист говорит, что во время прибытия их стоял близ них Иуда, сказавший: *что вы дадите мне, и я вам предам Его?* И не из этого только можно видеть силу Христову, но и из того, что по произнесении Им простого слова они отступили и пали на землю. Но так как они и после этого не оставили бесстыдства, то Он наконец предает Себя, как бы так говоря: Я сделал все со Своей стороны, явил силу Свою, показал, что вы предпринимаете невозможное дело; Я хотел обуздать злобу вашу; но так как вы не захотели этого, а остались при своем безумии, то, вот, Я предаю Себя. Это сказано мной для того, чтобы кто-нибудь не стал осуждать Христа, говоря: почему Он не изменил Иуду?

Почему не сделал его благоразумным и добрым? Как следовало сделать его добрым? По принуждению или по воле? Если – по принуждению, то, таким образом, он не мог сделаться лучшим, потому что никто не может быть добрым по принуждению; если же – по воле и свободному решению, то Он [Христос] употребил все меры, которые могли испытывать волю и намерение. А если тот не хотел принять врачевство, то это вина не врача, а отвергшего врачевание. Посмотри, сколько сделал Христос, чтобы склонить его на свою сторону и спасти его: научил его всякому любомудрию и делами и словами, поставил его выше бесов, сделал способным совершать многие чудеса, устрашал угрозой геенны, вразумлял обетованием Царства, постоянно обличал тайные его помышления, но обличая не выставлял на вид всем, омыл ноги его вместе с прочими [учениками], сделал участником Своей вечери и трапезы, не опустил ничего – ни малого, ни великого; но он добровольно остался неисправимым. А чтобы тебе убедиться, что он, имея возможность измениться, не хотел и все произошло от его беспечности, послушай. Предав Христа, он бросил тридцать сребреников и сказал: *согрешил я, предав кровь невинную* (Мф. 27:4). Что это? Когда ты видел Его совершающим чудеса, то не говорил: *согрешил я, предав кровь невинную*, но: *что вы дадите мне, и я вам предам Его?* А когда зло преуспело и предательство достигло исполнения, и грех совершен, тогда ты сознал этот грех? Чему же мы научаемся отсюда? Тому, что когда мы предаемся беспечности, то и увещание не приносит нам пользы; а когда бываем внимательны, то и сами собой можем восстать. Так и он: когда Учитель увещевал его, – не слушал; а когда никто не увещевал, то собственная совесть его пробудилась, и без всякого учителя он переменился, осудил то, на что дерзнул, и бросил тридцать сребреников. *Что вы дадите мне, и я вам предам Его? Они*

предложили, говорит евангелист, *ему тридцать сребренников* (Мф. 26:15); предложили цену за кровь, не имеющую цены. Для чего ты, Иуда, принимаешь тридцать сребренников? Христос пришел даром пролить эту кровь за вселенную; а ты о ней делаешь бесстыдные договоры и условия. И в самом деле, что может быть бесстыднее такого договора?

4. *Тогда приступили ученики* (Мф. 26:17). *Тогда* – когда? Когда то произошло, когда предательство совершилось, когда Иуда погубил себя, тогда *приступили ученики к Иисусу и сказали Ему: где велишь нам приготовить Тебе пасху?* Видишь ли ученика? Видишь ли [прочих] учеников? Тот предаёт Владыку, а эти заботятся о пасхе; тот заключает условия, а эти предлагают услугу. Тот и эти пользовались одинаковыми чудесами, одинаковыми наставлениями, одинаковой властью; откуда же такая перемена? От воли; она всегда бывает причиной всех благ и зол. *Где велишь нам приготовить Тебе пасху?* Это было в нынешний вечер; Владыка не имел дома, и поэтому они говорят Ему: *где велишь нам приготовить Тебе пасху?* Мы не имеем определенного пристанища, не имеем ни шатра, ни дома. Пусть узнают живущие в великолепных домах, в широких портиках, в пространных оградах, что Христос не имел где приклонить главу. Вот [ученики] и спрашивают: *где велишь нам приготовить Тебе пасху?* Какую пасху? Не эту – нашу, а пока иудейскую; ту именно приготовили ученики, а эту нашу – Он Сам приготовил, и не только Сам приготовил ее, но и Сам же Он стал пасхой. *Где велишь нам приготовить Тебе пасху?* Это была иудейская пасха, та, которая получила начало в Египте. Для чего же Христос вкушал ее? Для того чтобы исполнить все, требуемое законом. Он когда и крестился, говорил: *так надлежит нам исполнить всякую правду* (Мф. 3:15);

Я пришел искупить человека от клятвы закона; ибо *Бог послал Сына Своего (Единородного), Который родился от жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных* и прекратить самый закон (Гал. 4:4–5). Дабы кто-нибудь не сказал, что Он потому уничтожил закон, что не мог исполнить его как тяжкий, трудный и неудобноисполнимый, – Он сначала исполнил его весь, а потом и отменил. Потому Он совершил и пасху, что пасха была предписана законом. А для чего закон предписал вкушать пасху? Иудеи были неблагодарны к своему Благодетелю и тотчас после благодеяний забывали о повелении Божьем. Так, когда они вышли из Египта, то, даже видев море разделившееся и опять соединившееся и другие бесчисленные чудеса, говорили: *сделай нам бога, который бы шел перед нами* (Исх. 32:1). Что говоришь ты?

Чудеса еще перед тобой, а ты уже забыл о Благодетеле? И вот, так как они были столь бесчувственны и неблагодарны, то с учреждением праздников Бог связал воспоминание о дарах Его; поэтому Он повелел закалать и пасху, дабы, когда спросит тебя, говорит Он, сын твой: что означает эта пасха? – ты говорил, что наши предки в Египте помазали некогда двери кровью овцы, чтобы губитель, пришедши и увидев, не дерзнул входить и не наносил удара (Исх. 12:27–28). Таким образом, потом этот праздник стал постоянным напоминанием о спасении. И не только ту пользу получали они, что он напоминал им о древних благодеяниях, но и другую, бóльшую, оттого, что он прообразовал будущее. Тот агнец был образом другого Агнца – духовного, овца – Овцы; то была тень, а это – истина. Когда же явилось Солнце правды, тогда тень наконец исчезла, так как при восходе солнца тень скрывается. Поэтому на самой этой трапезе совершается та и другая пасха – и преобразовательная, и истинная. Как живописцы на одной и той же доске проводят черты и изображают тень и потом накладывают на нее истинные краски, так поступил и Христос: на одной и той же трапезе Он и преднаписал преобразовательную пасху, и присоединил истинную. *Где велишь нам приготовить Тебе пасху?* Тогда была пасха иудейская; но когда взошло солнце, то светильник пусть уже не является; когда наступила истина, то тень пусть уже исчезнет.

5. Говорю это к иудеям, так как они мнят, что совершают пасху, и, необрезанные сердцами, с бесстыдным намерением предлагают опресноки. Как, скажи мне, иудей, ты совершаешь пасху? Храм разрушен, жертвенник уничтожен, святое святых попрано, всякого рода жертвы прекращены; для чего же ты дерзаешь совершать эти незаконные дела?

Ты отошел некогда в Вавилон, и там говорили пленившие тебя: *пропойте нам из песней Сионских* (Пс. 136:3); но ты не согласился. Это выразил Давид, сказав: *при реках Вавилона, там сидели мы и плакали: на вербах, среди его, повесили мы наши арфы* (Пс. 136:1–2), т. е. псалтирь, цитру, лиру и прочее, так как их употребляли они в древности и посредством их пели псалмы. Отправившись в плен, они взяли их с собой, чтобы иметь напоминание о жизни в отечестве, а не для того, чтобы употреблять их. *Там, говорит, пленившие нас требовали от нас слов песней;* а мы сказали: *как нам петь песнь Господню на земле чужой?* (Пс. 136:3–4). Что говоришь ты? Песнь Господню ты не поешь на земле чужой, а пасху Господню совершаешь на земле чужой? Видишь ли неблагодарность? Видишь ли беззаконие? Когда враги принуждали

их, то они не смели даже сказать псалма на земле чужой; а теперь сами от себя, в то время как никто не принуждает и не заставляет их, воздвигают войну против Бога. Видишь ли, как нечисты опресноки, как незаконен их праздник, как уже не существует пасха иудейская? Была некогда пасха иудейская, но теперь отменена, и наступила пасха духовная, которую преподал тогда Христос. Когда они [ученики] ели и пили, то Он, говорится [в Евангелии], *взял хлеб, преломил и сказал: примите, ешьте: сие есть Тело Мое, за вас ломимое во оставление грехов* (Мф. 26:26). Посвященные в тайны понимают сказанное. Также и взяв чашу, сказал: *сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов* (Мф. 26:28). И Иуда присутствовал, когда Христос говорил это. *Сие есть тело*, которое ты, Иуда, продал за тридцать сребреников; *сия есть кровь*, о которой ты недавно заключил бесстыдные условия с неблагодарными фарисеями. О, человеколюбие Христово! О, безумие, о, неистовство Иуды! Этот продал Его за тридцать динариев, а Христос и после того не отказался бы самую проданную кровь Свою отдать продавшему *во оставление грехов*, если бы этот захотел. Ведь и Иуда присутствовал и участвовал в священной трапезе. Когда ноги его вместе с прочими учениками умыл Христос, так и в священной трапезе он участвовал для того, чтобы он не имел никакого предлога к оправданию, если останется при своем нечестии. Христос сказал и употребил все со Своей стороны, а он упорно остался при своем нечестивом намерении.

6. Впрочем, уже время приступить к этой страшной трапезе. Приступим же все с надлежащей скромностью и вниманием; и никто пусть не будет Иудой, никто пусть не будет злым, никто пусть не скрывает в себе яда, нося одно на устах, а другое в уме. Предстоит Христос и теперь; Кто учредил ту трапезу, Тот же теперь устраивает и эту. Не человек претворяет предложенное в тело и кровь Христову, но Сам распятый за нас Христос. Представляя Его образ, стоит священник, произносящий те слова; а действует сила и благодать Божия. *Сие есть тело Мое*, сказал Он. Эти слова претворяют предложенное, и как то изречение: *плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю* (Быт. 1:28), хотя произнесено однажды, но в действительности во все время дает нашей природе силу к деторождению, так и это изречение, произнесенное однажды, с того времени донине и до Его пришествия делает жертву совершенной на каждой трапезе в церквах. Итак, никто пусть не приступает коварным, никто – исполненным злобы, никто – имеющим яд в мыслях, чтобы не причащаться *в осуждение*.

И вот, после принятия предложенного, в Иуду вошел дьявол, презрев не тело Господне, но презрев Иуду за его бесстыдство, дабы ты знал, что на тех, которые недостойно причащаются божественных тайн, особенно нападает и постоянно входит дьявол, как и тогда в Иуду. Так почести приносят пользу достойным, а недостойно пользующихся ими подвергают большему наказанию. Говорю это не для того, чтобы утратить, но чтобы предостеречь. Пусть же никто не будет Иудой; никто, приступая, пусть не имеет в себе яда злобы. Эта жертва есть духовная пища; и как телесная пища, попадая в желудок, имеющий худые соки, еще больше усиливает немощь, не по своему свойству, но по болезни желудка, так обыкновенно бывает и с духовными таинствами. И они, когда сообщаются душе, исполненной злобы, то больше повреждают и губят ее, не по своему свойству, но по болезни принявшей души. Итак, пусть никто не имеет внутри себя злых помыслов, но очистим ум; мы приступаем к чистой жертве, – сделаем же душу свою святой; а сделать это можно и в один день. Как и каким образом? Если ты имеешь что-нибудь против врага, то оставь гнев, исцели рану, прекрати вражду, чтобы тебе получить пользу от этой трапезы, потому что ты приступаешь к страшной и святой жертве. Постыдись того, что служит основанием самого этого приношения. Предлежит закланый Христос. Почему Он заклан и для чего? Для того чтобы умиротворить небесное и земное, чтобы сделать тебя другом ангелов, чтобы примирить тебя с Богом всех, чтобы из врага и противника сделать тебя другом. Он отдал душу Свою за ненавидящих Его; а ты остаешься враждующим против подобного тебе раба? Как же ты можешь приступать к трапезе мира? Он не отказался даже умереть за тебя; а у тебя недостает сил для себя самого оставить гнев на подобного тебе раба? Какого это может удостоиться прощения? Он обидел меня, скажешь, и весьма много отнял у меня. Что же? Ущерб только в деньгах, – он еще не ранил тебя так, как Иуда Христа; однако Христос самую кровь Свою, которая пролита, отдал для спасения проливших ее. Что можешь ты сказать равное этому? Если ты не прости врага, то не ему нанес вред, а самому себе; ему ты часто вредил в настоящей жизни, а себя самого сделал недостойным прощения и безответным в будущий день. Ни от чего так не отвращается Бог, как от человека злопамятного, сердца надменного и души раздражительной. Послушай же, что говорит Он: *если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь раньше, стоя перед алтарем, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примиришься с*

братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой (Мф. 5:23–24).
Что говоришь ты: оставлю (дар)?

Да, для мира, говорит, с братом твоим и принесена эта жертва. Посему если эта жертва принесена для мира твоего с братом, а ты не заключаешь мира, то напрасно ты участвуешь в этой жертве, бесполезным для тебя становится это благо. Сделай же наперед то, для чего принесена эта жертва, и тогда прекрасно ею воспользуешься. Для того снисшел Сын Божий, чтобы примирить естество наше с Владыкой; не только Сам для этого пришел Он, но [еще озабочен был тем], чтобы и нас, совершающих это, сделать причастниками имени Его. *Блаженны, говорит Он, миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими* (Мф. 5:9). Что сделал Единородный Сын Божий, тоже сделай и ты по силам человеческим, ставши виновником мира и для себя самого и для других. Поэтому тебя, миротворца, Он и называет сыном Божиим; поэтому и применительно ко времени жертвы Он не упомянул ни о какой другой заповеди, кроме примирения с братом, выражая, что это важнее всего. Я хотел еще более продолжить речь, но и сказанного довольно для внимательных, если они будут помнить. Будем же, возлюбленные, постоянно помнить эти слова, и святые лобзания, и страшные приветствия, которые делаем друг другу. Это соединяет наши души и производит то, что мы все становимся одним телом, как и причащаемся все одного тела. Соединимся же в одно тело, не тела сочетая друг с другом, но души связывая между собой союзом любви; таким образом, мы можем с дерзновением вкушать от предлагаемой трапезы. И хотя бы имели бесчисленное множество праведных дел, но если будем злопамятными, то все будет тщетно и напрасно, и никакого от них мы не сможем получить плода для спасения. Итак, сознавая это, прекратим всякий гнев и, очистив совесть свою, со всем смирением и кротостью приступим к трапезе Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, всякая слава, честь, держава, ныне и присно [и во веки веков]. Аминь.

Прп. Максим Исповедник
<О тайне имени Иуды>^[5]
Вопросоответы к Фалассию^[6]

ВОПРОС III. Я не по воздаянию, еже Бог даде ему, воз-даде Езекиа, но вознесся сердце его, и бысть на него гнев, и на Иуду, и на Иерусалим. И смирился Езекиа от высоты сердца своего сам, и живущий во Иерусалиме, и не прииде на них гнев Господень во дни Езекиины (2 Пар. 32:25–26). – Что такое «воздаяние» и то, что следует за этим?

ОТВЕТ. Поскольку после многих и различных благодеяний, которые Бог своевременно оказывал Езекии^[7], спасая его и избавляя от всякой нужды и превратностей, он всю благодать спасения не вменил, как должно, Богу, но некая человеческая нечистота вскичилась в нем и разделилась сила обретенных преуспеваний, то, разумеется, *не по воздаянию, еже Бог даде ему, воздаде Езекиа*. Ибо за божественные преуспевания свои он не воздал с [должным] благоразумием благодарения [Богу], но вознеслось сердце его, а поэтому не избежал [Езекия] болезни гордыни, кичащейся добродетелью и ведением. <...>

Каждый ведущий и любомудрый ум содержит в себе и Иуду, и Иерусалим. Под «Иудой» мы исходя из духовного постижения понимаем образ заповеди или навык в покаянии вместе с помыслами, которые он в себе заключает; этот навык деятельно совозрастает вместе с преуспеванием по мере восхождения ума горé – ибо «Иуда» толкуется как «исповедь». А «Иерусалим», согласно аллегорическому пониманию, означает мирный навык бесстрастия вместе с составляющими этот навык божественными умозрениями. Или, говоря кратко, [ведущий] ум обладает «Иудой», то есть деятельным любомудрием, и «Иерусалимом», то есть созерцательным тайноводством. Поэтому когда боголюбивый ум, по благодати Божией, отражает всякую супротивную силу с помощью добродетели и ведения, [стяжаемых] в деятельном и созерцательном любомудрии, то он увенчивается совершенной силой против духов лукавства. Однако если при этом он не воздаст должного благодарения Богу – Виновнику [своей] победы, но сердце его возносится, ибо он признает [лишь] самого себя за причину всякого преуспевания, то тогда, как не воздавший Богу по воздаянию, возданному ему, он принимает гнев богооставленности не только на самого себя, но также на «Иуду» и на «Иерусалим», то есть на навык

[духовного] делания и на навык созерцания. И тогда, по попущению Божию, страсти бесчестия сразу же восстают против делания, оскверняя дотоле чистую совесть, а ложные мысли сплетаются с созерцанием сущих, искажая дотоле правое мнение ведения.

Ведь Божественное установление и [Божественный] закон подлинно существуют по Промыслу [Божию] в сущих, чтобы ими воспитывались, обращаясь к богомыслию, те, которые при благоприятном [течении жизни] проявляют неблагодарность [к Богу], и чтобы, [сообщив им] опыт противоположного, породить в них познание Божественной Силы – свершительницы [всех] благ. Ибо иначе, поддавшись самомнению, не подчиняющемуся при благоприятных обстоятельствах Промыслу [Божию], мы впадаем в богопротивное расположение гордыни, считая, что стяжание добродетели и ведения присуще нам по природе, а не есть дар благодати. В таком случае оказывается, что мы пользуемся благом для рождения зла и через то, благодаря чему должно было укрепляться и пребывать нерушимым Божественное познание в нас, – через это мы совсем недолжным образом заболеваем неведением Божественного.

Ибо один, считая, что он достиг цели добродетели, уже не будет искать Причину и источник [всех] благ, замыкая только в самом себе силу устремления [к Божественному] и вследствие самого себя теряя закон спасения, то есть Бога. Другой же, наоборот, [постоянно] ощущая свою естественную нужду в благах, не перестает усиленно стремиться к Тому, Кто может восполнить его недостаток.

Поэтому на гордый ум праведно [обрушивается] гнев, то есть богооставленность или попущение [Божие], в силу чего осаждают его бесы и во время [духовного] делания, как Иуду, и во время созерцания, как Иерусалим, дабы ощутил он собственную естественную немощь и познал Божественную Силу и Божию благодать, защищающую его и доставляющую ему все блага; и дабы смирился он, полностью отринув от себя чуждое и противоестественное возношение. Тогда не придет на него другой гнев [Господень], то есть лишение дарованных харизм, как не пришел он на Езекию, который после того, как случился первый гнев, то есть богооставленность, сразу же смирился и ощутил Подателя благ. Ибо [Писание] гласит: *И бысть на него гнев, и на Иуду, и на Иерусалим, и смирися Езекиа от высоты сердца своего сам, и живущий во Иерусалиме, и не прииде на них гнев Господень во дни Езекиины*, то есть [не пришел] другой гнев – лишение харизм, который вслед за попущенной прежде богооставленностью научает ум прекрасному богомыслию. Ибо очевидно, что не вразумленный

первым видом гнева [Божиего], то есть богооставленностью, и несмирившийся принимает на себя второй гнев, лишаящий его [благодатного] действия [Божественных] харизм и отбирающий от него оберегающую его до сих пор Силу. *Отиму ограждение его, – говорит Бог о неблагодарном Израиле, – и будет в разграбление; и разорю стену его, и будет в поправление.*

И оставлю виноград Мой, и ктому не обрежется, ниже покопается, и взыдет на нем, якоже на лядине, терние; и облаком заповем, еже не одождити на него дождя (Ис. 5:5–6) – как возвестил, страдая, и Саул, первый царь Израиля. Ибо он вместе с царством воспринял через помазание и благодать пророчества, но когда не сохранил ее, то принял на себя первый гнев [Божий] – действие лукавого духа. Когда же не осознал [этой своей вины], был изблещен другим гневом, лишился [царского трона] и, через свое безумие, оказался перед смертью не имеющим никакого благочестия. Это обнаруживает [сам Саул], когда, страдая, он сначала был одержим бесом, а затем с помощью волшебницы перебежал добровольно к бесам и, подобно безбожникам, совершил служение этим бесам через волхование.

Итак, под «Езекией» мы понимаем любомудрый ум, под «Иудой» – [духовное] делание, а под «Иерусалимом» – созерцание. И когда мы мысленно постигаем, что ум каким-либо образом претерпевает нечто, мы убеждаемся, что вместе с ним сопретерпевают вследствие сочетающих их вместе идей его деятельная и созерцательная способности. Ибо, когда претерпевает подлежащее, невозможно, чтобы вместе с ним не сопретерпевали и те [силы], которые [находятся] в этом подлежащем.

Смысл [такого] духовного толкования полностью соответствует словам Писания, поскольку он не предполагает упрека [в несправедливости] приговора Божиих судов и не побуждает к ниспровержению другой [Божественной] заповеди. Ведь согласно изложенному толкованию, когда один только Езекия, то есть ум, возносится, кичась [своими] достижениями, то [невозможно] не возноситься вместе с ним Иуде и Иерусалиму, то есть деланию и созерцанию, ибо их нельзя рассматривать как обладающих ипостасным бытием. И гнев [Божий] обрушивается не только на одного Езекию, то есть на ум, но и на Иуду и на Иерусалим, так как когда оскверняется чем-либо ум, то вместе с ним делаются грязными [духовное] делание и созерцание, даже если они не участвуют в том, что породило гнев.

Стало быть, нам следует придерживаться смысла, [а не буквы] написанного. Ибо если *то, что некогда происходило*

преобразовательно в истории, но ради нас было записано в наставление (1 Кор. 10:11) духовное, – и это записанное постоянно соответствует происходящему, то когда супротивная сила выстраивается на духовную брань против нас, мы должны, по возможности, переместить в [свой] ум всё Писание. Тогда наш ум просветится Божественными умозрениями, тело украсится образами [добродетелей, возникшими вследствие] постижения Божественных логосов, которые соделают это тело разумной мастерской путем отвержения врожденных страстей.

Итак, всякий боголюбивый и добродетельный человек препоясывается, наподобие Езекии, духовной силой [на брань] против бесов; и если случится приражение лукавых духов, в уме незримым образом вступивших с ним в схватку, то он через молитву получит [помощь в виде] Ангела, посланного ему от Бога. Я имею в виду – получит могущественное слово мудрости, которое рассеет и уничтожит все фаланги дьявола. Однако если он не признает Бога за причину этой победы и спасения, а всю победу припишет самому себе, то таковой человек не воздал Богу по воздаянию Его, ибо полнота благодарения не является равной величию спасения и душевное расположение [спасенного] не возмещает благодеяния Спасшего. Ведь «воздаяние» есть душевное расположение спасенного к Спасшему, [проявляющееся] в делах, соизмеримых [с благодеянием]. Наоборот, когда такой [человек] возносится сердцем и кичится полученными дарами, словно чем-то неполученным, то по справедливости обрушивается на него гнев [Божий], поскольку Бог попускает дьяволу незримо сплестись с ним, сотрясти до основания образы добродетелей, [осуществляемые в духовном] делании, и сделать мутными просветленные логосы ведения, [обретаемые] в созерцании, дабы он, познав собственную немощь, достиг разумения той единственной Силы, Которая ниспровергает в нас страсти, и, раскаявшись, смирился и отверг высокомерие гордыни. [Лишь тогда] он умилюстит Бога и ответит от себя гнев, обрушивающийся на нераскаявшихся, отнимающий у души оберегающую ее благодать и оставляющий покинутым неблагодарный ум.

«Днями же царя Езекии» Писание, вероятно, называет различные озарения, которые воспринимаются всяким благочестивым и боголюбивым умом, предающимся созерцанию тварных [вещей] для постижения Премудрости [Божией], разнообразно проявляющейся через все [твари]. И до тех пор, пока делание и созерцание находятся в гармонии с этими [озарениями], они не лишаются

добродетели и ведения, поскольку «Солнце Правды» Своим восходом [всегда] творит в подобном уме эти «дни».

Св. Ириней Лионский
Из книги первой «Против ересей»^[8]

О Евангелии Иуды и учении каинитов

Другие опять говорят, что Каин происходит от высшей силы, и Исава^[9], Корея^[10], содомлян и всех таковых же признают своими родственниками, и поэтому они были гонимы Творцом, но ни один из них не потерпел вреда, ибо Премудрость взяла от них назад к себе самой свою собственность. И это, учат они, хорошо знал предатель Иуда, и так как он только знал истину, то и совершил тайну предания, и через него, говорят они, разрешено все земное и небесное. Они также выдают вымышленную историю такого рода, называя Евангелием Иуды.

Св. Епифаний Кипрский
Панарион^[11]

**Против каиан, восемнадцатой и
тридцать восьмой ереси**

Κατά Καϊανων η, της δε ἀκολουθίαςλη'

Adversus Caianos, haeresis XXXVIII

1. Каианами (Καϊανοί) именуются получившие наименование для своей ереси от Каина (Κάϊν). Ибо они восхваляют Каина и поставляют его своим отцом. И они хотя произошли, так сказать, от различного восстания волн, но не чужды той же самой буре и тому же волнению и, возникнув как бы от тернистого кустарника, не чужды всему множеству терний, хотя и различаются по имени. Ибо терний много родов, но все они одинаково имеют негодное свойство причинять вред иглами.

Каиане говорят, что Каин, а также и Исав, сонм Корея и содомяне – от крепчайшей силы и вышней власти, Авель же от слабейшей силы. Все те со своим родством похваляются каианами, ибо сами они величаются родством с Каином, содомянами, Исавом и Кореем. И сии, как говорят каиане, обладают совершенным и высшим ведением ἀνωθεν γνώσεως). Посему и Творец этого мира, по их

словам, прилагал усилия к истреблению их, но ничем не мог повредить им. Они скрылись от него и переселились к вышнему Зону, которому принадлежит крепкая сила. Ибо Премудрость (ή Σοφία) взяла их, как своих, к себе. И поэтому, как говорят, Иуда точно знал, что их касается. И он, по мнению каиан, в сродстве с ними. Ему же приписывают они преизбыток ведения и даже выдают от его имени какое-то сочиненьице (συνταγμάτιόν τι), которое называют Евангелием Иуды (ευαγγέλιον του Ἰουδαῦ). Также измышляют и некоторые другие сочинения об Утробе (κατά της Ὑστε'ρας); этой Утробой называют они Творца всего этого объема неба и земли. И, как и Карпократ говорит, утверждают, что никто не может спастись, если не пройдет всего.

2. Каждый из них, под сим именно предлогом делая то, о чем и говорить не должно, и совершая срамные дела, и содеявая какие только возможно согрешения, призывает имя каждого ангела как из числа действительных ангелов, так и из тех, о которых они вымышленно говорят, и каждому из них приписывает какое-нибудь незаконное дело из земных согрешений, восписуя свое собственное действие имени какого угодно ангела. И когда делают это, говорят так: «о такой-то ангел, в твоём деле я навываю! о такая-то власть, твоё действие привожу в дело». И это называется у них совершенным ведением (γνώσις τελεία), потому что, от прежде помянутых матерей и отцов ересей (говорю о гностиках, о Николае и о единомысленных с ними Валентине и Карпократе) взяв повод, безбоязненно стремятся к непозволительным срамным делам.

А ещё до нас дошла и книга, в которой вымыслили они некие речения, полные беззаконием. Она содержит такие слова: «вот какой ангел ослепил Моисея, и вот какие ангелы скрыли и переселили сонм Корея, Дафана и Авирона^[12]». А ещё от имени апостола Павла вымыслили иное сочиненьице, наполненное непозволительными речами, которым пользуются и так называемые гностики; это сочинение называют «Восхождение Павлово» (Ἀναβατικόν Παύλου)^[13], найдя предлог к тому в словах апостола, что он восходил (ἀναβεβηκέναι) до третьего неба и услышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать (2 Кор. 12:2,4). И это-то, говорят, и есть неизреченные слова (ἀρρητὰ ῥήματαφ). Сему-то и сему подобному учат каиане, чтящие злых, а добрых отвергающие. Ибо, как я прежде сказал, по их учению, Каин имеет бытие от крепчайшей силы, а Авель от слабейшей; эти силы по соединении с Евой родили Каина и Авеля, и Каин рожден одной силой, а Авель другой. И Адам и Ева родились от таких же сил или ангелов. Рожденные ими сыновья, то есть Каин и Авель, поссорились

между собой, и рожденный крепкой силой убил того, который от меньшей и слабейшей силы.

3. Те же самые мифы проплетают каиане и к подаянию сих же самых отрав невежества, доверяющимся коварно давая совет, что всякому человеку дóлжно избрать для себя крепчайшую силу и отступить от меньшей и слабой, то есть от той, которая сотворила небо, плоть и мир, и восходить в самые высшие места по силе распятия Христова. Ибо, как говорят они, для того и пришел Христос свыше, чтобы в Нем крепкая сила достигла своего совершення, восторжествовав победу над силой слабейшей и предав тело. И одни из них говорят то, а другие – иное. Одни говорят, что Христос предан Иудею за то, что был зол, хотел ниспровергнуть постановления Закона. Эти похваляют, как сказал я, Каина и Иуду и говорят: «за то предал Его, что он хотел разрушить хорошие учения». А другие из них не говорят сего, а, напротив, говорят, что хотя Христос и благ, но Иуда предал Его по небесному знанию (κατά τήν ἔττουράνιον ὑψωσιν). Ибо, говорят, архонты узнали, что если Христос будет предан распятию, то упразднится их слабая сила. Зная это, Иуда, по их словам, и поспешил, все привел в движение, чтобы предать Его, и тем сделал доброе дело нам во спасение.

И вам дóлжно хвалить его и воздавать ему похвалу, потому что им устроено для вас крестное спасение и по силе сего основания – откровение вышнего. Но всячески обманываются эти чтители или хвалители всякого недоброго. Явно же, что это, разумею их невежество и обольщение, всея но в них диаволом. И на них исполняется слово Писания: *горе называющим зло добром, а добро злом, полагающим тьму светом, а свет тьмою, называющим сладкое горьким, а горькое сладким* (Ис. 5:20). Ибо весь Ветхий и Новый Завет говорит против Каинова нечестия. А они, как любители тьмы и подражатели злодеев, ненавидят Авеля, Каина же любят и Иуде воздают похвалу. Но погибельно это их ведение, по которому они устанавливают две силы: слабейшую и могущественнейшую, находящиеся во взаимной борьбе и делающие то, что в мире нет произвольных изменений, а, напротив того, у одних из приведенных в бытие, по естеству, сущность от злобы, а у других от благости. Каиане же говорят, что всякий добр или худ не по произволу, но по естеству.

Апокрифы

Евангелие Иуды^[14]

В апреле 2006 года группой швейцарских ученых был опубликован коптский текст под названием «Евангелие Иуды». Событие, понятным образом, вызвало большой интерес не только в научном мире. Разговоры о содержании текста начались еще задолго до его публикации. В Интернете появилось несколько фрагментов, которые, как теперь выяснилось, не все относились именно к «Евангелию Иуды» – в плохо сохранившемся кодексе содержатся несколько сочинений. Было ясно, что рассуждения о тексте, еще не опубликованном в надлежащем виде, могут быть лишь предварительными – что-то впоследствии подтвердится, что-то нет. Впрочем, и теперь, после публикации относительно неплохо сохранившегося «евангелия», суждения ученых будут, очевидно, разноречивыми.

«Евангелие Иуды» дошло в кодексе, датированном III–IV вв. н. э., среди гностических текстов, более или менее сходных с ним по содержанию. Следует отметить, что канонические Евангелия имеют традиционное наименование с предлогом «kata», т. е. «согласно» или «по» (Матфею, Марку и т. д.), что не вполне точно переводится на славянский и русский как «от». Хотя и апокрифические тексты имеют порой тот же предлог (в коптском он взят в точном виде из греческого), в случае с «Евангелием Иуды» это не так, здесь речь идет именно о «родительном падеже». Впрочем, эта форма не означает, что автором текста предполагается сам Иуда Искариот. Иуда – получатель откровения, что сопоставимо с иудейскими и христианскими апокрифическими апокалипсисами например, да и с Откровением Иоанна Богослова тоже. «Евангелие» в данном случае и мыслится как откровение, что имеет аналогию, скажем, в «Евангелии от Марии» (также гностическом тексте). По первому впечатлению, текст практически весь принадлежит апокалиптическому жанру, однако при более внимательном чтении это впечатление несколько корректируется, о чем пойдет речь ниже.

Иисус желает дать откровение тому (или тем) из своих двенадцати учеников, кто окажется готов его принять. Только Иуда оказывается в силах встать пред лицом Иисуса, хотя и он не в силах смотреть Ему в глаза. Более того, Иуда знает, откуда явился Иисус: «из бессмертного эона Барбело». И хотя другие ученики продолжают участвовать в повествовании, получателем откровения становится один Иуда Искариот.

«Евангелие Иуды» включает три важные темы, что уже заставляет сделать оговорку при определении его жанра как апокалиптического. Во-первых, это космологическое откровение. Во-вторых, это полемический текст, направленный против церковного христианства. В-третьих же, это произведение, реабилитирующее апостола-предателя Иуду.

Большинство современных читателей интересует, очевидно, именно последняя тема, но понять то, что хотел сказать по этому поводу автор, можно все-таки только в связи с двумя другими частями, занимающими в «евангелии» гораздо больше места.

Автор, живший во II в. н. э. (об основаниях датировки будет говориться ниже), явно транспонирует ситуацию своего времени на дни земной жизни Иисуса. Носитель откровения и прежде, и теперь – Иисус, но и его получатели фактически одни и те же. С одной стороны, это люди, для кого важнее всего вера и созданная из верующих людей Церковь, кто чаёт спасения от веры и от Церкви. С другой стороны, это люди, ценящие более всего откровение как таковое, тайное знание (по-гречески «гносис»), служащее спасению избранных, которым поэтому не нужны ни вера, ни Церковь. Первую группу представляют в «Евангелии Иуды» одиннадцать апостолов, вторую – противопоставленный им еще в канонических Евангелиях Иуда Искариот.

Иуда интересен автору, прежде всего, как «другой апостол», как человек, имевший непосредственное общение с Иисусом и, более того, Им Самим избранный, но в то же время отвергнутый людьми – другими апостолами, выбравшими на его место иного, – и Церковью, наградившей его, избранника самого Иисуса, черным нимбом предателя.

Но Иисус останавливает свой выбор на Иуде не в силу предопределения, а потому, что Иуда «помышляет о высоком», то есть он уже гностик: ему, как уже было сказано, известно, что Иисус – выходец «из бессмертного зона Барбело».

Что же касается предательства, то оно трактуется как «жертвоприношение», причем в жертву приносится тленный человек, «облекающий» духовного Иисуса, а тем самым – само тление. О распятии в апокрифе не говорится, но из того, что говорится о таком жертвоприношении, явствует, что казнь понимается автором в обычном для гностиков докетическом духе^[15]: сам Иисус избегает креста. Например, в апокрифе «Второй трактат великого Сифа» (NH VII, 2) распинают Симона Кириянина, а Иисус стоит рядом и смеется. Похожая сцена – и в гностическом

«Апокалипсисе Петра» (NH VII, 3)^[16]. Неоднократно смеется Иисус и в «Евангелии Иуды».

Логика современных защитников Иуды, как правило, такова: не было бы Иуды, не было бы и распятия, не было бы распятия, не было бы и христианства. Автор апокрифа этого в виду не имеет: для него было бы лучше, если бы враждебной гностикам Церкви вообще не было. Миссия Иуды в том, чтобы стать не таким, как другие ученики, а для этого надо им себя противопоставить. И противопоставление должно быть кардинальным: тут недостаточно трехкратного отречения Петра или неверия Фомы. Ведь для автора Церковь – не просто «сбившиеся с пути» и даже не только гонители «истинных христиан», но детоубийцы, мужеложники, развратники. Иисус в «евангелии» прямо отвергает не иудейского Бога, что не редкость в гностической литературе, а именно «Бога апостолов», а предположение учеников, что Иисус – сын этого Бога (или, вернее, «бога»), вызывает у него смех. Вполне логично, что главным героем сделан Иуда Искариот – наиболее одиозный для церкви персонаж.

Однако мы лишь наполовину можем объяснить смысл фигуры Иуды полемической направленностью апокрифа против церковных христиан: мы пока совсем не затрагивали космологии «евангелия».

Спрашивается: если Иуда уже гностик, если он знает об «зоне Барбело», то зачем вся эта космогония, не достаточно ли объяснения его собственной миссии? Вероятно, откровение, которое он получает, не вполне соответствует тому, что он знал до сих пор. Вероятно, он «помышлял о высоком» недостаточно верно.

Такой вывод подтверждается, прежде всего, тем, что Иисус, рассказывая о «великом и беспредельном эоне», не называет его Барбело, и в дальнейшем это имя в откровении не фигурирует. Далее, вся последовательность космогонического процесса очень близка важнейшему гностическому тексту «Апокриф Иоанна» (см. параллели в комментарии)^[17]. Но имеются и различия – то более, то менее существенные. Скорее всего, откровение претендует на то, что оно есть *новое* откровение, как это обычно и бывает в подобных текстах. Основываясь на «барбелиотском» мифе, автор подвергает его ревизии. Таким образом, можно предположить, что «Евангелие Иуды» содержит полемику не только против церковных христиан, но и против других гностиков, чему также есть аналоги среди текстов Наг-Хаммади (например, в так называемом «Свидетельстве истины»^[18]).

Иуда до получения откровения был, условно говоря, «гностиком-барбелиотом», и это уже было «неплохо», но гораздо «лучше» стало, по мнению автора, когда он получил «истинное» откровение,

содержание которого тогда было известно лишь Иисусу, а теперь оно известно автору апокрифа. Едва ли автор рассчитывал «обратить в свою веру» церковных христиан; в то же время он мог надеяться на большее понимание со стороны собратьев-гностиков, излагая им известный космогонический миф в своем, более «истинном» варианте.

Чем же отличается космогония «Евангелия Иуды» от космогонии «Апокрифа Иоанна»? Специалисты напишут об этом еще немало страниц. Пока обратим внимание на два существенных, с нашей точки зрения, обстоятельства.

Во-первых, в космогоническом мифе «Евангелия Иуды», кажется, *полностью* отсутствуют женские персонажи, начиная с той самой Барбело (слово женского рода) и кончая наиболее распространенными Софией, Эннойей и Проннойей. Нет не только самих этих персонажей, но и слов «мать», «зачинать», «рождать», «рождаться». «Саморожденный» (Аутоген), называемый в «Апокрифе Иоанна» «Сыном» (и отождествляемый поэтому с Христом), здесь так не назван: он появляется из облака именно *сам*. Даже Ева, именуемая иначе Жизнью, не называется, однако, матерью всех людей, как в «Апокрифе Иоанна» и других гностических текстах.

Во-вторых, как мы только что видели в случае с «Саморожденным», существует тенденция к рационализации мифа. В самом деле, логичнее, чтобы «Саморожденный» рождался сам, а не от кого-либо. Устранение всякого женского начала из космогонии также вполне логично, ибо о рождении в человеческом смысле речи там не идет. О той же тенденции может говорить и общее упрощение космогонической схемы по сравнению с использованным в ней образцом (ср. тот же «Апокриф Иоанна»). И особенно характерен выбор получателя откровения: во-первых, он специально обосновывается (только Иуда «может стоять» перед Иисусом), чего обычно не бывает в откровениях, а во-вторых, выбор этот падает на одиозную для Церкви фигуру, что выглядит куда естественнее, чем, скажем, в «Апокалипсисе Петра», где антицерковным гностиком оказывается вдруг сам глава Церкви апостол Петр!

Впрочем, все это, конечно, только предварительные соображения.

Во всяком случае, перед нами произведение, созданное в некоем сообществе, учение которого расходится с традиционными гностическими представлениями. Кое-что об этом сообществе было известно и до того, как было найдено «Евангелие Иуды».

Ириней Лионский, церковный ересиолог конца II века, пишет (Против ересей, I, 31) о неких «каинитах», которые реабилитируют всех одиозных персонажей Ветхого Завета, начиная с первого убийцы Каина. «У них, – добавляет Ириней, – есть и Евангелие Иуды, которое они же сами сочинили»^[19].

Имел ли в виду Ириней тот самый текст, который опубликован теперь? Могло бы быть и иначе, ведь среди апокрифов попадаются сочинения с одинаковыми именами, но разные по содержанию, по времени и месту создания. В данном случае вероятность совпадения, однако, почти полностью исключается сообщением современника Иринея, Тертуллиана, который пишет в начале трактата «О крещении»: «Появившаяся здесь недавно гадюка Каиновой ереси многих увлекла своим ядовитейшим учением, обращаясь в первую очередь против крещения». Это совершенно точно соответствует главному обвинению в адрес церковных христиан, выдвигаемому «Евангелием Иуды»: крещение оценивается как принесение в жертву того, над кем совершается этот обряд, как жертвоприношение демиургу Сакласу, а тем самым – как убийство. К сожалению, место, где крещение оценивается непосредственно Иисусом (55–56), читается плохо, но из сопоставления сохранившихся мест смысл достаточно ясен.

Итак, очевидно, «Евангелие Иуды» возникло во второй половине II века в секте «каинитов». Но насколько верна информация, которую дают об этой секте христианские ересиологи? Ясно, что гностики и церковные христиане вообще были настроены друг к другу враждебно, а в случае с «каинитами» противостояние было, разумеется, особенно жестким. Готовы ли мы на слово поверить «Евангелию Иуды», что крещение детей есть духовное детоубийство? Высказывания ересиологов также не следует считать полностью объективной информацией.

Тертуллиан, видимо, более объективен, нежели Ириней. Он пишет (Против всех ересей, 2) о том, что смысл предательства Иуды оценивался самими «каинитами» по-разному. Одни говорили, что Иуда поспособствовал аресту Иисуса, когда увидел, что тот намеревается «изменить Истине». Другие возражали, говоря, что Иуда воспрепятствовал замыслу злых духовных существ, архонтов (буквально «начальников» – некий «чин» гностической «небесной иерархии»), желавших предотвратить спасительную для человечества крестную смерть. Соответствующее место в «Евангелии Иуды» читается очень плохо, но ясно, что от первого воззрения автор далек, в то время как второе понимание вполне могло

соответствовать его взгляду (ср. 57: «горе... архонту, ибо будет он сокрушен»).

Сообщение Иринея о реабилитации «каинитами» ветхозаветных злодеев выглядит более сомнительным, хотя зерно истины в нем, конечно, есть. Враги злого демиурга, каковыми оказываются, согласно Ветхому Завету, Каин, содомиты и прочие подобные, могли быть оценены как союзники «вечного Духа», а значит, и предшественники самих сектантов.

Однако сама комбинация «Каин – Исав – сыны Корее-вы – содомиты» подозрительно напоминает новозаветное Послание апостола Иуды (брата Иакова), где осуждаются какие-то сектанты, которых автор сравнивает с Каином, Валаамом и Кореем (ст. 11) и обещает им ту же кару, которую получили от Бога Содом и Гоморра (ст. 7). Поэтому возможно, что речь идет о полемической передержке и что на самом деле всех этих персонажей «каиниты» не оправдывали и пример с них не брали.

Особенно сомнительно, что таким примером могли служить содомиты, ведь в «Евангелии Иуды» прямо осуждаются те, кто «спят с мужчинами» (38). При этом инвектива эта обращена в апокрифе определенно против церковных христиан! Как пишет по сходному поводу А. Л. Хосроев, «встает вопрос не только „кому верить?“, но и „пользовался ли этот автор подлинными документами или передавал информацию, полученную из вторых-третьих рук?“ Если учесть, что ересиологи делали все, чтобы, не скупясь на краски, дискредитировать „обманщиков“ в глазах сторонников „подлинной веры“, неудивительным будет, что они могли идти и на сознательное искажение фактов»^[20].

Можно не верить еретикам, но вспомним, что писал апостол Павел, обращаясь к церковной коринфской общине: «Есть верный слух, что у вас появилось блудодеяние, и притом такое блудодеяние, какого не слышно даже у язычников, что некто вместо жены имеет жену отца своего. И вы возгордились, вместо того, чтобы лучше плакать...» (1 Кор. 5:1–2). Представления у людей, входивших в любую общину, могли быть самые разные и порой странные и извращенные; всегда и везде находились и люди, поощрявшие зло. Были подобного рода интерпретации и в среде гностиков. Однако тексты Наг-Хаммади говорят о том, что, во всяком случае, на идеологическом уровне дело обстояло иначе – в них повсюду осуждается всякого рода разврат.

Вот еще одна интересная параллель сообщения Иринея о «каинитах» с «Евангелием Иуды». По Иринею, «каиниты» любят повторять «я совершаю дело, я довожу это до конца», творя

всяческие непотребства. К этим делам их поощряют будто бы ангелы, к которым и обращены эти их восклицания. О «завершении» неоднократно говорится и в «евангелии», однако речь идет именно об ангелах (и звездах), покровительствующих именно церковным христианам.

Итак, то, что относится у «каинитов» к церковным христианам, ересиологи Церкви приписывали самим «каинитам» – очевидно, так же могло обстоять дело и с «реабилитацией» Содома и Гоморры^[21].

Подведем итоги. Из сказанного можно заключить, что, во-первых, «Евангелие Иуды» действительно было создано в особо враждебной церковному христианству гностической секте («каиниты» могло и не быть ее самоназванием), и, во-вторых, об учении этой секты мы можем составить лучшее представление на основании самого текста «Евангелия Иуды», чем на основании сообщений враждебных этой секте ересиологов.

Разумеется, верно и обратное: абсурдно было бы делать на основании «Евангелия Иуды» какие-либо выводы, направленные против христианской Церкви. Poleмика есть полемика, здесь все достаточно ясно.

Гораздо более сложные вопросы: соотношение учения «каинитов» с другими гностическими учениями и связь «Евангелия Иуды» с наиболее близкими к нему гностическими сочинениями «Апокриф Иоанна» и «Свидетельство истины». Исследование этих проблем только начинается. Мы же пока должны ограничиться сказанным.

Евангелие Иуды

Тайное слово откровения, данного Иисусом, когда говорил Он с Иудой Искарриотом в продолжение недели за три дня^[22] до того, как Он отпраздновал Пасху.

Когда Иисус явился на землю, творил Он знамения и чудеса великие ради спасения людей. И как одни ходили путем праведности, а другие ходили в грехах своих, то призваны были двенадцать учеников. Начал Он говорить с ними о тайнах, что вне мира, и о том, что совершится в конце. Часто не являлся Он ученикам своим Сам, но пребывал среди них как дитя^[23].

Однажды был Он с учениками в Иудее и нашел их собравшимися вместе и сидящими в благочестивом размышлении. Когда подошел Он к ученикам своим, [34] собравшимся, сидящим и произносящим молитву благодарения над хлебом, Он засмеялся^[24].

Сказали Ему ученики: «Учитель, почему Ты смеешься над молитвой благодарения? Мы сотворили то, что праведно».

Ответил Он и сказал им: «Я не смеюсь над вами – вы делаете это не по своей воле, но потому, что через это бог ваш прославляется»^[25].

Они сказали: «Учитель, Ты... Сын Бога нашего».

Сказал им Иисус: «Откуда знаете вы Меня? Истинно говорю вам, ни один род людей среди вас не познает Меня».

Когда услышали это ученики Его, стали они сердиться и гневаться и стали хулить Его в сердце своем.

Иисус же, узрев, что (не разумеют они, сказал) им: «Почему волнение это привело вас во гнев? Ваш бог, который в вас и... [35] вызвал вас на гнев душ ваших. Пусть кто-либо из вас, кто (имеет силу) между людьми, явит человека совершенного и встанет пред лицо Мое».

Они все сказали: «Мы имеем силу».

Но души их не смогли стоять пред (Ним), кроме Иуды Искарриота. Он смог стать пред Ним, но не мог смотреть в глаза Его и отвратил лицо свое.

Иуда (сказал) Ему: «Я знаю, кто Ты и откуда Ты пришел. Ты из бессмертного зона Барбело^[26]. И недостойн я произнести имя Пославшего Тебя».

Зная, что Иуда помышляет о высоком, сказал ему Иисус: «Выйди из среды остальных, и Я поведаю тебе тайны Царства. Для тебя возможно достичь их, но будешь ты опечален весьма. [36] Ибо некто

иной заменит тебя^[27], дабы двенадцать смогли достичь полноты с богом своим».

Сказал Ему Иуда: «Когда скажешь Ты мне это и когда взойдет великий день света для рода (сего)?»

Но когда сказал он это, оставил его Иисус.

На другое утро после того, как случилось это, явился Иисус ученикам вновь.

Они сказали Ему: «Учитель, куда Ты ходил и что делал Ты, когда оставил нас?»

Сказал им Иисус: «Я ходил к иному роду, великому и святому».

Ученики Его сказали Ему: «Господи, что это за великий род, который выше и святее нас, которого нет сейчас в этих пределах?»

Когда услышал это Иисус, засмеялся Он и сказал им: «Что помышляете вы в сердцах своих о роде сильном и святом? [37] Истинно говорю вам, никто рожденный от века сего не узрит того (рода), и никакое воинство ангелов звездных не будет править над родом тем, и никакой смертный не сможет соединиться с ним, ибо тот род не приходит от... стал... Род людей среди (вас) – от рода человеческого... власть, которая... иные власти... (над коими) властвуете вы».

Когда услышали это ученики (Его), смутились все они духом и не могли сказать ни слова.

На другой день Иисус пришел к (ним). Они сказали (Ему): «Учитель, мы видели Тебя в (видении), ибо мы имели великие (видения...) ночью...»

Он сказал: «Почему (вы...)?» [38]

Они (сказали: «Мы видели) большой (дом с большим) жертвенником (в нем и) двенадцать мужей – мы думали, что это священники – и имя. Толпа людей ждет у жертвенника, пока (не выйдут) священники (и не примут) жертвоприношения. (И) мы ждали».

(Сказал Иисус:) «Чему подобны (священники)?»

Они (сказали: «Некоторые...») две седмины; (иные) приносят в жертву собственных детей, иные – своих жен, хваля (и) презирая друг друга^[28]. Некоторые спят с мужчинами; некоторые участвуют в (избиении); некоторые совершают множество грехов и дел беззакония. И мужи, стоящие (пред) жертвенником, призывают имя (Твое), [39] и во всех делах их порока совершаются жертвоприношения (...).

Сказав это, умолкли они, ибо они были смущены.

Иисус сказал им: «Отчего смутились вы? Истинно говорю вам, что все священники, стоящие пред жертвенником, призывают имя Мое. Вновь говорю вам: имя Мое написано на этом (...) родов звезд родами людей. (Они) насадили деревья бесплодные во имя Мое позорно»^[29].

Сказал им Иисус: «Те, которых вы увидели принимающими жертвоприношения у алтаря – это вы. Это бог, которому вы служите, и вы те двенадцать мужей, которых вы видели. Скот, который вы видели приведенным для жертвоприношения, – это множество людей, которых введете вы в заблуждение^[30]. [40] Пред жертвенником этим^[31] (...) восстанет и воспользуется так именем Моим, и роды благочестивых останутся верны ему. После него восстанет иной муж из (блудников), и иной (вос)станет из детоубийц, и иной из тех, кто спят с мужчинами, и из тех, кто воздерживается^[32], и остальной народ нечистоты, беззакония и заблуждения, те, кто говорит: „Мы подобны ангелам“; они суть звезды, все совершающие^[33]. Ибо к родам людей было сказано: „Смотри, принял бог жертву вашу из рук священника“ – а это слуга заблуждения. Но Господь повелевает, Господь всего мира^[34]: „В последний день будут посрамлены они“». [41]

Сказал (им) Иисус: «Перестаньте приносить (жертвы...) которые вы (...) на жертвенник, поскольку они над звездами вашими и ангелами вашими и пришли уже к своему завершению там. Так пусть они (...) пред вами, и пусть они идут...

(Серьезный пропуск в тексте.)

...роды... Один хлебопек не может накормить все творение [42] под небом^[35]. И (...) к ним (...) и (...) к нам и (...)

Иисус сказал им: «Не боритесь со Мною. Каждый из вас имеет свою звезду, и кажд(ый)...

(Серьезный пропуск в тексте.)

[43] в (...) который грядет (...) для древа (...) века сего (...) на время (...), но пришел он оросить рай Божий^[36], и (род), который будет продолжаться, ибо (он) не осквернит (пути жизни) того рода, но (...) на все века».

Иуда сказал (Ему: «Равв)и, какой плод принесет род сей?»

Сказал Иисус: «Души всякого рода людского умрут. Но когда совершат эти люди время царства и дух оставит их, тела их умрут, но души будут живы и вознесутся».

Сказал Иуда: «А что будут делать остальные роды людей?»

Сказал Иисус: «Невозможно [44] сеять семя на (камень) и пожать плод его^[37]. Таков же и путь... (развращенного) рода... и тленной Софии^[38]... рука, сотворившая смертных людей, так что души их

взойдут в вечные зоны на высоте. (Истинно) говорю тебе... ангел... силы сможет узреть... тех, которым... святые роды...

Сказав это, Иисус удалился.

Сказал Иуда: «Учитель, как Ты слушал их всех, выслушай также и меня. Ибо я узрел великое видение».

Когда Иисус услышал это, Он засмеялся и сказал ему: «О тринадцатый дух^[39], что ты так утруждаешься? Но говори, Я потерплю тебя».

Сказал Ему Иуда: «В видении узрел я себя самого, и двенадцать учеников побивали меня камнями и [45] преследовали (меня сурово...). И пришел я также в то место, где... за Тобой. Узрел я (дом...), и глаза мои не могли (охватить) его. Великие люди окружали его, и дом этот (имел) кровлю из зелени^[40], и в середине дома была (толпа...)

...Говоря: «Учитель, прими меня в этот народ». Отвечал ему (Иисус) и сказал: «Иуда, твоя звезда сбила тебя с пути». И продолжал Он: «Ни один человек смертного рождения недостоин войти в дом, который ты видел, ибо это место хранится для святых. Ни солнце, ни луна не будут править там, ни день^[41], но святые будут жить там всегда, в вечном эоне со святыми ангелами. Смотри, я объяснил тебе тайны Царства [46] и научил тебя о блуждании звезд; и... послать их... к двенадцати эонам».

Спросил Иуда: «Учитель, может ли быть, что семя мое – во власти архонтов?»^[42]

Отвечал ему Иисус и сказал ему: «Приди, чтобы Я...

...но что ты будешь горевать весьма, когда узришь царство и роды его».

Услышав это, сказал Ему Иуда: «Что доброго в том, что я получил это? Ибо Ты отделил меня для рода того».

Отвечал Иисус и сказал: «Ты станешь тринадцатым, и будешь ты проклят другими родами^[43], и станешь ты править ими^[44]. В последние дни проклянут они твое восхождение [47] к святому (роду)».

Иисус сказал: «(Приди,) чтобы Я научил тебя о (тайнах,) коих никто никогда не видел^[45]. Ибо существует великий и беспредельный эон^[46], чьей величины ни один ангельский род не видел (и) где (обитает Дух) великий и незримый, Кого ни око ангельское не видело, ни мысль сердца не слышала, и никогда не было названо имя Его.

И сияющее облако явилось там. Сказал Он: „Пусть придет ангел, чтобы стать помощником Моим“.

Великий ангел, просвещенный божественный Само-рожденный^[47], явился из облака. Благодаря ему четыре других ангела^[48] возникли из другого облака, и стали они спутниками ангельского Саморожденного. Сказал Саморожденный: [48] „Пусть (...) возникнет (...)“, и возник^[49] (...) И (сотворил) Он первое светило, чтобы оно царствовало над ним. Он сказал: „Пусть ангелы придут служить (ему)“, и бесчисленные множества возникли. Он сказал: „Пусть возникнет светлый эон“, и он возник. Создал Он второе светило, чтобы царствовало над ним, вместе с бесчисленными множествами ангелов, чтобы служили они. Вот как создал Он остальные светлые зоны. Он сделал, чтобы они царствовали над ними, и создал Он для них бесчисленные множества ангелов, чтобы помогли им.

Адамант^[50] был в первом сияющем облаке, которое не видел никто из тех, кого зовут „богом“. Он [49] (...) что (...) образ (...) и по подобию ангела (того). Он сделал так, чтобы явился нетленный (род) Сифа (...) двенадцать (...) двадцать четыре (...) Явил Он семьдесят два светила в нетленном роде, согласно воле Духа. Сами семьдесят два светила явили триста шестьдесят светил в нетленном роде, согласно воле Духа, чтобы число их было пять на каждое^[51].

Двенадцать эонов двенадцати светил образуют Отца их^[52], с шестью небесами на каждый эон, так что было здесь семьдесят два неба на семьдесят два светила, и на каждое [50] (из пяти) твердей, (на все) триста шестьдесят (тверди...) Даны им были власть и (великое) воинство ангелов (бесчисленное) ради славы и поклонения, (а также) девственные духи^[53] ради славы (и поклонения) всех эонов и небес и их твердей.

Множество этих бессмертных назвал Отец космосом, то есть тлением^[54], и семьдесят два светила, которые суть с Саморожденным и семьюдесятью двумя зонами Его. В Нем явился первый Человек с его нетленными силами. И эон, который явился с его родом, эон, в котором суть облако познания и ангел, зовется [51] Эль(...)^[55] эон (...) после того (...) сказал: „Пусть двенадцать ангелов возникнут, (чтобы) править над хаосом^[56] и (адам)“. И вот, из облака явился (ангел,) чей лик сверкает огнем и чье обличье замарано кровью. Имя его было Небро, что значит „мятежник“; другие звали его Ялдаваоф. И другой ангел, Саклас, явился из облака^[57]. Тогда создал Небро шестерых ангелов, как и Саклас, чтобы стали они помощниками, и произвели они двенадцать ангелов в небесах, и каждый из них получил долю в небесах.

Говорили двенадцать архонтов двенадцати ангелам: „Пусть каждый из вас [52] (...) и пусть они (...) род (...) ангелов“.

Первый (Си)ф, который зовется Христос. (Второй) Хармафос, который... (Третий) Галила. Четвертый Иобель. Пятый Адонайос.

Вот пятеро властвующих над адом, а первый из них всех – над хаосом^[58].

Потом сказал Саклас своим ангелам: „Сотворим человека по подобию и образу“. Они создали Адама и жену его Еву, которая зовется в облаке Жизнь. Ибо под этим именем все роды ищут мужчину, и каждый из них зовет женщину этими именами. И вот, Саклас не [53] ве(лел...) кроме (...) род(ов...) это (...) И сказал (архонт) Адаму: „Ты будешь жить долго с детьми твоими“».

Сказал Иуда Иисусу: «Почему долог срок жизни, который будет жить человек?»^[59]

Сказал Иисус: «Отчего дивишься ты, что Адам с его родом прожил срок жизни своей в том месте, где получил он свое царство долговечное с его архонтом?»

Сказал Иуда Иисусу: «Умрет ли дух человеческий?»

Сказал Иисус: «Вот как это будет: приказал „бог“ Михаилу давать души людей им в награду, чтобы они несли служение, но Великий приказал Гавриилу даровать духов великому роду, у коего нет архонта, то есть дух и душу^[60]. Посему (остальные) души [54] (...) свет (...) вокруг (...) пусть (...) дух, (который) в тебе, живет в этой (плоти) среди родов ангельских. Но Бог велел дать знание Адаму и тем, кто с ним, так чтобы цари хаоса и ада не господствовали над ними».

Сказал Иуда Иисусу: «Так что же будут делать эти роды?»

Сказал Иисус: «Истинно говорю тебе, что все эти звезды совершат все дела. Когда Саклас завершит время, назначенное ему, их первая звезда появится с родами, и завершат они то, что они сказали^[61]. Тогда будут они блудить во имя Мое и убивать своих детей^[62] [55], и будут они (...) и (...)

(Несколько строк пропущено.) имя мое, и будет Он (...) твою звезду над (три)надцатым эоном».

После того Иисус (засмеялся).

Сказал Иуда: «Учитель, (почему Ты смеешься надо мною?)»

Ответил (Иисус и сказал): «Я смеюсь не над (тобою), но над заблуждением звезд, ибо эти шесть звезд блуждают с этими пятью воинами, и будут они сокрушены вместе со своими творениями».

Сказал Иуда Иисусу: «Что же будут делать те, кто крестился во имя Твое?»^[63]

Сказал Иисус: «Истинно говорю (тебе), что это крещение [56] (...) имя Мое...

(Существенный пропуск.) ...Меня. Истинно говорю тебе, Иуда, те, кто приносит жертву Сакласу^[64] (...) бог (...) все, что есть зло.

Но ты превзойдешь их всех. Ибо ты принесешь в жертву мужа, облакающего Меня^[65].

Уже рог твой вознесен, гнев твой воспламенился, звезда твоя воссияла ярко, и сердце твое (...) [57]

Истинно (говорю тебе,) твой последний (...) станет (...) горе (...) архонту, ибо будет он сокрушен. Тогда образ великого рода Адамова будет превознесен, ибо существует прежде неба, земли и ангелов тот род, который из вечных эонов^[66]. Вот, Я рассказал тебе все. Подними очи твои и посмотри на облако, и на свет в нем, и на звезды, окружающие его. Звезда путеводная – это твоя звезда».

Поднял Иуда очи свои и узрел сияющее облако и вошел в него. Стоявшие на земле услышали голос, пришедший из облака, говорящий, [58] (...) великий род (...) образ (...)

(Пропущено несколько строк.)

(...) Первосвященники их роптали, ибо (Он) вошел в комнату для молитвы. Но некоторые книжники следили, чтобы схватить Его во время молитвы, так как они боялись народа, ибо все почитали Его пророком. Подошли они к Иуде и сказали ему: «Что ты делаешь здесь? Ты ученик Иисуса». Иуда ответил им, как они желали. И принял он от них деньги и предал им Его.

Евангелие Иуды^[67]

Евангелие от Варнавы

В 1709 году в Амстердаме была найдена итальянская рукопись, озаглавленная «Евангелие от Варнавы»^[68]. В начале XX века английский священник Лонсдейл Рэгг решил перевести эту рукопись на английский язык и издать ее в качестве литературного памятника. К тому времени рукопись находилась в Вене, в Австрийской национальной библиотеке. Исследования ученых в связи с происхождением «Евангелия от Варнавы» пришли к выводу о том, что эта книга возникла в связи с деятельностью инквизиции в конце XVI века. До XV века у отцов и учителей Церкви также не встречается упоминаний о нем. Если бы «Евангелие от Варнавы» было подлинным, на протяжении такого длительного периода времени его бы неоднократно цитировали, подобно другим каноническим книгам Священного Писания. Не найдено древнегреческих или древнееврейских рукописей «Евангелия от Варнавы», в то время как существует большое количество рукописей на греческом языке всех четырех канонических Евангелий. Впоследствии эту старинную итальянскую рукопись подробно изучал Эдуард фон Муральт (1808–1895), хранитель богословских рукописей и книг в Императорской Публичной библиотеке (Санкт-Петербург), в библиотеке хранится испанский перевод «Евангелия от Варнавы».

Форма этого евангелия сравнима с так называемой «гармонией». Такие евангелия-гармонии включают в себя повествования из всех четырех Евангелий, одно из старейших было составлено еще во II веке апологетом Татианом. Апокрифичному повествованию в целом свойственна нелогичность изложения. Это «евангелие» стало широко распространяться в целом ряде мусульманских стран. В 1908 году оно было издано в арабском переводе и потом часто переиздавалось. «Евангелие от Варнавы», по сути, мусульманское евангелие. Отрицание смерти Иисуса на кресте – главная идея этого текста; так, Иисус говорит: «заставив каждого поверить, что это я принял смерть на кресте. Эта шутка будет длиться до прихода Мухаммада, посланника Господня» («Евангелие от Варнавы», глава 220). Иисус Христос был спасен от распятия, затем вернулся на землю для того, чтобы сделать Варнаву составителем подлинного евангелия. В итоге, как пишет современный мусульманский публицист: «Некоторые нечистоплотные люди, выдающие себя за учеников, проповедуют, что Иисус умер, не воскреснув, другие же говорят, что он на самом деле умер и воскрес, а третьи, и в их числе Павел, также заблудший, проповедовали и проповедуют до сих пор, что Иисус – сын Бога». Мусульмане верят, что весть Торы, которая

была открыта Моисею, псалмы, которые были даны Давиду, и Евангелие Иисуса Христа в своей сущности не противоречат друг другу: «и вот сказал Иисус (Иса) сын Марьям: „о сыны Израиля! Я посланник к вам, подтверждающий истинность того, что ниспослано до меня в Торе, и благовествующий о посланнике, который придет после меня, имя которому Ахмад“» (Коран, сура 61, аят 6). По средневековому апокрифу, Иисус – только пророк и не более.

В истории этого апокрифа обычно приводят записи некоего монаха по имени Фрамарино (брат Марино): «Перебирая письма святого Иринея, я случайно наткнулся на одно письмо, которое вызвало у меня большое изумление, так как в нем Ириной критиковал деяния и идеи апостола Павла, при этом он всегда ссылался на Евангелие от Варнавы. С тех пор мной завладело страстное желание достать это Евангелие. По прошествии многих лет, уже будучи учеником папы Сикста V, я посетил его личную библиотеку; воспользовавшись моментом, я начал искать то, что так страстно желал многие годы. На мое счастье, мне удалось раздобыть это Евангелие и тайно переписать его. После глубокого исследования рукописи я принял ислам». Существовал ли этот брат Марино в действительности или нет, но в творениях Иринея Лионского нет ссылок на «Евангелие от Варнавы». В этом апокрифе нет упоминаний об Иоанне Крестителе, об отречении апостола Петра, о крестной смерти и воскресении Иисуса Христа. Об апостоле Иуде-предателе излагается версия, не имеющая отношения к каноническим Евангелиям. Иисус Христос избавлен от крестной смерти. Его должен заменить Иуда: «Господь, постановивший то, что должно произойти с Иудой, сохранил его для страшной смерти на кресте». Четыре ангела рассказали Деве Марии, что Господь «изменил облик Иуды в наказание за то, что тот продал его». Пилат и Ирод за деньги, полученные от книжников и первосвященников, выдали на смерть Иуду, приняв его за Иисуса. Главная идея этого апокрифа – отрицание смерти Иисуса на кресте.

Текст «Евангелия от Варнавы» приводится в извлечениях (включены лишь фрагменты, связанные с Иудой Искариотом).

Евангелие от Варнавы

Начало Благовествования об Иисусе, называемом Христом, новом пророке Господнем, посланном Вседержителем в мир сей, согласно писанию Варнавы, апостола его^[69]

Варнава, апостол Иисуса Назарянина, называемого Христом, всем сущим под небесами желает мира и утешения.

Возлюбленный Господь наш, Великий и Всемогуший, посетил нас в сии дни через пророка своего Иисуса Христа, в великой милости Своей уча и совершая чудеса, ибо многие, введенные в заблуждение сатаной, лишенные благочестия, проповедуют ложное учение, называя Иисуса сыном Божиим, отрекшись от обрезания, которое предписано было Господом нашим от века, и позволяя себе и другим вкушать всякое нечистое мясо; среди таковых и Павел обманут был, о ком говорю не без сожаления. По причине сей пишу я правду, услышанную мною от самого Иисуса, и она спасет вас, не давая сатане ввести вас во искушение и погубить души ваши в День Страшного Суда Господня. А посему остерегайтесь всякого, кто проповедует новое учение, противоречащее тому, что записано мною, ибо так спасетесь в вечности. Да пребудет с вами Господь Вседержитель и да избавит Он вас от лукавого. Аминь.

Глава 14

ПОСЛЕ Сорокадневного поста Иисус избирает 12 апостолов

И спустился Иисус с горы, и пошел один ночью к дальнему берегу реки Иордан, а постился он сорок дней и ночей, не вкушая ничего ни днем ни ночью, продолжая молить Господа о спасении народа своего, к которому послал его Бог. И по прошествии сорока дней взалкал он. И подступил к нему сатана и искушал его многими словами, но прогнал его Иисус силой слова Божьего. Тогда оставил его дьявол, и ангелы приступили и служили ему. Иисус же, вернувшись в окрестности Иерусалима, вновь встречен был с великой радостью, и молили его люди остаться с ними, ибо слова его не были похожи на слова книжников, но была в них сила, что затрагивала сердце.

Иисус, видя, что их было великое множество и что вернулся в сердца их Закон Божий, взошел на гору и провел всю ночь в молениях, и на рассвете спустился он с горы и выбрал двенадцать человек, которых назвал он апостолами своими; среди них был и Иуда, распятый на кресте. Вот имена их: Андрей и Петр, брат его, рыболовы; Варнава, написавший строки сии, с Матфеем-мытарем, который собирал подати; Иоанн и Иаков, сыны Зеведеевы; Фаддей и Иуда; Варфоломей и Филипп; Иаков и Иуда Искариот, предатель. Им всегда открывал он Божественные тайны; но Иуду Искариота сделал

он своим казначеем, дабы хранил он то, что давали им в милостыню, а Иуда воровал десятую часть всего.

Глава 72

ПРОРОЧЕСТВО ОБ ОСКВЕРНЕНИИ ЕВАНГЕЛИЯ ИИСУСОВА

Ночью же Иисус тайно говорил ученикам своим: «Истинно, истинно говорю вам, что сатана жаждет отсеять вас, словно зерно; но просил я за вас Господа, и не погибнет никто из вас, кроме расставившего силки для меня». И были те слова его об Иуде, ибо сказал ему ангел Божий Гавриил, что Иуда дружен со священниками и рассказывает им все, что говорит Иисус.

Со слезами просил Иисуса пишущий сие: «Учитель, поведай мне, кто предаст тебя». Отвечал Иисус, говоря: «О Варнава, еще не пришел час, когда откроется вам имя его, но вскоре случится сие, ибо недолго осталось мне пребывать в мире сем». И опечалились апостолы, говоря: «Учитель, как можешь ты покинуть нас? Лучше мы умрем, чем ты покинешь нас!»

Отвечал им Иисус: «Да не опечалятся сердца ваши и да не поселится в них страх, ибо не я сотворил вас, но Господь, Создатель наш, и Он защитит вас. Я же явился в мир сей, дабы приготовить путь Посланнику Господню, который принесет спасение миру сему. Но убойтесь же обмануться, ибо придет множество ложных пророков, что станут говорить слова мои и осквернят Евангелие мое».

И говорил Андрей: «Учитель, поведай нам знак, по коему отличим мы его». Отвечал Иисус: «Не в ваш век придет он, но после вас, когда вконец осквернят Евангелие мое и останутся лишь тридцать истинно верующих. И тогда смилуется над миром Господь и дарует ему Посланника Своего, над головой коего будет покоиться облако, белое как снег, и по тому узрят люди, что он и есть избранник Божий, и весть о том разнесется по всему миру. Будет у него сила великая против неверующих, и уничтожит он идолопоклонство. И радуюсь я тому, ибо через него познают и восславят Всевышнего и постигнут истинность слов моих; и отомстит он говорящим, что я есмь больше, нежели человек.

Истинно говорю я вам: луна станет прислуживать ему, когда ребенком будет спать он, и, когда возмужает, возьмет он ее в руки свои. И да убоится мир гнать его, ибо станет он истреблять идолопоклонство более, чем то делал Моисей, раб Господень. Явится он с истиной, чище и ясней той, что принесли все пророки до него, и станет порицать тратящих впустую жизнь свою. Башни города

отцов наших станут в радости приветствовать друг друга; и тогда повержено будет идолопоклонство и исповедают меня не Богом, но человеком, – вот вам знамения прихода Посланника Божьего...»

Глава 112

ТАЙНА, ОТКРЫТАЯ ВАРНАВЕ

...Молвил Иисус: «Идите и поищите плодов полевых, дабы могли мы насытиться, ибо вот уже восемь дней, как не ели мы хлеба. Я же буду молить Господа нашего и ждать вас вместе с Варнавою».

И ушли апостолы по четверо и по шестеро, чтобы сделать то, о чем просил их Иисус. И остался с Иисусом тот, кто пишет строки сии; и говорил ему Иисус: «О Варнава, должно мне открыть тебе тайны великие, которые после ухода моего откроешь ты миру». И плакал тот, кто пишет сие, говоря: «Дозволь мне плакать, учитель, ибо все мы грешники. Но ты, святой пророк Господа, не должен скорбеть о нас столько».

Отвечал Иисус: «Душа моя скорбит, Варнава. Ибо, если бы люди не звали меня Богом, видел бы я Господа нашего здесь так же, как виден Он в Раю, и не боялся бы я Дня Страшного Суда. Но ведает Всевышний, что невинен я, ибо никогда не думал я, что я есмь нечто большее, чем простой слуга Его. Нет, говорю тебе, что, если бы не звали меня люди Богом, я покинул бы мир сей и оказался бы сразу в Раю, но не попаду я в него отныне до Суда. Видишь же ты ныне, что есть от чего скорбеть мне.

Знай, Варнава, что подвергнут я буду преследованиям и предаст меня за тридцать монет один из учеников моих. Тот, кто предаст меня, убит будет под моим именем, ибо Господь заберет меня к Себе и изменит наружность предателя, и все уверуют, что он – это я; и когда будет предан он страшной смерти, пребуду я для мира в бесчестии сем на долгие лета. Но когда придет Мухаммад, святой Посланник Господний, снят будет позор сей. Совершит сие Всевышний, ибо проповедовал я истину о приходе Мессии, который вознаградит меня, провозгласив о том, что я жив и не был предан позорной смерти».

И отвечал тот, кто пишет строки сии: «Учитель, скажи мне, кто сей нечестивец, ибо, воистину, буду я бить его, пока не умрет он». Говорил Иисус: «Да снизойдет на тебя мир, ибо так желает Господь, и не может он поступить по-иному, но, когда узришь ты мать мою, пребывающую в горе, поведаешь ты ей правду о событиях тех, дабы

утешилась она». Отвечал тот, кто пишет сие: «Исполню я все, учитель, если будет так угодно Господу».

Глава 139

ИИСУС ПРОРОЧЕСТВУЕТ О ТОМ, ЧТО БУДЕТ ПРЕДАН

И нашел Иисус тот, кто пишет строки сии, вместе с Иаковом и Иоанном. И плакали они, говоря: «Учитель, почему покинул ты нас? Искали мы тебя, стная; да, все ученики искали тебя, проливая слезы». Отвечал Иисус: «Ушел я, ибо проведаль я, что готовит мне дьявольский сонм то, о чем узнаете вы в скором времени. Ибо совет Храма вместе с народными старейшинами восстанет против меня и потребует от римского прокуратора убить меня, потому как убоятся они, что возжелаю я царской власти над Израилем. Буду продан и предан я одним из учеников моих, как Иосиф был продан в землю Египетскую. Но справедливою волею Господа падет он, как сказано у пророка Давида: „Сталкнет Он в яму того, кто расставляет силки ближнему своему“. Ибо спасет меня Всевышний из их рук и заберет меня из мира сего».

Испугались ученики его; но утешал их Иисус, говоря: «Не бойтесь, ибо никто из вас не предаст меня». И успокоились сердца трех учеников. <...>

Глава 142

ИУДА ВСТРЕЧАЕТСЯ СО СВЯЩЕННИКАМИ

Иуда-предатель, узревши, что ушел Иисус, потерял надежду стать могущественным в мире сем, ибо нес он кошель Иисуса, где хранилось все, что давали ему во имя любви к Господу. Верил он, что станет Иисус царем Израильским, а сам он станет могущественным человеком. И, потеряв все надежды, сказал он себе: «Если б был пророком человек сей, знал бы он, что краду я деньги его; и потерял бы он терпение и прогнал бы со службы своей, ведая, что не верю я в него. И если б был он мудрецом, не бежал бы он от почестей, что дарует ему Господь Всевышний. А посему благом будет пойти мне к первосвященнику и к книжникам и фарисеям и предать его в руки их, ибо так смогу обрести я некое добро».

И решив по сему, поведал он книжникам и фарисеям, что творилось в Наине. И держали совет они с первосвященником, говоря: «Что делать нам, если станет человек сей царем? Воистину,

будет плохо нам, ибо желает он вернуть богослужение, кое было в прежние времена, ибо чужды ему наши обычаи. Как проживем мы под властью сего человека? Воистину, погибнем мы все со всеми детьми нашими, ибо, лишившись сана своего, будем мы побираться на хлеб каждодневный.

Хвала Господу, есть у нас царь и прокуратор, чуждые Закону нашему, коим нет дела до Закона нашего, как нет дела нам до их законов. И потому вольны мы делать все, что захотим; и хотя грешим мы – милостив Всевышний, и смягчают Его жертвы и пост. Но если сделается царем человек сей, не смягчится он, пока не будет богослужение в согласии с письменами Моисеевыми; и говорит он, что будет Мессия не из семени Давидова (как сказали главные ученики его), но из семени Измаилова, и что обетование дано было не в Исааке, но в Измаиле.

Что станет, если родится человек сей? Воистину вознесется племя Измаилово, и отдадут ему римляне страну нашу во владение; и вновь станут рабами дети Израиля, как то было ранее». И, услышав суждения сии, отвечал первосвященник, что нужно ему говорить с Иродом и с прокуратором, «ибо столь сильно любит народ Иисуса, что нельзя будет предпринять что-либо без солдат; и да будет то угодно Господу, что с помощью солдат уладим мы это дело». И, совещавшись друг с другом, решили они схватить его в ту ночь, когда прокуратор и Ирод дадут свое согласие.

Глава 143

УЧЕНИКИ ПРИБЫВАЮТ В ДАМАСК

По воле Господней пришли все ученики в Дамаск. И в тот день Иуда-предатель более других учеников выказывал горе, вызванное у него отсутствием Иисуса, и говорил на то Иисус: «Да убоится всякий того, кто без причины выказывает ему знаки любви». И затмил Бог понимание наше, и не ведали мы, почему говорил он так. После прибытия всех учеников говорил Иисус: «Вернемея в Галилею, ибо ангел Господень сказал мне, что должен я пойти туда».

И на утро субботы пришел Иисус в Назарет. И когда узнали жители Иисуса, пожелали все узреть его. Мытарь по имени Закхей был малого роста и не мог видеть Иисуса, ибо собралось вокруг него великое множество людское, и забрался он на вершину сикоморы и ждал там Иисуса, когда пойдет он в синагогу. И, приблизившись к тому месту, воздел Иисус очи и говорил: «Спустишь, Закхей, ибо

сегодня останусь я в доме твоём». Спустился он и принял его в доме своем, устроив богатый пир.

Роптали фарисеи, говоря ученикам Иисусовым: «Почему ест твой учитель с мытарями и грешниками?» Отвечал им Иисус: «Почему входит лекарь в дом? Скажите мне, и тогда скажу я вам, почему пришел я сюда». Отвечали они: «Чтобы исцелять больных». Говорил Иисус: «Истинны слова ваши, ибо не здоровые нуждаются в лекарстве, но больные...»

Глава 213

ИИСУС ОМЫВАЕТ СТОПЫ УЧЕНИКОВ СВОИХ

И настал день вкусить жертвенного ягненка, и Никодим тайно отослал агнца в сад, где пребывал Иисус с учениками своими, и рассказал все, что решили Ирод с наместником и первосвященником. И возрадовался духом Иисус, говоря: «Благословенно святое имя Твое, Господи, ибо не отделил Ты меня от числа верных рабов Твоих, преследовавшихся миром сим и убиенных им. Благодарю Тебя, Боже мой, ибо исполнил я предназначение свое». И, обратившись к Иуде, сказал он: «Зачем медлишь ты? Близится час мой, иди же и делай то, что должен».

Думали ученики, что Иисус отсылал Иуду купить к пасхальной трапезе; но знал Иисус, что собирается Иуда предать его, и, желая покинуть мир сей, говорил сие. Отвечал Иуда: «Господин, позволь мне отужинать, и после пойду я». И сказал Иисус: «Станем же ужинать, ибо желаю я вкусить агнца перед тем, как покину я вас».

И, встав с вечери, взял полотенце и препоясался, потом влил воды в умывальницу и начал омыwać ноги ученикам. Начав с Иуды, подошел Иисус к Петру. И сказал Петр: «Господин, тебе ли омыwać мои ноги?» Иисус сказал ему в ответ: «Что я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после». Петр говорил ему: «Не омоешь ног моих вовек». Иисус, поднявшись, рек: «Если не омою тебя, не встанешь рядом со мной в День Суда». Петр говорил ему: «Господин, не только ноги мои, но и руки и голову».

Когда же он омыл ноги ученикам своим и сели они за стол, сказал им Иисус: «Омыл я вас, и вы чисты, но не все, и вся вода морская не омоет не уверовавших в слова мои». И сказал так, ибо знал предателя своего. Опечалились ученики, услышав сие, и снова говорил Иисус: «Истинно говорю вам, что один из вас предаст меня, и буду продан я, словно овца; но горе ему, ибо исполнит он

сказанное о нем Давидом, отцом нашим: „Падет он в яму, приготовленную им для других“».

Тогда ученики озирались друг на друга, вопрошая с печалью: «Кто предатель?» И сказал Иуда: «Не я ли, учитель?» Отвечал Иисус: «Сказал ты, кто предаст меня». И удержал Господь Бог одиннадцать учеников от понимания сих слов.

И когда пасхальный агнец съеден был, вселился в Иуду дьявол; и покинул он дом тот, и снова сказал ему Иисус: «Делай же быстрее, что должен».

Глава 214

ПРЕДАТЕЛЬСТВО ИУДЫ

Выйдя из дома, удалился Иисус в сад помолиться согласно обычаю, стократно преклонив колена и простершись ниц. Иуда, зная о месте, где пребывал Иисус с учениками своими, пришел к первосвященнику и сказал ему: «Если дашь ты обещанное мне, этой ночью предаю я в руки твои Иисуса, коего ищешь ты; ибо ныне один он с одиннадцатью спутниками». Вопросил первосвященник: «Сколько хочешь ты?» Отвечал ему Иуда: «Тридцать монет».

Первосвященник дал ему деньги и послал фарисея к прокуратору, дабы привел он солдат, и к Ироду, и тот дал ему легион, ибо боялся народа; и, взяв оружие свое, и факелы, и светильники на перекладинах, покинули они Иерусалим.

Глава 215

БОЖЕСТВЕННОЕ СПАСЕНИЕ ИИСУСА

Когда приблизились солдаты и Иуда к тому месту, где был Иисус, услышал тот приближение множества людей и удалился в дом. Одиннадцать же спали. И Господь, узрев раба Своего в опасности смертельной, приказал Гавриилу, Михаилу, Рафаилу и Уриилу, слугам Своим, забрать Иисуса из мира сего. И святые ангелы Божьи извлекли Иисуса через окно, выходившее на юг, и поместили его на третье небо меж ангелов Божьих, славящих Всевышнего во веки веков.

Глава 216

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ИУДЫ

Иуда вошел в комнату впереди остальных, когда вознесен был Иисус. Ученики же спали. И сотворил чудо Господь Всемогущий, и переменился Иуда голосом и лицом, уподобившись Иисусу, и уверовали все, что то был Иисус. И, разбудив нас, вопрошал он, где учитель. Изумившись, отвечали мы: «Ты, господин, учитель наш; забыл ли ты нас?»

Улыбался он и говорил: «Глупцы, не узнали вы меня, ибо я Иуда Искарот!» И когда сказал он сие, вошли солдаты и схватили Иуду, ибо был он словно Иисус. Услышав слова Иудины и узрев великое множество солдат, бежали мы. И Иоанн, завернувшись в льняные одежды свои, проснулся и бежал, и когда поймал его воин за одежды, оставил он их и бежал нагим. Ибо услышал Бог молитвы Иисуса и спас одиннадцать.

Глава 217

СОЛДАТЫ БЬЮТ ИУДУ И НАСМЕХАЮТСЯ НАД НИМ

И схватили солдаты Иисуса и связали его, смеясь над ним, ибо отрицал он, что он – Иисус. И, насмехаясь над ним, говорили солдаты: «Господин, не бойся, ибо пришли мы сделать тебя царем Израильским и связали тебя, ибо знаем, что отвергаешь ты царствие». Сказал им Иуда: «Обезумели вы! Пришли вы за Иисусом из Назарета, с оружием и факелами, как за вором; и теперь связали вы меня, приведшего вас сюда, дабы сделать царем!»

И потеряли терпение солдаты, и били его и насмехались над ним, и привели его в Иерусалим. Иоанн и Петр шли в отдалении за солдатами; и после рассказали они пишущему сие все виденное ими: и допрос у первосвященника, и совет фарисеев, постановивших предать Иисуса смерти. Много безумных слов говорил Иуда, и над каждым смеялись они, ибо верили, что он Иисус, и думали, что, устранившись смерти, притворялся он безумцем. И тогда книжники надели ему на глаза повязку и смеялись над ним, говоря: «Иисус, пророк назореев (ибо так звали они уверовавших в Иисуса), скажи нам, кто ударил тебя?» И били они его и оскорбляли.

Когда настало утро, собрался большой совет из книжников и старейшин народных; и искали первосвященник с фарисеями ложных свидетельств против Иуды, полагая, что то Иисус стоял перед ними; и не нашли они, что искали. Почему говорю я, что верил

первосвященник, что Иуда есть Иисус? Иные из учеников и пишущий сие поверили в то, что взят был Иуда; иные же поверили, что взят был Иисус, среди них и Мария, мать Иисуса, с роднею и друзьями своими, и бесконечно было горе их.

Пишущий сие пребывал в сомнениях и позабыл все, что говорил Иисус: как забран будет из мира сего, и как иной пострадает вместо него, и не умрет он до конца мира – и отправился вместе с матерью Иисуса и Иоанном к кресту. Повелел первосвященник привести к нему Иуду связанным и вопрошал его об учениках его и учении его. Иуда же, устранившись, ничего не отвечал ему. И тогда заклинал его первосвященник именем живого Бога Израиля, чтобы сказал он правду.

Отвечал Иуда: «Сказал я, что я – Иуда Искариот, обещавший предать в руки ваши Иисуса Назарянина; но вы же, не ведаю почему, обезумели, ибо принимаете меня за Иисуса». Сказал ему первосвященник: «О нечестивый искуситель, обманул ты весь Израиль, от Галилеи до самого Иерусалима, учением своим и ложными чудесами; ныне же хочешь бежать от заслуженного наказания, притворяясь безумным! Как жив Господь, не избежишь ты его!» И, сказав сие, приказал он слугам своим бить его, дабы вернулся к нему рассудок. Невероятно было осмеяние, коему подвергнут был Иуда руками слуг первосвященника, ибо придумывали они новые удары, чтобы доставить удовольствие совету. Наряжали они его как шута и били его руками и ногами так, что даже ханаанит сострадал бы ему, узрев муки его. Но первосвященник с фарисеями и старейшинами народными столь ненавидели Иисуса, что, уверовав, будто Иуда был Иисусом, наслаждались, видя страдания его.

После же отвели его, связанного, к прокуратору, который втайне сочувствовал Иисусу. Думая, что Иуда есть Иисус, привел его в покои свои и говорил с ним, вопрошая, почему предали его первосвященник и народ в руки его. Отвечал Иуда: «Если скажу правду, не поверишь ты мне; ибо обманываешься ты, как обманываются первосвященники и фарисеи».

Вопрошал прокуратор (ибо полагал он, что желает он говорить согласно Закону): «Разве не знаешь ты, что я не иудей? Первосвященники и старейшины народные предали тебя в руки мои; и потому скажи мне правду, ибо могу я совершить справедливость, ведь во власти моей освободить тебя или предать смерти». И отвечал ему Иуда со словами: «Господин, верь мне: если предашь меня смерти, совершишь несправедливость великую, ибо

предашь смерти невинного; потому как я Иуда Искариот, а не Иисус, колдун, что превратил меня в себя».

Услышав сие, подивился прокуратор и хотел освободить его. Вышел он и говорил: «Не заслужил смерти человек сей, но лишь сострадание. Говорит он, что он не Иисус, но некий Иуда, приведший солдат схватить Иисуса, и что Иисус из Галилеи волшебством изменил его. Если истина сие, великою ошибкой было бы убить его, ибо невинен он. Но если Иисус он и отрицает сие, воистину, потерял он рассудок, и беззаконием было бы предать смерти безумца».

И закричали первосвященники и старейшины народные: «Се Иисус из Назарета, ибо знаем мы его; если бы не был он преступником, не предали бы его в руки твои. Не безумец он, но злодей, ибо хитростью своею желает вырваться из рук наших, и если избежит он наказания, станет призывать к мятежу, что будет ужасней предыдущего». Пилат же, не желая принимать решения, говорил: «Из Галилеи он, Ирод же царь в Галилее, посему не пристало мне судить его, отведите его к Ироду».

И привели его к Ироду, который давно хотел видеть Иисуса в доме своем. Но Иисус не желал никогда входить в дом его, ибо Ирод почитал ложных богов, живя подобно нечестивому язычнику. И когда привели туда Иуду, о многом вопрошал его Ирод, но не отвечал ему Иуда, отрицая, что он Иисус. И смеялся над ним Ирод с приближенными своими и приказал облачить его в белые одежды, как шута; и отослал он его к Пилату, говоря: «Будь же справедлив к народу Израиля!» И написал сие Ирод, ибо первосвященники и книжники дали ему много денег. Узнав об этом от слуги Ирода, Пилат тоже пожелал получить денег и притворился, будто хочет отпустить Иуду.

И приказал он бичевать его слугам своим, коим книжники дали денег, чтобы забили они его насмерть. Но Господь, предначертанный сие, сохранил жизнь Иудину для крестных страданий, дабы умер он ужасной смертью, уготовленной им для другого, и потому не позволил Он Иуде умереть от бича, хотя столь сильно били они его, что по всему телу его струилась кровь. И, в осмеяние, облачили его в багряницу, сказав ему: «Пристало новому царю нашему быть облаченным и увенчанным»; и собрали они тернии и сделали из них венец, подобный тем из золота и драгоценных камней, что носили цари на головах своих. И венец терновый водрузили они на голову Иуды, дав палку в руку ему, словно скипетр, и посадили его на возвышенное место.

И подходили к нему солдаты и, насмехаясь, кланялись, приветствуя его как царя Иудейского. И тянули к нему руки, чтобы

принять дары царские; и, не получив ничего, били Иуду, говоря: «Как же увенчан ты, если не платишь своим солдатам и слугам?» Первосвященники и книжники, узрев, что не умер Иуда от бича, и, убоявшись, что Пилат отпустит его, поднесли прокуратору в дар деньги, и наместник, взяв их, предал книжникам и фарисеям Иуду, приговорив его к смерти. Вместе с ним приговорили они двух воров к распятию на кресте.

И повели его на гору Голгофу, где вешали преступников и где распинали их нагими для большего позора. И ничего более не содеял Иуда, лишь вскричал: «Господи, почему Ты меня оставил, но злодей бежал и несправедливо умираю я?» Истинно говорю вам: голос, лицо и весь Иуда столь схожи были с Иисусом, что уверовали ученики его, будто сие Иисус; и отвергли некоторые учение Иисусово, посчитав его ложным пророком, колдовством творившим чудеса свои, ибо сказал Иисус, что не умрет он до скончания веков, когда покинет он мир сей.

Но оставшиеся верными учению Иисусову были охвачены горем, видя, как умирает похожий на Иисуса, ибо не помнили они, что говорил им Иисус. И с матерью Иисуса взошли они на Голгофу и видели смерть Иуды, и не кончались рыдания их, после же через Никодима и Иосифа Аримафейского попросили прокуратора забрать тело Иуды, чтобы похоронить его. И сняли его с креста, с рыданиями столь сильными, что невозможно поверить в то, и положили его в новую гробницу Иосифа, и умастили его миром, истратив литров около ста.

Глава 218

РАСПЯТИЕ ИУДЫ

И возвратился каждый в дом свой. Пишущий сие, с Иоанном и Иаковом, братом его, пришли в Назарет с матерью Иисуса. Те из учеников, кто не боялся Бога, ночью выкрали тело Иуды и спрятали его, сказав, будто воскрес Иисус; и поднялось повсюду смятение великое. Первосвященник приказал, под страхом проклятия, чтобы никто не говорил об Иисусе из Назарета. И началось преследование, и многих закидали камнями, и многих побили, и многих изгнали из страны, ибо не могли они смолчать.

Дошла до Назарета весть, будто умер Иисус на кресте и воскрес. И пишущий сие молил мать Иисуса оставить скорбь, ибо воскрес сын ее. Услышав сие, сказала Дева Мария: «Пойдем же в Иерусалим и найдем сына моего. Умру я счастливой, увидя его».

Глава 219

ИИСУС ЯВЛЯЕТСЯ ДРУЗЬЯМ СВОИМ

И вошла Мария в Иерусалим с пишущим сие, Иаковом и Иоанном в день, когда издал приказ свой первосвященник. Мария, страшась Господа, знала, что несправедлив приказ сей, но просила она спутников своих забыть сына ее. И велико было изумление их! Бог, читающий в сердцах людских, знает, что разрывались мы между горем, посеянным смертью Иуды, о коем полагали мы, что он учитель наш, и желанием узреть его воскресшего.

Ангелы, хранившие Марию, вознеслись на третьи небеса, где с ангелами Господними пребывал Иисус, и рассказали ему обо всем. И тогда молил Иисус Всевышнего дать ему утешить мать свою и учеников. И приказал милосердный Господь четверем любимым ангелам Своим – Михаилу, Гавриилу, Рафаилу и Уриилу – отнести Иисуса в дом матери его и там охранять его три дня подряд и сделать так, чтобы видели его лишь уверовавшие в учение его.

И вошел Иисус, в сиянии, в комнату, где пребывала Мария с двумя сестрами своими, Марфой и Марией Магдалиною, и Лазарем, с пишущим сие, с Иоанном и Иаковом и Петром. И, устранившись, упали они, словно мертвые. И поднял Иисус мать свою и других с земли, говоря им: «Не бойтесь, ибо я – Иисус; не плачьте, ибо жив я и не умер».

И не мог никто заговорить, узрев Иисуса, ибо все они уверовали, что умер он. И, рыдая, спросила Мария: «Скажи мне, сын мой, почему Господь, наделив тебя властью воскрешать мертвых, позволил тебе умереть с позором семье твоей и друзьям твоим и с позором для учения твоего? Ибо всякий, возлюбивший тебя, был подобен мертвому».

Глава 220

ИИСУС И ЧЕТЫРЕ АНГЕЛА

Отвечал Иисус, обнимая мать свою: «Верь мне, мать моя, ибо истинно говорю я тебе, что не умирал я; ибо Бог оставил меня в живых до скончания веков». И, сказав сие, молил он четырех ангелов, чтобы явили они себя и свидетельствовали о том, что случилось.

И явили себя ангелы Божьи подобными четверем сияющим солнцам, и всякий снова упал на землю в страхе. И протянул Иисус

ангелам четыре плаща, чтобы покрылись они, дабы увидели и услышали их мать его и спутники ее. И, подняв всех с земли, утешал их, говоря: «Се слуги Господни: Гавриил, возвещающий волю Божию; Михаил, разящий врагов Господа; Рафаил, собирающий души умерших; и Уриил, который призовет всех на Суд Всевышнего в День Последний». И рассказали ангелы Марии, как послал Господь за Иисусом, и как изменил он облик Иуды, и как понес тот наказание, на кое продал другого.

И вопрошал пишущий сие: «Учитель, позволено ли мне спрашивать тебя ныне, когда обитаешь ты меж нас?» Отвечал ему Иисус со словами: «Спрашивай о чем хочешь, Вар-нава, и отвечу тебе». И говорил пишущий сие: «Учитель, если милосерден Господь, для чего терзал Он нас, заставив уверовать, что умер ты? Так горевала мать твоя, что чуть не умерла; и что о тебе, святом Его, говорят, будто распят ты был на Голгофе меж разбойников?»

Отвечал Иисус: «Верь мне, Варнава, что всякий грех, как бы мал он ни был, наказывает Господь наказанием великим, ибо грех есть оскорбление для Всевышнего. И потому как мать моя и верные ученики мои любили меня больше по земной привязанности, Бог Праведный пожелал наказать привязанность эту нынешним горем, дабы очистить вас от нее, не наказывая пламенем адским. Был я невинен в мире, но звали меня люди Богом и сыном Божиим, и потому Всевышний, дабы не насмехались надо мною бесы в День Суда, пожелал, чтобы насмехались надо мною люди по смерти Иуды, заставив их уверовать, будто я умер на кресте. И продлится осмеяние сие до пришествия Мухаммада, Посланника Божьего, который раскроет обман уверовавшим в Закон Божий». И сказал Иисус: «Справедлив Ты, Господи, ибо Твоя лишь слава и хвала бесконечна!»

Глава 221

ИИСУС ПРОСИТ ВАРНАВУ ЗАПИСАТЬ ЕВАНГЕЛИЕ ЕГО

И обратился Иисус к пишущему сие: «Варнава, напиши же Евангелие мое и расскажи все, что было во время пребывания моего в мире сем. И напиши, что случилось с Иудою, дабы не обманулись верные и всякий мог уверовать в истину». И отвечал пишущий сие: «Будет по сему, раз угодно то Всевышнему, учитель; но не знаю я, что случилось с Иудою, ибо не видел я то».

Отвечал ему Иисус со словами: «Здесь Иоанн и Петр, видевшие все, и поведают они тебе все, что было». И просил Иисус позвать

верных учеников своих, дабы увидели они его. И Иаков с Иоанном призвали семерых первозванных учеников с Никодимом и Иосифом и многих из семидесяти двух, и вкушали они вместе с Иисусом.

На третий день говорил Иисус: «Идите на гору Масличную с матерью моею, ибо оттуда вознесусь я на Небеса, и узрите вы, кто содеет сие». И отправились туда все, кроме двадцати пяти из числа семидесяти двух учеников его, что бежали в страхе в Дамаск. И молились они, когда в полдень пришел Иисус с великим множеством ангельским, славящим Господа; и сияние лица его заставило всех убояться, и пали они ниц на землю. Но поднял их Иисус, утешая, и говорил: «Не бойтесь, ибо я учитель ваш».

И порицал он уверовавших в то, что умер он и воскрес, со словами: «Неужели считаете меня и Всевышнего лжецами? Сказал я вам, что обетовал мне Господь жизнь до конца мира. Истинно, истинно говорю вам, что не умер я; то был Иуда-предатель. Остерегитесь же, ибо сатана станет обманывать вас. Будьте свидетелями моими перед Израилем и перед всем миром и свидетельствуйте обо всем слышанном и виденном вами».

И, сказав сие, молил он Бога о спасении верных и обращении грешников и, окончив молитву, заключил в объятия мать свою, говоря: «Утешься же, мать моя. Пребывай в Господе, сотворившем тебя и меня». Затем обратился он к ученикам своим со словами: «Да будут с вами милость и прощение Божьи». И на глазах их четверо ангелов вознесли его на небеса.

Сказание об Иуде предателе^[70]

Был некий муж в Иерусалиме именем Рувим, также иначе именованный Симон, от колена Данова, некоторые говорят, от колена Иссахарова. Сей муж имел жену именем Сиборию.

Зачала Сибория сына, и, уснувши, видела сон, и проснувшись страхом великим одержима, со вздыханием и сетованием мужу своему начала рассказывать, говоря: видела себя родившей сына злого очень, который явится виною гибели всего рода нашего (Иудейского). Муж ее сказал ей: пустое и недостойное слушания говоришь, ибо лукавый дух устроил тебя. Ответила она ему: еще, говорит, нынче зачну и рожу сына, а это без всякого сомнения не лукавый дух устроил меня, это воистину есть откровение. И тотчас она зачала во чреве.

Когда пришло время рождения, родился у них сын, и они очень боялись его. О том, что же с ним поделать, думала она про себя, говоря: убить сына ужасно, но также и питать губителя рода своего небезопасно. И она написала на хартии имя его, Иуда, вложила вместе с ним в ковчежец и пустила по морю. И морские волны принесли его (Иуду) к острову, называемому Искарриот, и от сего острова Иуда наречен был Искарриотским.

Жена царя острова этого не имела детей, в это самое время она вышла к морю утешиться и увидела ковчежец, плавающий подле берега. Она повелела взять его и открыть, желая видеть, что в нем. И обрела в нем дитя красивое, и, вздохнувши, себе сказала: увы мне, неплодной! Хотела, чтобы случилось и мне иметь таковое чадо, да не останется теперь без наследника царство мое! И сего ради тайно велела чадо сие к себе допустить и о себе как о беременной обманчиво сказать и, что младенца родила, солгала.

И по всему ее царству слава великая прошла о том, что царица родила сына. Муж же ее царь, поскольку не знал о происшедшем, за правду сие принял и радовался очень о сыне родившемся. И все люди его с ним ликовали. Это дитя по чину царскому и благолепию содержать царь повелел. Но в скором времени царица зачала вправду от семени мужа своего и в свое время сына родила. Когда же оба младенца подросли, то много дрались между собой. И Иуда сына царева часто беспощадно бил, и много плакать доводилось отроку. Царица же, видя это, очень негодовала на Иуду за то, что много бил его, зная, что Иуда не ее сын. По времени же немало не утаила неправда, но явно всем открылось, что Иуда не царев сын, а обретен был в море. Когда сие Иуда почувствовал, очень устыдился и брата своего мнимого, сына царева, тайно убил.

Убоявшись надлежащего себе наказания, что и сам за содеянное убит будет, решил убежать в Иерусалим с теми, которые отдавать несли пошлыны.

И прилепился к слугам Пилата, бывшего в то время игемоном Иерусалимским. И поскольку считал это для себя выгодным, пришел к Пилату и сумел стать ему угодным. Пилат же, увидев Иуду, счел его нравом подобным себе и принял в дом свой и в скором времени полюбил его очень. Он приказал и домоправителю своему, и всем слугам от мала до велика слушаться его.

В один из дней произошел такой случай. Пилат смотрел из дома своего на некий сад, находившийся по соседству от своего дворца, и увидел в нем яблоки очень красивые и пожелал их испробовать на вкус. Сей сад принадлежал Рувиму, отцу Иуды. Иуда же Рувима не знал, так же как Рувим не знал Иуду, что тот сыном ему приходится. Рувим этого не только не предполагал, но в сердце своем считал, что сын его в ковчежце утонул в море. И Иуда совершенно не знал, ни кто есть его отец, кто мать, родившая его, и где есть отечество его.

В это время призвал Иуду Пилат к себе и говорит: душа моя так желает вкусить плод из этого сада, что если не вкушу его, то смертью умру. Иуда, услышав такие слова, вскоре забрался в сей сад и начал срывать желанные яблоки. Случайно в это время пришел Рувим и увидел Иуду, срывающего яблоки в его саду, и очень разгневался на него. И начали они друг друга поносить и браниться, и дело дошло до драки. Одолевали друг друга поочередно, тогда Иуда взял камень и ударил Рувима по шее и нанес смертельную рану отцу своему. Потом взял яблоки и принес к Пилату и обо всем приключившемся ему возвестил.

Когда же вечер сменила ночь, Рувим в своем саду был найден мертвым, и все говорили, что умер он внезапною смертью. Когда минуло некоторое время, отдал Пилат все имение Рувима и Сиборию, жену его, которая была матерью Иуды, в жены Иуде же, своему любимцу.

В один из дней Сибория тяжело вздыхала и сетовала. Муж ее Иуда заботливо расспрашивал ее, что с ней. Рассказала ему жена его: горе мне! Всех жен я окаянной, ибо отдала морю младенца сына своего от мужа своего, внезапно умершего. Пилат же предложил мне в крайней злобе, слезы к слезам, с тобой меня соединил, насильно в жены отдал. И когда Сибория поведала все о детище своем, то и Иуда возвестил ей все, что приключилось с ним.

Так обнаружилось, что обретенную мать свою Иуда имел женою и жил с нею, а отца своего убил. Каясь в этом, по совету Сибории, матери и жены своей, пришел Иуда к Господу нашему Иисусу Христу,

учившему и проповедовавшему в то время и всех недужных исцелявшему по всей Иудее; и сподобился Иуда получить от Него прощение в своих грехах.

По неведомому божественному промыслу Господь возлюбил Иуду, и в число апостолов Своих избрал, и доверил ему попечение о Себе и других апостолах в нуждах телесных, поручив иметь при себе ковчежец и носить в нем вносимую милостыню. Со временем он же стал и предателем Господа и Владыки своего.

Когда же драгоценное миро, которое можно было за триста монет продать и дать нищим просящим, не продано было, но тайно пролито на главу Христову, то Иуда был не как о нищих заботящийся, а был как тать, по писанию святого Иоанна Евангелиста. Сего ради шел предавать Господа Иисуса иудеям за 30 сребреников, каждый содержащий в себе 10 монет, монета же равна по цене 10 польским грошам...

Иные говорят: всего за тридцать сребреников Иуда продал Учителя, потом раскаялся и возвратил их иудеям, бросив их в храме; и повесился на дереве...

Хорошо, что сей в воздухе погиб; за то, что оскорбил ангела и человека, из пределов ангельских и человеческих изгнан был. Нигде как только в воздухе с демонами надлежало ему водвориться и погибнуть.

Нас же, читающих и слышащих такое беззаконное его житие и деяние, от такого злого нрава сохрани всех, Христе Боже наш, и сподоби небесному Царствию Твоему, Прославляемый с Отцом и Святым Духом во веки. Аминь.

Из «Арабского Евангелия детства»^[71]

Глава XXXIV

В том же городе была другая женщина, у которой сын был мучим сатаной.

Он назывался Иудой, и всякий раз, когда злой дух овладевал им, он старался укунить тех, кто был около него.

И если он был один, то кусал свои собственные руки и тело.

Мать этого несчастного, услышав о Марии и Сыне Ее Иисусе, встала и, держа сына на руках, принесла его Марии.

В это время Иаков и Иосиф вывели из дома Младенца Иисуса, чтобы Он играл с другими детьми, и они сидели вне дома и Иисус с ними.

Иуда приблизился и сел справа от Иисуса. И когда сатана начал его мучить, как обыкновенно, он старался укунить Иисуса.

И как не мог Его достать, он стал наносить Ему удары в правый бок, так что Иисус стал плакать.

И в это мгновение сатана вышел из ребенка того в виде бешеной собаки.

И этот ребенок был Иуда Искариот, который предал Иисуса.

И бок, который он бил, был тот, который иудеи пронзили ударом копья.

Литературно-богословские эссе

Свт. Иннокентий Херсонский Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа ^[72]

Глава XI

ПРЕДАНИЕ ИИСУСА ХРИСТА ИУДОЙ

Перемена мыслей в синагогоне насчет времени умерщвления Иисуса Христа. – Предательство Иуды и его причины. – Замечание о местопребывании и деяниях Иисуса Христа в продолжение того дня.

Мы видели, что на земле, в совете человеческого положено не лишать Пророка Галилейского жизни до окончания праздника Пасхи; иначе положено было на небе, в совете Всевышнего! Агнцу Божьему, вземлющему грехи мира, надлежало быть принесенным в жертву в одно время с агнцем пасхальным, который столько веков служил Его прообразом (1 Кор. 5:7), и никакое могущество земное, никакая злоба и хитрость не могли замедлить этого жертвоприношения, разлучить прообразуемое с прообразующим.

Промысл Божий расположил, напротив, течение обстоятельств так, что те же люди, которые, сами не зная, пошли было вопреки вечных судеб Его, сами же не зная, обратились внезапно к исполнению их, решившись действовать немедленно, захватить и умертвить Иисуса Христа при первом удобном случае. Причиной такой неожиданной перемены был один человек, который, явившись к первосвященникам, объявил, что он, издавна принадлежа к числу учеников и постоянных спутников Иисуса и зная поэтому все тайные места пребывания Его, легко может содействовать давнему желанию их – захватить Его в свои руки тайно от народа (Лк. 22:6) – и готов употребить для того все свои средства и силы, если только верховное правительство заблагорассудит обратить благосклонное внимание на столь важную услугу, на которую немногие способны, хотя всякий был обязан, вследствие недавно изданного синагогонном повеления (Ин. 11:57). Жалкий человек этот действительно принадлежал к ближайшему

окружению Иисусову и был тот самый ученик, который на вечери в Вифании притворно сожалел о мире и о нищих и от сребролюбия которого давно предостерегал нас дальновидный Иоанн (Ин. 12:6); это был Иуда Искариотский. После увидим, что побудило его к ужасной измене своему Учителю и Господу; здесь заметим только, что, по должности хранителя денег в малом обществе Иисусовом, Искариот мог благовидно оставлять это общество и отлучаться за покупками в город и потому имел возможность вести постыдные переговоры с врагами своего Учителя и торговаться за Его жизнь, не будучи никем подозреваем в измене.

Появление человека с таким предложением, по замечанию евангелистов (Лк. 22:5), было крайне приятно для Каиафы. Хитрый саддукей мгновенно рассчитал в уме своем, что при помощи такого человека, каким представлялся предатель, можно будет захватить Иисуса Христа без всякого шума, даже без присутствия народного. Немедленным же осуждением Его на смерть и преданием в руки римского правительства предполагалось оградить себя и от последней опасности. Народ, думали, не осмелится предпринять что-либо против римлян, которые на время Пасхи особенно усиливали военные посты свои в Иерусалиме; а если бы и покусился на что-либо, то синедрион не будет за то в ответе. То, что Иисус Христос будет предан Своим учеником, имело особенную цену в глазах личных врагов Его: потому что перед народом, не знающим истинных причин предания, обстоятельство это могло быть обращено в большой минус Иисусу, так мало, по-видимому, ценимому собственными учениками. В жару и ослеплении фанатизма предатель для некоторых *из слепо почивающих на законе* мог казаться человеком праведным по закону. Что он сдержит свое слово и не обманет синедрион, как обманывал Учителя, за это, кроме других обстоятельств (Иуда, без сомнения, позаботился о снискании себе доверия), ручалась уже чрезвычайная алчность его к деньгам, обличавшая в нем низость и черноту души, готовой на все из-за прибýtка.

Немедленно назначается цена предательства – та самая, которую Моисей велел взыскивать за раба, когда он будет убит кем-либо ненамеренно (Исх. 21:32), то есть тридцать сребреников, или сиклей, на наши деньги это около 60 рублей. Остроумие какого-либо книжника, вероятно, хотело отличить себя, оценив жизнь Иисуса Христа ценой раба, которая, без сомнения, невысока была и во время Моисея, а теперь, спустя 2000 лет, еще ниже. Тем удивительнее алчность предателя, которая могла удовлетвориться такой малостью при таком случае, когда враги Иисуса Христа, по

всей вероятности, не поскупилась бы никакими сребренниками. Но едва ли, в случае успешного совершения дела, не обещана была бóльшая сумма, как позволяют предполагать выражения евангелистов – Марка и Луки. С другой стороны, предателю стыдно было с упорством настаивать на большей плате, если он хотел (как и должно предполагать) придать измене своей в глазах первосвященников вид законного патриотического поступка и не показаться явно презренным предателем, торгующимся за свою совесть. Впрочем, действовать безрассудно, нередко вопреки своих выгод, есть удел одержимых страстью сребролюбия: малое кажется им иногда великим, великое малым, и они, имея во всем и всегда в виду одни деньги, несмотря на это, сами не зная того, являют в своих поступках иногда вид бескорыстия. Времени и образа предания не могли определить с точностью ни предатель, ни первосвященники, хотя, без сомнения, это было бы приятно для тех и для другого и об этом, кажется, думали немало (Мк. 14:11). Предатель взялся только воспользоваться первым удобным случаем, то есть когда можно будет сделать это тайно от народа (Лк. 22:6); а первосвященники обещали по первому требованию Иуды прислать ему для совершения своего дела достаточное число слуг и стражи церковной. Пасхальная ночь, как время самое глухое и потому удобное, без сомнения, приходила на мысль тому и другим; и если теперь не была она избрана решительно для исполнения замысла, то, должно быть, потому, что Иуда не знал еще, где будет проведена Учителем эта ночь, а может быть, не ведал еще наверно и того, станет ли Он теперь праздновать Пасху в одно время с другими, то есть по причине великой, со всех сторон окружавшей Его опасности не отложит ли это празднование (как то позволялось самим законом) до следующего месяца.

Воображая, как несчастный ученик тайными путями возвращается из дворца Каиафы в святое общество Иисусово, чтобы до времени играть в нем роль апостола, и представляя, с другой стороны, как трудно было, находясь так долго в непосредственной близости к Сыну Божьему, не сделаться добрым, не занять от Него Духа Божьего, – невольно приходишь в изумление и вопрошаешь с Церковью: *«Кий ты образ, Иудо, предателя Спасу содела? Еда от лика ты апостольска разлучи? Еда дарования исцелений лиши? Еда со онема вечеряв тебе от трапезы отрину? О, коли-ких благ не памятлив был еси!»*

Евангелисты единогласно изъясняют предательство Иуды внушением сатаны (Лк. 22:3). В самом деле, только сатана мог сделать из апостола предателя и сына погибели. Но что за польза

была ему, подумает кто-либо, научать Иуду к преданию Учителя, когда смертью Господа, затем последовавшей, до конца разрушены дела диавола вместе с его царством? Не значит ли это ковать на самого себя оружие, искать собственной гибели?.. Так! Но должно помнить, что тайна искупления рода человеческого смертью Сына Божьего была неведома духу тьмы. Под кровом этой тайны Премудрость Божья, посмевающаяся козням врага исконного, соделала то, что он в этом случае сам устроил свою гибель. Ему хотелось только положить конец нестерпимому для него действию проповеди и чудес Иисуса Христа, подобно тому как он доводил до мученической кончины пророков и недавно еще руками нечестивого Ирода запечатлел уста Иоанну Крестителю; но в этом случае вышло совершенно противное: смертью Сына Божьего, которая стоила стольких усилий врагу рода человеческого, нанесено ему решительное поражение, раз и навсегда ниспровергнута его держава греха и смерти.

Впрочем, евангелисты, указывая на сатану как на первого виновника предательства Иудина, не забывают и так называемых вторых причин, или естественных. Именно, св. Иоанн указывает, так сказать, на то отверстие (Ин. 12:6), сквозь которое этот древний змий вполз в душу несчастного апостола и неприметно опутал собой его ум и сердце. Это страсть к сребреникам, которая, издавна зародившись в душе, тлела во все время пребывания его с Иисусом, питаясь татьбой денег общественных, а теперь разгорелась в пламень совершенно адский, где, как в своем чертоге, сидел и царствовал сатана. Наконец, свв. Матфей и Марк (Мф. 26:1–16; Мк. 14:3–11), с намерением сблизив между собой два разновременных обстоятельства: вифанскую вечерю, на которой Иуда жалел о мире, и предательство последнего – дают проникательному читателю видеть, как диавол наложил последнюю петлю на душу сребролюбца, чтобы увлечь его за собой во ад. Сильно тронутый потерей прибýtка, который можно было – татьбой – получить из денег за продажу мира, и, может быть, огорченный упреком, который сделан по тому случаю Иисусом, сребролюбец в припадке страсти решился вознаградить мнимую потерю свою продажей Самого Учителя, Который бескорыстием и нищетой Своей становился ему со дня на день все в бóльшую тягость. *«Лют, – восклицает при этом случае св. Златоуст, – лют зверь есть сребролюбие; отсюда гробокопатели, отсюда мужеубийцы, отсюда рати и брани, и еже аще речеши всяко зло, отсюда есть».*

Более евангелисты ничего не говорят в объяснение поступка Иудина, хотя некоторые стороны его остаются неясными; и мы не

должны удивляться такому молчанию, вспомнив, как вообще евангелисты кратки в описаниях самых мрачных предметов и как тяжело им было говорить о таком тяжком и невозвратном падении своего собрата. Удивительнее, по замечанию Златоуста, самоотвержение их, что они «ничтоже сокрывают от мнящихся быти поносных. Мощно бы им рещи просто, яко предатель от учеников Его бе некто; ныне же прилагают, яко от дванадесяти бе, якобы глаголали, – первого лика, от изрядно избранных, с Петром и Иоанном бывших. Виждь, яко о едином им было тщание, о единой истине, да не сокрывают бываемых» (Бесед. 80 на Мф.).

Стороны же предательства Иудина, не совсем ясные, суть следующие: во-первых, как Иуда, говоря словами Златоуста же, *«чаяше удержати Иисуса, многажды видевый Его сквозе прошедша и не удержана бывша, и Божества Его и силы многа подавшаго указания?»* Во-вторых, предавая Учителя, почитал ли Иуда Его за Мессию, по крайней мере за великого пророка и праведника, или не почитал? Если почитал, то как предал? Если не почитал, то откуда в нем такое великое раскаяние после? Поскольку осуждение на смерть Иисуса так сильно поразило Иуду, то явно, что он не ожидал этого осуждения. Чего же ожидал? Добровольного признания Его синедрионом за Мессию? Но этого предполагать было невозможно. Чудесной победы Иисуса над первосвященниками? Но в таком случае с каким лицом явился бы предатель к Преданному?

Подобные соображения еще в древности привели некоторых учителей Церкви к мнению, что Иуда не желал и не ожидал смерти своего Учителя, предполагая, что Он найдет средство, естественное или сверхъестественное, избавиться от рук врагов Своих невредимо. В новейшие времена мнение это дополнено, развито и приложено ко всем подробностям события следующим образом.

Все ученики Иисуса Христа ожидали увидеть в Нем Царя над Израилем и быть первыми слугами в этом царстве; но Иуда, говорят, по своему своекорыстному нраву, более всех заботился об успехе дела своего Учителя и для того постоянно, со всем вниманием наблюдал за обстоятельствами, мнениями о Нем народа, поступками и замыслами Его врагов и проч. Теперь он ясно видел, что спор Учителя с синедрионом дошел до решительного перелома, и полагал, что перелом этот должен окончиться непременно в пользу его Учителя, если только последует во время праздника, при стечении многочисленного народа, так сильно расположенного к Иисусу Христу. С другой стороны, несчастный с горечью видел, что Учитель совершенно не собирается воспользоваться настоящим, крайне благоприятным стечением обстоятельств.

К большому огорчению, узнает он потом, что первосвященники единодушно составили хитрый план, чтобы окончательно погубить Иисуса после праздника. «Что делать? – думал хитрый корыстолюбец. – Если оставить идти дела так, как они идут, то нам всем не избежать гибели: последний благоприятный случай для нас будет упущен; и Искарйоту, как последнему преступнику, достанется, может быть, висеть на каком-либо кресте». – «Нет, – шептал диавол, – этому не бывать: доколе в обществе этих людей есть Иуда, первосвященникам не взять над нами верха. Они отложили гибель нашу до праздника; надо сделать именно противное тому: синедрион издал повеление, чтобы всякий, кто узнает, где Иисус, давал ему знать о том (Ин. 11:57). На что благовиднее предлога? Явлюсь к Каиафе с вызовом предать Иисуса при первом удобном случае: таким образом, слепая злоба их еще заплатит мне за собственную свою гибель. Точно гибель: я продам им – собственную их смерть! В какое волнение придет народ, узнав, что Мессия в узах! Чего не сделает он для ниспровержения нелюбимого синедриона и ненавистной претории! Учитель волей-неволей делается царем Израиля, а Искарйоту будет принадлежать честь быть первым виновником такого счастливого переворота. Итак – сотворим злая, да придут благая (Рим. 3:8). Примем на себя на время мрачное лицо предателя, чтоб после быть в царстве Мессии первым из апостолов. Подобного плана не выдумать ни Петру, ни Иоанну. Учитель, умеющий так хорошо ценить поступки, не замедлит отдать справедливость соображению столь глубокому и столь благоуспешному».

Так, говорят, следует думать о предательстве Иуды, потому что при этом только предположении становится понятным, как предатель мог удовольствоваться такой малой наградой; сребреники не были главной целью предательства; он бы согласился и на меньшее. При этом понимаем, говорят, и то, как Иуда вызвался сам предводительствовать стражей для взятия Иисуса, приветствовать Его дружеским приветствием и даже облобызать Его: поступок, который в противном случае мог быть только следствием самой отвратительной какой-либо личной злобы против Учителя, следов чего, однако же, в Иуде не видно. Понятно наконец, говорят, почему на Искарйота так сильно и в такую сторону подействовала весть об осуждении Учителя на смерть: он должен был скорбеть в этом случае сугубо – и за Учителя, и за себя самого, обманувшись так ужасно в своих расчетах. Люди с сильным характером в таких обстоятельствах обыкновенно обращаются к одному отчаянному средству: *patet exitus* (исход найден). При исполнении злохитрого и

несчастливого плана своего, – прибавляют, – предатель мог для успокоения себя опираться даже на великодушное снисхождение своего Учителя, по которому последний не обнаруживал его перед прочими учениками и не изгонял из Своего общества. Наконец слова: *еже творити, твори скоро* (Ин. 13:27), говорят, могли быть приняты Иудой за решительное одобрение его плана Учителем.

Что должна сказать о таких предположениях беспристрастная история? То, что это догадки, идущие, как мы заметили, еще из древности, приближающиеся некоторыми сторонами своими к правдоподобию, но не имеющие прочного исторического основания и в то же время сами собой сильно сокрушающиеся о некоторые прямые указания истории на противоположное тому, что предполагается. В самом деле, кого ни слушать в этом деле, все слышишь противное. Принять ли собственное признание предателя? Он говорит, что предал кровь неповинную (Мф. 27:4); но ни слова о том, что к преданию побудила его не алчность к деньгам, а желание скорее воцарить Учителя. Напротив, выражение: *согреших, предав кровь*, явно показывает, что в предании была прямая продажа этой бесценной крови. Будем ли слушать, как и должно, евангелистов? Они тоже ни слова об этом – тогда как указание на подобные причины и цель предательства, облегчая вину предателя, облегчили бы и их горе, когда всему миру стало известно о столь низком поступке прежнего собрата их. Обратимся ли с благоговением к свидетельству Самого преданного Богочеловека: что слышим? *Горе человеку тому, им же Сын Человеческий предается; добро бы было ему, аще бы не родился человек той* (Мф. 26:24).

За что такое страшное осуждение, если предательство имело такую незлобивую цель, как предполагается? В таком случае оно очень походило бы на так называемые набожные обманы веков средних и не заслуживало бы столь ужасного приговора. Размышляющий без труда может найти и другие причины оставаться при простом сказании евангелистов, которое, оставляя в тени подробности событий, проливает, однако же, довольно света на их сущность.

М. Д. Муретов Иуда предатель ^[73]

Никто же от них погибе, токмо сын погибели, да сбудется Писание.

Ин. 17:12

В то время как члены великого синедриона, решив во что бы то ни стало взять Иисуса и после праздника Пасхи предать Его смерти, были озабочены исполнением своего намерения, – один человек неожиданно изменил их план и ускорил развязку. То был Иуда, по прозванию Искариот, из числа двенадцати приближеннейших учеников Господа.

«Тогда, – как повествует ев. Матфей, – один из двенадцати, называемый Иуда Искариот, пошел к первосвященникам и сказал: что хотите дать мне, и я вам предам Его? Они же постановили ему тридцать сребренников. И с того времени искал удобного случая, чтобы Его предать» (Мф. 26:14–16).

Марк рассказывает факт в общем согласно с Матфеем; но в частности есть и некоторые особенности. «И пошел, говорит он, Иуда Искариот, один из двенадцати, к первосвященникам, чтобы Его предать им. Они же, услышав, обрадовались и обещали ему дать денег. И искал, как бы в удобное время предать Его» (Мк. 14:10–11). Марк не говорит, что сам Иуда, и притом прежде всего, потребовал от синедристов денежной награды: Иуда пошел к первосвященникам для того, чтобы предать Господа, деньги же были *обещаны Иуде первосвященниками*. Кроме того, Марк не указывает точно, какая сумма была обещана Иуде за его злодейство; он говорит вообще, что Иуде обещали дать денег.

Лука передает дело так: «Вошел сатана в Иуду, называемого Искариотом, бывшего из числа двенадцати. Он пошел и уговорился с первосвященниками и начальниками о том, как им предать Его. Они обрадовались и положили дать ему денег. И он согласился и искал удобного случая предать Его им без народа» (Лк. 22:3–6). Как и Марк, Лука не говорит, что сам Иуда наперед потребовал денежной награды; прямою и непосредственную целью его тайного появления пред священниками было – *предать Иисуса*; деньги же предложены Иуде *после уговора* о предании Господа, и Искариот только *согласился* их взять. Далее: если Матфей, по-видимому, указывает на сребреники как на главную причину поступка Иудина, а Марк вообще ничего не говорит о мотивах измены, то Лука, согласно с Иоанном (13:2, 27), прямо и выразительно указывает на сатану,

который вошел в Иуду. Наконец, согласно с Марком, Лука не указывает точно, сколько сребреников получил Иуда, но говорит вообще о денежной награде, данной предателю от синедриона.

Что же до Иоанна, то он совсем умалчивает об этих предварительных переговорах Иуды с синедрионом. Он упоминает только о последнем появлении Иуды пред первосвященниками за отрядом служителей, с которым предатель тотчас же отправился в Гефсиманскую рощу для взятия Иисуса (Ин. 13:26–30; 18:3). На этом основании некоторые критики отрицают достоверность синоптических известий, утверждая, что мысль и решение предать Иисуса впервые возникли в Иуде только на Тайной вечере. Но не говоря уже о том, что синоптические известия более соответствуют исторической естественности дела – и в четвертом Евангелии ясно предполагаются предварительные уговоры Иуды с синедрионом – ранее Тайной вечери. На это указывают слова Господа к Иуде: «что делаешь, делай скорее» (Ин. 13:27); то же самое приходится заключать из заметки, которою евангелист начинает описание Тайной вечери: «когда диавол уже вложил Иуде мысль предать Его» (Ин. 13:2); наконец, несвойственные Иоанну краткость и общность рассказа о предании Господа несомненно предполагают в читателях знакомство с более подробными синоптическими известиями об этом (ср. 18:3). <...>

Наши евангелисты говорят об Иуде вообще очень немного. Мы ничего не знаем: как, где и когда был призван он Иисусом. Несомненно только, что Господь отличил Иуду от массы других последователей Своих, избрав его в число довереннейших учеников Своих. У всех синоптиков имя Иуды Искариота стоит в списке двенадцати последним и с указанием на предательство. Последнее место Искариота в списке двенадцати объясняется частью его отпадением от общества учеников Господа, а частью тем, что он один не был связан ни с кем из апостолов ни местом родины, ни родством, ни занятиями, как другие двенадцать. Иоанн несколько раз упоминает об Иуде, но всегда только с указанием на совершенное Искариотом предательство. Так в 6:64 к словам Господа: «но есть из вас некоторые неверующие» – евангелист присоединяет замечание: «ибо Иисус знал сначала, кто суть неверующие и кто предаст его», – и далее в 70–71 ст.: «не двенадцать ли вас избрал Я? Но один из вас изменник (δίαβολος); это говорил Он об Иуде Искариоте, ибо сей имел предать Его, будучи один из двенадцати»; возражение по поводу траты драгоценной масти, по Иоанну (12:4), сделано было Иудею, причем евангелист замечает: «сказал же сие не потому, чтобы заботиться о нищих, но

потому, что был вор, и имел ящик, и опускаемое носил»; в 17:2 Господь называет Иуду «сыном погибели». Очень подробно евангелисты говорят об Иуде, когда описывают его измену. Известия о предварительных переговорах Иуды с синедрионом мы уже знаем: Мф. 26: 14–16; Мк. 14:10–11; Лк. 22:3–6. Далее, все евангелисты извещают, что Иуда участвовал на Тайной вечере; когда Господь сказал, что один из доверенных учеников Его – изменник, и когда каждый из возлежавших на вечере со страхом и недоумением спрашивал: не я ли, Господи, – предложил этот вопрос и Иуда. По известию Иоанна, Господь ясно указал на Иуду как на предателя только одному возлюбленному ученику Своему (Иоанну), возлежавшему на персях Господа (Мф. 26:21–25; Мк. 14:18–21; Лк. 22:21–23; Ин. 13:2, 18–19, 21–23); обмакнув кусок, Иисус подал его Иуде, после чего в Иуду вошел сатана; тогда Господь сказал Иуде: «что делаешь, делай скорее»; но, замечает евангелист, никто из возлежавших не понял, к чему Он это сказал ему, а как у Иуды был ящик, то некоторые подумали, что Иисус говорит ему: купи, что нам нужно к празднику, или чтобы дал что-нибудь нищим; приняв кусок, Иуда тотчас же вышел, а была ночь (Ин. 13: 26–30). С вечери Иуда прямо отправляется к первосвященникам, берет у них толпу вооруженных слуг и идет в Гефсиманскую рощу (Ин. 18:2–5). По условному сигналу, заключавшемуся в словах: «радуйся, равви» и поцелуе, слуги берут Иисуса и отводят Его к первосвященнику (Мф. 26:46–50; Мк. 14:42–46; Лк. 22:47–48; Ин. 18: 12–14). Наконец евангелист Матфей сообщает о раскаянии и самоубийстве Иуды. Когда связанного Иисуса – как повествует евангелист – и уже осужденного синедрионом на смерть отвели к прокуратору, тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осужден, и раскаявшись, возвратил тридцать сребреников первосвященникам и старейшинам, говоря: согрешил я, предав кровь невинную. Они же сказали ему: что нам до того? Смотри сам. И, бросив тридцать сребреников в храм, он удалился и ушедши удавился. На брошенные сребреники синедрион положил купить изрытую землю горшечника для погребения странников (Мф. 27:2–7). Лука в книге Деяний приводит речь апостола Петра, в которой сообщает некоторые дополнительные подробности относительно смерти Иуды: предатель низринулся, так что расселось чрево его и выпали внутренности (Деян. 1:18). В этом сказании книги Деяний некоторые находят противоречие со сказанием Матфея и на этом основании отрицают достоверность факта. Правда, глагол $\alpha\tau\eta\upsilon\chi\alpha\tau\omicron$ у Матфея означает: «повесился, удавился» (ср. у Гомера в Одиссее, у Геродота, у Ксенофонта); а $\tau\rho\eta\nu\eta\varsigma$ $\upsilon\epsilon\nu\omicron\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ в книге Деяний – «низринулся,

упал сверху вниз». Но нет никакой необходимости видеть здесь два различных предания о смерти Искарота, и тем менее отрицать достоверность самого факта. Сказания книги Деяний и Евангелия Матфея легко могут быть примирены двояким предположением: а) Иуда мог низринуться с высокого дерева, на котором совершено самоубийство посредством удушения, причем от сильного сотрясения могли рассечься чрево его и выпасть внутренности; б) выражение апостола Петра «низринулся» можно понимать в фигуральном значении, т. е. вообще погиб, пал; последнее предположение приобретает особенную вероятность ввиду того, что это выражение употреблено апостолом в речи, а не в историческом рассказе, и находит себе аналогию и параллель в непосредственно пред ним стоящем выражении «приобрел землю неправедною мздою». Сказание Папия, что Иуда был раздавлен колесницею, отличается мифологическим характером, как и некоторые другие апокрифические известия об Иуде.

По известию синоптиков, предварительные переговоры Иуды с первосвященниками происходили после того заседания синедриона, на котором было окончательно постановлено казнить Иисуса (Мф. 26:2–6 и парал.) и которое было за два дня до Пасхи, следовательно, *после 12-го или 13-го Нисана*, – и ранее того утра, когда Господь послал из Вифании двух учеников в Иерусалим для приготовления пасхальной вечери, следовательно, *ранее 13-го или 14-го Нисана*. Таким образом, переговоры Иуды с синедрионом о предании Господа могли происходить только в ночь: или между 12-м и 13-м Нисана, если последнюю вечерю Господа относить на 13-е Нисана, или же между 13-м и 14-м Нисана, если признать пасхальную вечерю, что вероятнее. На ночное время указывают Матфей и Марк, если рассказывают о предании вслед за вифанскою вечерею в доме Симона прокаженного. Правда, Иоанн ясно говорит, что эта вечеря была гораздо ранее, именно за шесть дней до Пасхи (12:1–8); и поэтому нужно полагать, что Матфей и Марк в данном случае следуют прагматическому, а не хронологическому порядку. Тем не менее непосредственная связь измены Иуды с вечерею в Вифании у обоих евангелистов дает видеть, что Иуда отправился в Иерусалим с предательскими намерениями именно после одной из вифанских вечерей, бывшей за день до Пасхи, т. е. в ночь, предшествующую Тайной вечере. Ночного мрака требовало и само дело. Иуда шел уговориться с первосвященниками о тайном захвате Иисуса, для этого требовалась крайняя осторожность; днем при многочисленном стечении народа в храме Иуду могли бы заметить входящим и

выходящим из первосвященнического дома – и тогда его коварный замысел остался бы без успеха.

По известиям Матфея и Марка, Иуда явился со своим предложением прямо к первосвященникам. Под этими последними всего естественнее разуместь первосвященника Каиафу и экс-первосвященника Анана. Но трудно понять, каким образом обыкновенный иудей из низкого сословия мог иметь такой легкий и скорый доступ и притом в столь неурочное время к верховным представителям еврейского народа. Кроме того, множественное число «архиереи», договор с Иудею, изменение первоначального приговора синедриона относительно казни Иисуса и пр. – все это дает видеть, что предложение Иуды обсуждалось не одними первосвященниками и притом домашним образом, но официально и если не всеми, то наиболее влиятельными членами великого синедриона. Как объяснить это экстренное собрание синедристов в ночное время? Разъяснение находим у евангелиста Луки в заметке, что Иуда явился к первосвященникам и *начальникам* – «стратегам». Что это за стратеги? В 52-м стихе той же главы они называются *στρατηγούς του ιεροῦ* – начальниками храма. В Деян. 4:1 *στρατηγούς* стоит рядом с *ιερείς*; в 5:24, 26 он представляется важным в иудейской администрации лицом, ему принадлежит судебная власть, в его распоряжении находятся слуги, он стоит в близкой связи с синедрионом; у Иосифа Флавия^[74] один стратег по имени Анан вместе с первосвященником Ананией отсылаются Кократом в Рим как самые знатные лица из иудеев. У того же писателя находим указание, что стратег был одним из первосвященников (т. е. из священников, которые были членами великого синедриона), ему принадлежит главный надзор за двором храма, он же имел у себя ключи от медных ворот храма^[75]. В Талмуде он называется «князем горы храма» (т. е. Сиона) и распоряжается храмовыми стражами. Но, кажется, и начальники каждой отдельной стражи назывались также *στρατηγούς* или *αρχοντες* (Деян. 16:20, 22, 38), и в этом значении всего естественнее принимать это название в рассматриваемом месте. Стратеги жили при храме – в особенных пристройках, точно так же, как и первосвященники и члены великого синедриона.

Итак, под прикрытием ночного мрака, когда Вифания покоилась мирным сном, Иуда, вероятно через Масличную гору, пробираясь в Иерусалим ко храму со своим коварным замыслом – тайно выдать Иисуса первосвященникам. В обычное время ворота храма, как внутренние, так и внешние, запирались после вечерней жертвы. Но на праздник Пасхи двор открывался для народа до полуночи. Без всяких затруднений предатель проник во двор храма и через

храмовую стражу мог потребовать свидания с первосвященником. Слуги, находившиеся в непосредственном ведении стратега, вероятно, доложили сначала своему начальнику, который не замедлил снестись с первосвященниками: дело было серьезное и неотложное. Так в короткое время могли собраться несколько членов синедриона и во главе с первосвященниками Каиафою и Ананом составить экстренное заседание. Иуда был потребован на аудиенцию. По известию Марка и Луки, радость осветила лица синедристов, когда они узнали цель тайного появления пред ними Иуды. И естественно: предложение Искарота как нельзя более согласовывалось с собственным планом синедристов и облегчало его исполнение, – при содействии Иуды достигалось самое главное и вместе самое трудное – взятие Иисуса без шума и свидетелей.

Уговорившись с Иудой относительно времени и места взятия Иисуса, синедристы – по Матфею – *постановили*, или, как у Луки, *согласно решили* выдать предателю денежную награду и притом, по известию Матфея, в количестве тридцати сребреников. Ввиду выражения Марка «*обещали* дать ему денег», нужно полагать, что в этом заседании синедриона было постановлено только выдать награду предателю, но сребреники получены были Иудой после – в ночь предания Господа.

Сребреник (*евр. sekel*) был первоначально единицею веса вообще и в частности серебра, также золота и других металлов; но впоследствии это название было присвоено серебряной монете, которая употреблялась у евреев времен Христа при сборе податей, в торговых операциях и других случаях как денежная единица – подобно английскому фунту или нашему рублю. Вес сикля, а равно и стоимость его изменялись в разные эпохи, поэтому можно сделать только приблизительное определение их. С древних времен у евреев различались два сикля, обыкновенный и священный, первый стоил вдвое менее второго. Сикль священный как чеканная серебряная монета был введен у евреев при Симоне около 143 года до Р. Х. (1 Мак. 15:6). Несколько экземпляров этой монеты сохранились до нашего времени; она имеет круглую форму с изображением пальмы, или чаши, или же расцветшего жезла – и надписью по-еврейски «Святой Иерусалим» и «сикль израилев». На позднейших экземплярах встречаются и греческие надписи. Приблизительный вес и стоимость сикля равняется 272 французским грамам. Из Мф. 27:6 с несомненностью открывается, что евангелист понимает священный сикль, а не полусикль обыкновенный. Таким образом, за свое злодейство Иуда получил около 90 франков, или 18–20 рублей серебром. Сумма эта в Ветхом Завете назначается за

раба, убитого волом (Исх. 20:32); у пр. Захарии 30 сребреников упоминаются в качестве презренной и ничтожной суммы, которую неблагодарный народ израильский оценивает попечение о нем Иеговы (Зах. 11:12, 13); у пр. Осии эту сумму определяет цена распутной женщины (Ос. 14:2); у раввинов она является, так сказать, специальной ценою каждого раба без различия пола и возраста.

Вообще оценка в 30 сребреников в глазах еврея времен Христа служила символом ничтожества и выражала презрение к тому, кто ею оценивался: это цена грошовая, рабская. Вероятно, какой-нибудь остроумный синедрист думал в этой презренной цене найти средство отмстить ничтожному галилеянину, державшему колебать высокий авторитет представителей еврейской книжности и учености. Этими 30 сиклями хотели выразить пренебрежение к лжемессии, как человеку, который стоит не более любого раба. Предатель, как извещает Лука, *согласился* и взял эти жалкие гроши – по каким побуждениям, увидим после... Но если злоехидная и спесивая ученость синедристов этими 30 сребрениками думала отомстить Иисусу, то Промысл нашел средство дать этой цене другое значение: именно в этой-то презренной сумме буквально исполнилось старинное пророчество Захарии о 30 сребрениках, коими неблагодарный народ оценил отеческое попечение о нем Иеговы: «И сказал им Иегова: если угодно вам, дайте Мне плату Мою; если же нет, не давайте. И они отвесили Мне в уплату тридцать сребреников. И сказал Господь (пророку): брось их в церковное хранилище... высокая цена, какую они оценили Меня!.. и взял я тридцать сребреников и бросил их в дом Господень для горшечника» (Зах. 11:12–13). Если за попечения о себе Отца неблагодарный Израиль платит рабскою ценою, то что же удивительного, если и Сын удостоивается только тридцати сребреников.

Внешняя или фактическая сторона евангельского рассказа об измене Иуды отличается летописною простотой и очевидною правдивостью. Несмотря на это, отрицание находит возможным заподозрить историческую достоверность этого рассказа и применить к нему излюбленную теорию мифа. Противоречия, как мы знаем – мнимые, между Матфеем и Лукою в сказаниях о смерти Иуды – некоторая неясность внутренних мотивов поступка Иуды, – невероятное зверство и неестественная бесчеловечность предателя по отношению к некогда любимому Учителю: на этих и других подобных основаниях Штраус и Фолькмар считают всю историю предания Господа Иудею не более как легендою, созданною воображением первых последователей Иисуса^[76]. В Иуде,

утверждает Штраус, первохристианская фантазия олицетворила весь иудейский народ, изменивший своему Мессии и предавший Его на распятие. В основе мифа – как о предании Господа за 30 сребреников, так и о раскаянии и смерти предателя, – по мнению Штрауса, лежат ветхозаветные прообразы и мессианские типы. Сюда относится прежде всего вышеприведенное пророчество Захарии о 30 сребрениках, коими Израиль ценит Иегову и которые Бог повелевает пророку бросить в храмовую сокровищницу для горшечника. Но главную роль в создании мифа играла, по Штраусу, личность некоего Ахитофела, упоминающегося в истории возмущений Авессаломом против Давида во 2-й книге Царств, главах 15–17. Несмотря на то что Ахитофел был приближенным и довереннейшим советником Давида, он изменяет своему повелителю и переходит на сторону бунтовщика (2 Цар. 15:1). Но когда Авессалом пренебрег однажды благоразумным советом Ахитофела, последний не мог вынести этого: с досады и отчаяния, сказано, он *пошел и удавился* (17:23). По образцу пророчества Захарии и истории Ахитофела первохристианская фантазия, по мнению Штрауса, создала миф об измене Иуды, о 30 сребрениках, храмовой сокровищнице, горшечном поле, раскаянии и смерти предателя. Впрочем, он склонен допустить, что поводом к такой мифизации мог послужить и сам Иуда и что в основе легенды есть историческое зерно. Вероятно, Иуда действительно предал своего Учителя из-за денег и потом скрылся, распустил молву о своем раскаянии и самоубийстве, чтобы этим избежать преследований со стороны фанатичных приверженцев Иисуса. Христианская фантазия облекла этот факт в мифическую форму, создав вероятную и подробную, хотя и никогда не бывавшую, историю. Фолькмар идет гораздо далее Штрауса. Он решительно утверждает, что весь рассказ об измене Иуды, как в общем, так и в частности, есть не более как фантастический вымысел первохристиан, не имеющий в своей основе ни малейшей доли правды. И прежде всего, по мнению Фолькмара, нужно предполагать в Иуде не сатанинскую только, но уже какую-то неестественную и зверскую натуру, чтобы объяснить его решимость за несколько жалких грошей предать любимого Учителя, в невинности которого он был убежден. Притом измена Иуды, по мнению Фолькмара, и для синедриона не могла иметь такого важного значения, какое придают ей евангелисты: для того, что сделал Иуда, было достаточно и простого сыщика, в каковых синедрион, конечно, не имел недостатка. Наконец, наш ученый критик старается подыскать и исторические основания для полного отрицания факта: так, Апокалипсис знает всех двенадцать, а не

одиннадцать апостолов, имена коих написаны на стене храма (Апок. 21:14). Апостол Павел в своих Посланиях везде говорит о двенадцати, а не об одиннадцати апостолах: он прямо утверждает даже, что *непосредственно по воскресении, следовательно до избрания Матфия на место Иуды, Иисус явился двенадцати апостолам* (1 Кор. 15:5); вообще, Павел ничего не знает об измене и отпадении одного из двенадцати. Очевидно, заключает Фолькмар, сага об Иуде измышлена христианами с тою целью, чтоб устранить и отвратить первоначальных членов церкви от измены христианству и перехода в иудейство. Лука, приверженец партии Павла, первый воспользовался этой сагою для того, чтобы очистить в списке двенадцати место апостолу языков.

Таковы фантазии Штрауса и Фолькмара. Для опровержения их достаточно указать на следующие основания: а) Параллели из Ветхого Завета никоим образом не могут служить критерием мифического характера новозаветных рассказов. Совпадения и аналогии между событиями всегда возможны, и мы встречаем их нередко в жизни и истории. Так, например, в параллель тридцати сребреникам Газе указывает на 30 серебряных мин, коими была оценена жизнь Сократа. Тем более, возможно, было в Ветхом Завете *пророчество* о 30 сребрениках. Что же до Ахитофела, то сходство его судьбы с историей Иуды самое общее, внешнее и чисто случайное. Об Ахитофеле сказано, что он пошел и удавился; но разве того же самого нельзя сказать о всяком, кто решается на подобное самоубийство? Притом Ахитофел изображается во 2-й книге Царств совсем не таким, каким Иуда в Евангелиях: советы Ахитофела принимались с уважением и считались за советы самого Бога (2 Цар. 16:23; 17:1, 14); Ахитофел, далее, не получил за свою измену никакой денежной награды; он, наконец, только оставил Давида и перешел на сторону Авессалома, но не имел умысла коварно выдать Давида врагам. б) Сага об отпадении Иуды не могла явиться среди приверженцев Павла с целью дать этому апостолу место в списке двенадцати. Сам Павел нигде в своих Посланиях не претендует на титул одного из двенадцати; напротив того, он всегда резко отличает себя от них (напр., Гал. 2 и др.).

Далее, Лука, который будто бы первый воспользовался этою сагою, чтобы очистить Павлу место между двенадцатью, прямо и решительно исключает апостола языков из числа двенадцати; он рассказывает в книге Деяний об избрании на место отпавшего Иуды некоего Матфия, причем необходимым условием для сопричисления к лику двенадцати ставит непосредственное и личное знакомство с жизнью и учением Господа, на что Павел,

конечно, не мог претендовать (Деян. 1:21–22). в) Если Апокалипсис в гл. 21, ст. 14 знает не одиннадцать, а двенадцать апостолов, коих имена сияют на стене храма как драгоценные камни, то не следует забывать, что Апокалипсис написан уже после избрания двенадцатого апостола на место отпавшего Иуды. г) Апостол Павел в своих Посланиях, правда, не упоминает прямо об измене Иуды. Но ведь этот апостол и вообще сообщает очень мало рассказов из жизни Господа. Далее, в 1 Кор. 15:5, апостол говорит, что по воскресении Господь явился не одиннадцати, как этого требовала бы историческая точность, а к двенадцати ученикам. Но в данном случае апостол употребляет название «двенадцать» как технический термин или специальный титул приближенных учеников Господа, в отличие от апостолов в дальнейшем смысле. Название это, конечно, могло сохранять свое значение и быть употребляемо в том случае, когда полного числа двенадцати не было в наличности. Аналогичное явление находим в книге Деяний: диакон Филипп называется одним из семи (21:8), когда Стефана уже не было в живых; точно так же апостол Павел в 59 году употребляет термин «двенадцать», хотя Иаков старший уже в 54 году потерпел мученическую кончину. Наконец, в Посланиях Павла есть прямой намек на предание Иисуса Иудею, – именно в словах 1 Кор. 11:23: «в ту ночь, в которую был предан Господь». Выражение «предан» нельзя относить к Богу, ибо Иисус был предан или оставлен Богом не ночью, но днем – на кресте; естественнее поэтому разуметь здесь ночь предания Господа Иудею.

д) Возражение Фолькмара, что измена Иуды не могла иметь для синедристов важного значения, не заслуживает внимания. Существенного значения в судьбе Иисуса злодейство Иуды, конечно, иметь не могло; хитрые и могущественные первосвященники и помимо Иуды нашли бы средства к осуществлению своего плана. Но не следует упускать из виду, что при стечении громадного числа пилигримов в Иерусалиме и его окрестностях для синедриона было весьма важно знать местопребывание Иисуса. Во всяком случае, содействие Иуды освобождало синедрион от лишних хлопот и вело к цели скорее и вернее. е) Кроме того, против мифического происхождения рассматриваемого рассказа говорят следующие соображения.

Во-первых, непонятным представляется: каким образом фантазия самих христиан могла бы создать такой миф, который позорным пятном ложится на одного из выдающихся учеников Господа, если бы факта не было на деле? Евангелие Матфея явилось еще при жизни апостолов и очевидцев евангельской истории: как могли они

допустить такую постыдную хулу на своего собрата? Нужно заметить при этом, что поступок Иуды уже в первое время христианства вызывал глумление над христианами со стороны язычников и иудеев: так, уже Цельс, ввиду этого факта, считал нравы любой разбойничьей шайки нравственно чище христианских^[77]. Во-вторых, измена одного из двенадцати апостолов могла в глазах первохристиан бросать некоторую тень подозрения и на нравственное достоинство самого Иисуса: этот факт было трудно помирить со всеведением Иисуса, Его человеколюбием, глубинным знанием человеческих сердец и властной силою перерождать испорченные натуры в нравственные и добрые. Эту трудность, по-видимому, сознают и сами евангелисты, если для объяснения загадочного факта ссылаются то на божественное предопределение и пророчество, то на предвидение Господа (Ин. 17:12; Мф. 27:9–10 и др.): заметно, что этот печальный эпизод евангельской истории был проблемой для самих евангелистов и трудно укладывался в сознании первохристиан. Ввиду указанных соображений нельзя предположить, чтобы измена Иуды могла сделаться предметом религиозно-поэтического творчества первоначальных последователей Христа, а тем менее она могла быть вымыслом первохристианской фантазии; скорее можно бы ожидать противоположного – для первых последователей Христа было легче забыть этот тяжелый эпизод, чем измыслить позорную хулу на одного из приближеннейших учеников Господа. ж) Наконец, мы имеем и положительное доказательство исторической достоверности рассматриваемого факта, а именно – в заметке Матфея и Луки, что место, купленное на деньги предания, называется *землею крови* с того времени и до сего дня (Мф. 27:8; Деян. 1:19). Такое название не могло бы явиться и утвердиться в народном языке, если бы оно не было связано с действительным событием.

Но если мы имеем все данные считать евангельский рассказ безусловно достоверным, то, с другой стороны, нельзя не сознаться, что по своей внутренней или психологической стороне измена Иуды представляется одною из не довольно ясных страниц евангельской истории. В самом деле, Иуда был избран Иисусом в число двенадцати приближеннейших и довереннейших учеников: безусловно он имел сначала веру в Иисуса далеко незаурядную, иначе Господь не отличил бы его в массе Своих последователей; предатель настолько имел веры, любви и самоотвержения, что, как и другие двенадцать, решился оставить родину и следовать за Иисусом; он, без сомнения, был неоднократным свидетелем необычайных дел Господа, знал Его беспредельную любовь к людям

и нравственное величие; вместе с другими апостолами участвовал в первоначальной проповеди Евангелия и, быть может, сам творил чудеса; вообще Иуда имел в себе задатки быть истинным апостолом, так как в противном случае было бы непонятно его избрание в число двенадцати: каким, спрашивается, образом такой человек мог сделаться изменником и предателем своего Учителя? Какие внутренние и сокровенные мотивы двигали Иудой? Чем объяснить его быстрое раскаяние и притом столь сильное, что он решается даже покончить с собою? Эти вопросы представляют одну из труднейших проблем новозаветной экзегезы. Рассмотрим различные, выработанные доселе наукою решения их и предложим то, какое кажется нам наиболее вероятным и сообразным с делом.

1) Наименьшею состоятельностью и наибольшею фантастичностью отличается предположение, что Иуда действовал под влиянием честолюбивых фантазий из эгоистических целей.

Известно, что в самом начале почти все апостолы, самоотверженно последовав за Иисусом, надеялись с лихвой вознаградить себя за эти лишения в то время, когда Господь откроет обещанное царство и Сам займет славный трон Давида. Они питали надежду, что лучшие места в этом царстве достанутся им – двенадцати, как приближеннейшим ученикам Господа. Ввиду этого ожидавшегося прославления Иисуса ученики гадали промеж себя: кому из них достанутся самые видные и почетные места в царстве Мессии, кто будет сидеть ближе всех к царскому трону по правую и левую стороны Мессии (Мф. 20:20–28; Лк. 22:24–27 и др.). Первыми кандидатами на эти места в глазах учеников были, конечно, Петр и два сына Зеведея – Иаков и Иоанн: этих троих Господь видимо отличал от прочих из двенадцати, удостоивал их особенного доверия и делал свидетелями наиболее важных минут Своей жизни (Мф. 17:1; Мк. 5:37). Такие гадания вызывали в обществе учеников Христовых иногда маленькие размолвки и взаимные препирательства: когда Соломия попросила однажды у Иисуса для своих сыновей первых мест в мессианском царстве, то эта наивная просьба вызвала сильный ропот и негодование у остальных учеников.

Лелеял эти мечты и Иуда; и ему, как сыновьям Зеведея, конечно, хотелось занять лучшее место в царстве Мессии; поэтому и он завидовал тому предпочтению, какое Учитель явно оказывал Петру и сыновьям Зеведея. Чтобы достигнуть цели и перебить привилегию у этих любимцев Иисуса, Иуда придумал такое средство, которое должно было сразу выдвинуть его из ряда остальных учеников. По прибытии из Ефраимской пустыни в Иерусалим Иуда узнал здесь, что

синедрион решил взять Иисуса тайно и после праздника предать Его смерти. Искарriot, конечно, понимал слабость синедриона; он видел увлечение толпы, еще так недавно встречавшей галилейского пророка с царскими почестями. Тогда, для достижения своих честолюбивых замыслов, Иуда составляет смелый и решительный план – предать Иисуса Его врагам. Народ, так думалось Иуде, конечно, не позволит синедриону казнить любимого пророка; напротив, взятие Иисуса только ускорит развязку; преданная Пророку толпа разгонит ненавистный синедрион, истребит преторскую стражу и провозгласит Иисуса своим Царем-Мессиею. Мог при этом Иуда рассчитывать и на чудотворную силу, которую, по мнению Иуды, Христос волей-неволей должен бы был употребить, чтобы избежать казни, – чем еще более ускорил бы Свое восшествие на мессианский престол.

В таких-то надеждах Искарriot решается на время принять на себя личину предателя. В глухую полночь он таинственно является к первосвященникам и предлагает им свои услуги. Чтобы лучше замаскировать хитрость, Иуда притворяется сребролюбцем, требует денежной награды, торгуется с синедрионом. Своим предложением – выдать Иисуса тайно – Иуда рассчитывал перехитрить хитрых синедристов; соблазн для них был слишком велик, чтобы они отказались воспользоваться услугами Искарriота; поэтому свой хотя и медленный, но верный план, по которому Христос должен был бы взят после праздника и казнен без народа, они переменили на другой, более быстрый, но и более рискованный – казнить Иисуса во время праздника в виду многочисленной толпы пилигримов. Может быть, предатель мог уверить первосвященников, что их опасения за народ слишком преувеличены, – что толпа не так сильно увлечена пророком, как то воображает синедрион, что даже в самом обществе Иисусовом и Его ближайших учеников нет полного единодушия и беззаветной преданности Учителю. Может быть, также синедристы нашли для себя поощрительный пример в недавней казни любимого народного пророка Иоанна Крестителя, которого Ирод Антипа обезглавил без всяких демонстраций со стороны народа. Как бы то ни было, но, во всяком случае, предложение Иуды было принято: синедрион решился тайно взять Иисуса во время праздника и подвергнуть его публичной казни. Но в этом-то и заключалась, так сказать, душа всего замысла Иудина: Искарriоту думалось, что он предает синедриону его же собственную гибель; как только синедристы решатся на насилие по отношению к Иисусу, народ, как казалось Иуде, поднимет бунт и провозгласит Христа Царем Израильским. За такую услугу Иуда надеялся получить

от Иисуса отменную награду: все апостолы должны будут уступить Иуде первое место в мессианском царстве, он делается первым советником Мессии. В словах Господа, сказанных на Тайной вечере: «Что делаешь, делай скорей» (Ин. 13: 27), – предатель мог видеть поощрение своему замыслу: поэтому, не медля ни минуты, он идет к первосвященникам и выдает им Иисуса. Но как, по-видимому, ни предусмотрителен и ни надежен был этот план, ему не суждено было сбыться. Толпа, на которую так рассчитывал Искарriot, с холодным равнодушием приняла весть о взятии Иисуса, – сам Иисус не совершил при этом никакого чуда, – многие, под влиянием возбужденного праздничными торжествами религиозного фанатизма и приверженности к Моисееву культу, даже требовали распятия Галилейского пророка, думавшего преобразовать этот культ. При подобных обстоятельствах натуры сильные и характеры могучие прибегают к одному средству – *patet exitus*, – смерть самый обыкновенный исход из такого положения. К этому средству прибег и Иуда. Узнав, что Иисус осужден на смертную казнь и что первосвященническая партия взяла верх, что сам народ требовал распятия Иисуса, что пред учениками Иисуса Иуда должен оказаться гнусным извергом и низким изменником, – Иуда предается полному отчаянию и налагает на себя руки.

Так думают объяснить историю предания Господа Иудею многие из древних и новых толкователей^[78]. Но для опровержения этой гипотезы достаточно указать только на то, что она не имеет за собой решительно ни одного положительного основания в наших Евангелиях: вся она от начала до конца построена на совершенно произвольных догадках и фантастических комбинациях^[79]; кроме того, против этой гипотезы говорят следующие основания: а) Если вначале ученики и могли рассчитывать на внешнюю славу царства Христова, то в конце общественного служения Господа, особенно пред последнею Пасхою, Иуде, как и другим апостолам, трудно было питать эти надежды. К этому времени Христос уже ясно и часто стал говорить ученикам о Своих страданиях и смерти, о гонении на Его последователей и пр. б) Если бы поступок Иуды был делом только простого недоразумения и печальной ошибки, то Христос, без сомнения, вовремя предупредил бы апостола и остановил бы его от исполнения нелепого плана, который при этом должен был так печально окончиться для Иуды.

в) Сам Христос прямо называет Иуду *изменником* (δίαβολος): такое название было бы несправедливо и неточно, если бы Иуда имел, в сущности, добрую цель и действовал из фанатической преданности к мессианскому делу.

2) Иные указывают на сатану как на виновника действий Иуды во время предания. Во исполнение божественного предопределения и ветхозаветных пророчеств Иуда, полагают, был только орудием в руках диавола. Основание находят в словах Иоанна (13:2): «и во время вечера, когда *диавол уже вложил в сердце Иуды предать Его*», и в ст. 27: «после сего куска *вошел в него сатана*»; также у Луки (23:3): «*вошел сатана в Иуду*».

Частнее эта гипотеза может быть развиваема в двойной форме. Можно предполагать, что сатана управлял Иудой без свободного самоопределения последнего. Искарот действовал автоматически, подобно сомнамбуле, как слепое и бессознательное орудие диавола. Но развивать гипотезу именно в такой форме не позволяют следующие соображения: а) этому предположению противоречит сильное и тяжкое раскаяние Иуды, доведшее предателя даже до самоубийства, раскаяние, которое, по крайней мере в такой сильной степени, не могло бы овладеть Искаротом, если бы он не ведал, что творил; б) пред синедрионом Иуда обвиняет себя самого, не указывая на сатану: «согрешил я, – говорит он, – предав кровь невинную»; в) Христос, указывая на то, что Он должен быть предан одним из Своих учеников, обвиняет при этом не сатану, а человека: «горе человеку тому, которым Сын Человеческий предается, лучше бы человеку этому не родиться»; также Иоанн, упоминая о сатане, в то же время говорит, что диавол вложил в *сердце Иуды мысль о предании Господа*; таким образом, в деле предания участвовали собственные сознание и воля Иуды. Ввиду сделанных замечаний влияние сатаны на Иуду должно быть понимаемо в том смысле, в каком диавол служит виновником и коренною причиною всякого вообще зла в мире. Сатана мог действовать на Иуду только при том условии, если в самом предателе была восприимлемость к злым внушениям сатаны, т. е. если сам Иуда внутри себя обладал предрасположениями к гнусной измене. Если же так, то спрашивается, что это за внутренние предрасположения, которые открывали в сердце Иуды доступ сатанинской мысли предать Господа? Таким образом, вопрос о мотивах предания остается открытым.

3) По обыкновенному и общепринятому предположению, ближайшим и главным мотивом измены Иуды было *сребролюбие*.

Этот недуг, предполагают, заправлял всю душевную жизнь Иуды и был развит в нем так сильно, что в угоду этой низкой страсти Искарот пожертвовал своим любимым Учителем. Основание находят в известии синоптиков и книги Деяний, что за свое

злодейство предатель получил от синедриона денежную награду, и в записке Иоанна, что Иуда носил общественную кассу и был вор.

Но есть весьма веские основания и против этого предположения.

Те экзегеты, которые, претендуя на научную объективность, отрицают богодухновенность Писания или же ограничивают ее одной только нравственно-догматической стороной, считают себя вправе видеть в сказаниях синоптиков и Иоанна только субъективные догадки самих евангелистов.

Переговоры Иуды с синедрионом, конечно, были окружены величайшей тайной; ни один апостол поэтому не мог знать, требовал ли Иуда и сколько получил он денег за свою измену? Не мог и Иоанн знать того, что Иуда был вор: это только субъективное предположение самого евангелиста. Таким образом, рассматриваемые показания евангелистов суть только лично им принадлежащие объяснения загадочного факта, с которым можно и не соглашаться.

Мы, конечно, далеки от подобных гаданий и нимало не можем сомневаться в верности евангельских показаний. Мы безусловно должны признать, что за свою измену Иуда получил 30 сребреников, и любовь к серебру, этот отличительный недуг как древнейших, так и новейших евреев, играла не последнюю роль в злодействе Иуды. Но мы не можем согласиться, что этот мотив был *главным и руководительным* в поступке Искарота. Утверждаем это на основании следующих данных. а) Уже сами евангелисты очевидно не придают сребролюбию Иуды первенствующего значения, если прямо и ясно указывают на сатану как на главного виновника предания и мысль Иуды о предании Господа связывают с *вшестьем* в него дьявола. б) Из рассказа синоптиков об уговоре Иуды с синедрионом не видно, чтобы предатель ставил на первом плане сребреники. Так, Матфей хотя и говорит, что, явившись к первосвященникам, Иуда начал речь с вопроса о денежной награде, но тот же самый евангелист извещает, что предатель безо всяких возражений соглашается на ту небольшую сумму, какую ему назначает сам синедрион. Марк, писавший свое Евангелие после Матфея и, вероятно, дополнявший и разъяснявший сообщения своего предшественника, не говорит, чтобы Иуда требовал себе от синедриона денежной награды;

Иуда только предлагает первосвященникам предать Иисуса, за что уже сами синедристы обещают предателю денежное вознаграждение. Точно так же и по известию Луки Иуда не требовал сам денег, сребреники были предложены ему синедрионом. Ввиду таких, вероятно преднамеренных, разъяснений со стороны Марка и

Луки мы должны и сказание Матфея понимать в духе этих разъяснений, т. е. что сребролюбие не было главной причиной измены Иуды. Что же до Иоанна, то он совсем ничего не говорит о денежной сделке Иуды с синедрионом; уже только косвенным путем можно заключать о ней на основании замечания евангелиста, что Иуда носил денежный ящик и был вор. Но некоторые критики считают 6-й ст. 12-й гл. за позднейшую глоссу: этой заметки нет в некоторых рукописях; притом она сделана, кажется, не совсем удачно, ибо на возражение Иуды Христос отвечает не в единственной, а во множественной форме. Далее, по известию синоптиков, это возражение было сделано не одним Иудой, но всеми апостолами. Наконец, если бы возражение Иуды было сделано по таким низким побуждениям, то неужели Христос ограничился бы столь ласковым и снисходительным ответом? Если же эта заметка и подлинна, что гораздо вероятнее, то во всяком случае она свидетельствует только о равнодушии Иуды к золотому кумиру, но отнюдь не дает ни малейшего повода заключать, что сребреники были главным мотивом измены Иуды; напротив, сам Иоанн прямо и выразительно указывает на сатану, который вошел в Иуду и вложил в его сердце мысль о предании, как на главного виновника гнусного злодеяния Иуды.

в) Иуда получил за свою измену 30 сребреников: неужели предатель ограничился бы такими жалкими грошами, если бы действовал под главным влиянием страсти к деньгам? Синедрион, без сомнения, не пожалел бы храмовой казны за такую услугу, и Иуда не мог этого не знать. Притом такую незначительную сумму Иуда мог бы безнаказанно взять из находившейся в его распоряжении общественной кассы. Наконец, трудно предположить, чтобы сребролюбец, оставив все, мог последовать за Сыном Человеческим, Который не имел где главы преклонить. Тем менее могла развиться в Иуде эта страсть после вступления его в общество учеников Иисуса, которые жили частью делами рук своих и частью благотворением других.

г) Что золотой кумир не играл главной роли в измене Иуды, это показывает также и дальнейшая судьба предателя. Сребреники были получены, предатель достиг цели и удовлетворил свою страсть: чего же более? Однако же, когда Иуда узнает об осуждении Иисуса на смерть, он совсем теряет голову; раскаяние доводит его до полного отчаяния; явившись к первосвященникам, он с презрением бросает им их сребреники, уходит и налагает на себя руки. Все это такие черты, которые не свойственны сребролюбцу и бессердечному поклоннику золотого кумира; в них открывается

прямой, сильный и трагический характер; здесь виден человек, который не боится выдать себя головою, для которого не только серебро, но и самая жизнь нипочем, который не страшится не только иерусалимских властей, но самой смерти.

д) Наконец – и это главное: в минуты предания продолжал ли Иуда верить в Иисуса как Мессию, пророка и чудотворца, или же этой веры в предателе не было? Если первое, то решительно нет никакой возможности объяснить ни самую измену Иуды вообще, ни дерзкое поведение его на Тайной вечере и в Гефсиманской роще. Мог ли пошлый скупец с такою наглою дерзостью вопрошать «не я ли, Господи» Того, Кому были доступны даже самые интимные тайны человеческого сердца? Неужели жалкий поклонник золотого кумира осмелился бы на коварный поцелуй и дерзкое приветствие, если бы он верил, что Иисус может воскрешать мертвых, укрощать бури, изгонять бесов? Ввиду той самоуверенности и дерзости, с какими ведет себя Иуда на Тайной вечере и в Гефсиманской роще, необходимо признать, что в эти минуты предатель утратил всякую веру в Иисуса, потерял страх, любовь и уважение к Нему; вообще из последователя и ученика сделался врагом и противником Иисуса. А если так, то спрашивается снова, что довело предателя до такого состояния? Чем объяснить это наглое презрение, эту беспредельную вражду, это дерзкое лицемерие и бесстрашное поведение по отношению к Тому, в Кого предатель прежде верил, Кого он раньше любил и уважал.

Итак, за сребролюбием Иуды, во всяком случае, должен был скрываться другой, более глубокий и сильный мотив. Полное разочарование в Иисусе, утрата веры, любви и уважения к Нему, вообще глубокий нравственный перелом во внутреннем настроении Иуды по отношению к некогда любимому и уважаемому Учителю: вот что, по нашему мнению, было главной основой злодейства Иудина и апостола сделало диаволом.

Рассмотрим ближе те условия, при которых мог совершиться в Иуде такой радикальный и решительный переворот.

В каждом действии человека нужно различать две стороны: *субъективную*, т. е. внутренние предрасположения, характер и темперамент субъекта действующего, и *объективную*, т. е. внешние впечатления, побуждающие человека к совершению известного действия. Применяя эти правила к данному случаю, мы должны, таким образом, рассмотреть: во-первых, склад внутренней жизни Иуды, его характер, вообще субъективные предрасположения его к совершению предания; во-вторых, те объективные условия, которые

извне могли воздействовать на сознание и волю Иуды и увлечь его к гнусному поступку.

Душевный склад, или внутренняя природа, Иуды уже довольно заметно сказывается в самой истории его измены и последовавшего затем раскаяния. Всматриваясь ближе в евангельский рассказ, мы не можем не отметить в нем двух особенностей, весьма важных для уяснения характера Иуды вообще и в частности душевного состояния его во время предания и после.

Прежде всего останавливают на себе внимание то кажущееся спокойствие и та холодная обдуманность, с какими Иуда осуществляет свой гнусный замысел. Весь план измены задуман очень верно и исполнен с удивительною последовательностью. Договорившись с синедрионом насчет тайной выдачи Иисуса, предатель со спокойной совестью возвращается в Вифанию, в интимный кружок ближайших учеников Господа, с наглым лицемерием разыгрывает роль прежнего преданного ученика Его, в качестве такового принимает участие в Тайной вечере, вслед за другими учениками с притворною наивностью и изумлением предлагает вопрос Иисусу: *не я ли, Господи*, и до последней минуты носит на себе личину доверенного казначея и эконома общества. Удалившись затем с вечера, предатель в глухую полночь снова идет в Иерусалим к первосвященникам, берет у них отряд вооруженных слуг и является в Гефсиманской роще на месте уединенной молитвы Господа. Здесь, очевидно по наперед обдуманному плану, предатель сначала приветствует своего Учителя обычным: «радуйся, Равви», а потом дает Ему последний, предательский поцелуй, который служит для стражи сигналом к взятию Иисуса. Эти черты измены, рассказанные нашими евангелистами, по обыкновению, просто и кратко, открывают в характере Иуды какое-то могучее величие, хотя и мрачно направленное в отрицательную сторону, спокойствие тут доходит до тупой бессердечности, смелость до отчаянной дерзости, лицемерие до невероятной наглости. Мы не видим в Иуде ни малейшего колебания, ни тени сострадания; трогательные, полные глубокой грусти намеки Иисуса на Тайной вечере нисколько не колеблют решимости Иуды на гнусный поступок; предатель остается бесстрашным даже пред чудотворною силою Иисуса; с наглою дерзостью и холодным презрением идет он против Того, Кто властно распоряжался смертью, бурями и бесами. Начиная с первого предложения синедриону выдать тайно Иисуса и кончая последним предательским поцелуем в Гефсиманской роще Иуда исполняет свой адский замысел спокойно, обдуманно, смело и быстро; во всем поведении предателя видна могучая личность, хотя

и сбросившая с себя все оковы любви, уважения, страха, веры и сострадания; Иуда действует, по-видимому, как воплощенный гений зла без всяких признаков человечности, с демоническим спокойствием и сатанинской логичностью.

Таким, по-видимому, представляется Иуда в истории предания. И если бы мы не имели о предателе никаких других сведений, мы должны были бы отнести его к числу тех тупых и бессердечных натур, из которых образуются отъявленные негодяи всех родов, тех нравственных чудищ, в которых человеческие чувства не способны возбуждаться ни слезами, ни кровью гибнущих под их руками жертв. К радости, мы не можем этого сделать частью уже ввиду прежней жизни предателя. Припомним, что он был избран в число приближеннейших и довереннейших учеников Господа, следовательно, он обладал в себе задатками истинного апостола; в продолжение трех лет он самоотверженно следовал за Христом по городам и весям, не имея где главы преклонить; наряду с другими апостолами был проповедником Евангелия, верил в мессианское достоинство Иисуса, знал Его за великого чудотворца и пророка и, без сомнения, питал к Нему далеко не заурядную любовь и преданность, иначе он не был бы отличен Господом от массы Его последователей. Мы решительно отказываемся признать, чтобы человек, которому предназначалось служение апостольское, мог быть таким закоренелым извергом и бездушным злодеем, каким, по-видимому, является Иуда в истории предания Господа. Но еще сильнее в пользу предателя говорит его последующая судьба – его раскаяние и смерть. Несмотря на все видимое спокойствие, обдуманность и последовательность поведения Иуды во время предания, в нем, однако же, наступает невероятно быстрая и чрезвычайно сильная реакция. Около полуночи Иуда с видимым спокойствием и наглою дерзостью отдает некогда любимому Учителю предательский поцелуй, а в половине следующего дня предатель уже испытывает все ужасы безнадежного раскаяния и полного отчаяния. Примечательны здесь именно та быстрота и сила, с какими одно настроение сменяется в душе Иуды другим, совершенно противоположным. Этот холодный на вид, бессердечный и систематический злодей теперь совсем теряет голову: сознание гнусности своего поступка, мысль о невинно преданной крови некогда любимого Учителя, чувство неправоты своего дела теперь с такою силою гнетут дух предателя, что доводят его до самоубийства. Это смелое появление перед синедристами с целью возвратить им жалкие гроши, это открытое и безусловное признание невинности Иисуса, эти полные глубокого трагизма слова:

«согреших, предав кровь невинную» – все дает нам видеть, что мы имеем дело не с одной из тех тупых нравственных организаций, коими обладают закаленные во зле изверги, способные к систематическому и хладнокровному исполнению жестоких злодеяний. Напротив, поведение Иуды после предания открывает, что совершенное им злодеяние не вытекало, так сказать, органически из самого существа его духовно-нравственной природы, но скорее было делом ложного увлечения и временного заблуждения, за которые Искарот должен был поплатиться собственной головой.

Итак, если спокойствие, обдуманность и последовательность поведения Иуды во время предания не дают нам права видеть в предателе опытного и бессердечного злодея, то можно объяснить это поведение совершенно иным предположением. Психологи, художники, поэты и другие аналитики человеческого духа уже давно подметили тот факт, что в самые серьезные и критические минуты жизни, когда душевное и нервное напряжение человека достигает наисильнейшей степени, некоторые особы обнаруживают удивительное спокойствие и чрезвычайную последовательность в действиях: биографии великих полководцев, смелых путешественников, ловких бандитов наполнены примерами подобного рода. Такой видимый контраст между внешним поведением и внутренним состоянием, т. е. спокойная последовательность во внешних действиях при чрезмерном внутреннем возбуждении, объясняется односторонним направлением психической жизни человека в подобные минуты: одна мысль, одно какое-либо чувство в такие минуты развиваются до колоссальных размеров, теснят из сознания все другие мысли и чувства и овладевают всем существом человека. Тогда человек мыслит необычайно быстро и ясно, действует решительно и смело, как бы по вдохновению, известная мысль или чувство, подобно гению, руководит тогда действиями человека, которые хотя иногда и представляются несколько автоматическими, но всегда отличаются необыкновенною логичностью в известном (одностороннем) направлении. На языке психологии такое состояние называется идеей фикс, на языке физиологии – нервозностью; к такому состоянию бывают более склонны особы с болезненно-раздражительным темпераментом и взвинченною нервной системой.

Что Искарот обладал нервно-раздражительным темпераментом, что он принадлежал к числу людей, способных быстро и сильно аффектироваться до болезненного состояния идеи фикс, –

некоторый, хотя, правда, и не вполне ясный, намек на это находим в одном очень древнем апокрифическом «Евангелии детства Иисуса». В том месте, так рассказывает апокриф, где жила Богоматерь с младенцем Иисусом, находилась одна женщина, у которой сын был подвержен припадкам беснования. Припадки состояли в том, что дитя бросалось на всех, кто приближался к нему, и кусало их зубами; когда же никого вблизи не было, бесноватый грыз собственные руки и другие члены. Услышав о чудотворной силе Иисуса, мать несчастного дитяти однажды отправилась с ним к Богоматери Марии в надежде исцелить бесноватого. В это время братья Господа – Иаков и Иосия – увели из дома божественного младенца для того, чтобы Он играл с другими детьми: выйдя из дома, она села и с ними Господь Иисус. Подходит и бесноватый мальчик и садится по правую сторону Иисуса; подвергшись обычному припадку, бесноватый попытался было укунить божественного младенца, но не мог; впрочем, он ударил Иисуса в правый бок так сильно, что младенец начал плакать. Но в это время сатана оставил бесноватого, выбежав из него в виде бешеной собаки. «Мальчик же этот, – так заканчивается рассказ, – который ударил Иисуса и из которого бес выбежал в виде бешеной собаки, был Иуда Искариот, который предал Его иудеям; и в тот самый бок, в который Иуда ударил Его, иудеи вонзили копье». Если снять с этого рассказа очевидную мифическую оболочку, то мы найдем в нем довольно ясное указание на то, что предатель в своем детстве страдал болезнью, которая зависела от особого рода действия злого духа на телесный организм и преимущественно на нервную систему.

С годами болезненные припадки, как это обычно бывает в нервных страданиях, вероятно, повторялись гораздо реже и в слабейшей степени, а со времени избрания Иуды Господом в число апостолов они по действию чудотворной силы Иисуса, должно быть, и совсем прекратились. Но следы болезни и предрасположение к ней, т. е. чрезмерная нервозность и болезненная тревога, не исчезли окончательно. Так, кажется, нужно думать ввиду известия евангелистов, что две ночи подряд Иуда отлучался из Вифании – в ночь уговора с синедрионом и в ночь предания Иисуса.

Примечательно здесь не то, что Иуда отлучается от общества в столь неурочное время, – а то, что эти странные отлучки ночные ни в ком не возбуждают ни тени подозрения или недоумения. Значит, эти ночные прогулки Иуды и прежде повторялись нередко, так что товарищи уже привыкли к ним как явлению обыкновенному. Итак, Иуда любил уединяться по ночам; в непроглядном мраке и мертвой тишине ночи он, быть может, искал успокоения своей обостренной

чувствительности. Это и естественно: бесноватые, как известно, любили дикие пустыри, мрачные подземелья, уединенные кладбища: все невралгики ищут уединения и избегают внешних возбуждений. С другой стороны, недаром же Лука и Иоанн намерение Иуды предать Господа ставят в причинную связь с непосредственным влиянием на него сатаны. Если держаться обычного словоупотребления евангелистов, то выражения: «вошел сатана в Иуду, диавол вложил в сердце Иуды» (Лк. 22:3; Ин. 13:2, 27) – будут означать, что Иуда подвергся такому влиянию сатаны, которое выразилось в болезненных припадках беснования различных родов и степеней. Не желают ли евангелисты этими замечаниями указать на то, что психофизическое состояние Иуды во время предания Господа наводило апостолов на мысль о возвращении к нему припадков прежней болезни? Нельзя, наконец, обойти вниманием указание ев. Иоанна, что замечание по поводу траты драгоценных масел одною женщиной на вечере в доме Симона прокаженного было сделано Иудой: Искарот делает Иисусу резкие возражения и вздорные замечания, свидетельствующие о сильной взволнованности и нервной возбужденности Иуды в это время.

Указывая на некоторые особенности темперамента Иуды, мы пытаемся этим уяснить только субъективные условия совершенного Искаротом поступка: нервная и болезненно-беспокойная натура Иуды допускала возможность одностороннего увлечения идеей фикс; страшная мысль о предании Учителя и наступившая потом сильная реакция могли увлечь Иуду к быстрым и решительным действиям. Но это только одна сторона дела. Должно было и ввне существовать нечто, что влияло на сознание и волю Иуды, – что открыло в сердце Иуды доступ сатанинской мысли предать Господа и что заставило потом предателя быстро раскаяться в своем поступке и лишиться себя жизни.

Эти внешние условия измены Иуды могли отчасти скрываться уже в тех особенных отношениях, в каких стоял предатель к другим двенадцати. Не без основания некоторые ученые предполагают существование скрытой антипатии между Иудою и другими апостолами, по крайней мере сыновьями Зеведея. Этому предположению, по-видимому, способствует сравнение тех отзывов, какие дают об Иуде наши синоптики и сам Иисус, с одной стороны, и Иоанн – с другой. Первые три евангелиста относятся к Иуде довольно хладнокровно, без заметных субъективных нерасположений, совершенно объективно рассказывая об измене Иуды; точно так же и сам Господь говорит о предателе скорее с

некоторым сожалением, чем с негодованием; напротив, Иоанн всегда высказывается о нем с явною ненавистью – каждый раз он старается показать, что уже и до измены Иуда обладал испорченной натурой, – прямо называет его вором, дьяволом, – вообще старается отметить Иуду как изверга и злодея. Эти, дышащие нескрываемым нерасположением к Иуде, постоянные намеки евангелиста заставляют некоторых предполагать о существовании взаимной антипатии между сыновьями Зеведея и Искарриотом еще до предания Господа. Мы, конечно, не склонны преувеличивать эту антипатию, но очень может быть, что чистая и всецело преданная Иисусу натура Богослова уже и ранее инстинктивно предчувствовала в Иуде будущего изменника, и потому, быть может, Иоанн невольно и бессознательно с самого начала питал отвращение к этому человеку. Такую же антипатию мог питать и Искарриот к сыновьям Зеведея – сыны света не любят тьмы, и люди тьмы ненавидят свет.

Личная антипатия к Искарриоту сыновей Зеведея, стоявших со своею матерью во главе галилейских последователей Иисуса, в большей или меньшей мере могла сообщаться и другим апостолам. Следы такого общего нерасположения к Иуде со стороны учеников Иисуса заметны уже в самом прозвании его Искарриотом, которое дано было Иуде Симонову, вероятно, в отличие от другого апостола с тем же именем – Иуды Иаковлева, прозванного Леввеем. В переводе «Леввей» означает: душа человек, сердечный, милый; напротив, название Искарриот хотя и дано Иуде по месту его рождения, но собственное имя города легко могло получить и нарицательное значение (в контраст прозванию Леввей) – человек противный, муж вражды или противления.

Это предположение приобретает особенную вероятность ввиду известия Папия, что Иуда Искарриот отличался раздражительным и строптивым характером, а древние евреи, как известно, были большие мастера на остроумные сближения и аллегорические мидраши в собственных именах.

Этот контраст в прозвании двух апостолов с одним именем не может ли служить некоторым отголоском существовавшей в обществе Иисуса антипатии к Иуде предателю? Нельзя ли объяснить эти прозвания желанием противопоставить Иуду Леввею – апостола сердечного и задушевного – Иуде Искарриоту – человеку с раздражительным, угрюмым и строптивым характером?.. Как бы то ни было, во всяком случае прозвание Иуды Иаковлева Леввеем не могло быть по сердцу мрачному и подозрительному Искарриоту и не вызывать в нем некоторого нерасположения к прочим апостолам. Кроме того, как кассира и эконома общества Иуду могли

подозревать, по крайней мере сыновья Зеведея, в утайке общественной казны и пользовании ею: такова неприятная участь всех экономов. Косвенно и намеками высказывавшиеся Иуде эти подозрения тем сильнее должны были раздражать его, что они не были вполне безосновательны и Иуда не был на самом деле равнодушен к золотому тельцу. Наконец, между тем как все другие апостолы были связаны между собою или ремеслом, или землячеством, или же родством, – один Иуда был пришельцем из нелюбимой галилеянами страны – Иудеи: невольно, быть может, сказывались в отношениях между Иудою и прочими апостолами их взаимные национальные антипатии, издавна существовавшие между жителями Иудеи и Галилеи. Все это, очевидно, не могло крепко привязать Иуду к обществу галилейских рыбаков: если Иуду не особенно любили здесь, то и сам Иуда не мог питать большой привязанности к людям, коих обычный круг занятий и симпатий был чужд Искарриоту.

Впрочем, эта взаимная антипатия между галилейскими рыбаками и Искарриотом могла только содействовать измене Иуды, но не обуславливать ее в качестве непосредственной и главной причины. Совершая свой предательский подвиг, Иуда действовал не против апостолов, а непосредственно и прямо против Иисуса. Следовательно, должно было быть нечто и в самом Иисусе, что вооружило против Него Иуду. Что же это?

Прямой и ясный ответ на этот вопрос дает нам сам предатель в словах, сказанных им первосвященникам после осуждения Иисуса на смерть: «согреших, сказал он, предав кровь неповинную»^[80].

Стало быть, когда Искарриот предавал своего Учителя, он полагал, что предает кровь повинную, человека, достойного смертной казни. Измена Иуды, таким образом, основывалась на глубоком разочаровании предателя в личности Иисуса. Это дышащее какой-то ледяною ненавистью к Иисусу поведение Искарриота во время предания, это до бесчеловечной жестокости доходящее «радуйся, Равви», этот лицемерный и хладнокровный предательский поцелуй – все это легко и естественно объясняется тем, что в нравственном настроении Иуды по отношению к Иисусу совершился сильный и радикальный переворот, – что прежняя любовь к Учителю перешла теперь в ученике в сильную ненависть и глубокое уважение сменилось холодным презрением и враждою.

Судя по естественному положению дел, такой глубокий и решительный перелом во внутренней природе Иуды мог совершиться под влиянием двух условий.

Первое – это разочарование предателя в мессианском назначении Иисуса и Его божественном посланничестве, утрата в предателе веры в Господа как Мессию и пророка. Вступая в общество последователей Иисуса, Иуда, как отчасти и другие апостолы, питал себя радужными надеждами на блестящее будущее; его дух был наполнен честолюбивыми и грубочувственными мечтами о славном царстве, которое пришел основать Христос. Такие мечты и надежды долгое время поддерживались в Иуде могучим величием нравственного характера Иисуса, Его смелою и сильною речью против безнравственных ханжей и лицемеров, стоявших во главе нации, – а еще более – Его необычайными и многочисленными чудесами. В надежде с лихвою вознаградить себя в будущем Иуда решился порвать связи с родиной, семьею, со всем, что дорого сердцу каждого человека в этой жизни, и самоотверженно последовал за Христом. Но, не имея сил отрешиться от этих вместе с молоком материнским усвоенных каждым евреем мессианских надежд и в то же время не будучи в состоянии оценить всю нравственную высоту того мессианского идеала, какой осуществлял в Своем лице Иисус, – Иуда, подобно многим другим последователям Христа, в конце Его общественного служения должен быть сильно разочароваться в своих ожиданиях.

После трехлетнего бездомного скитания по городам и весям, со всякими лишениями и тяжкими испытаниями, когда для Иисуса, по-видимому, уже наступал час явить Себя миру во всем величии Мессии и со славою вступить на царский трон Своего предка Давида, что встречает Иуда? Враги теперь совсем утратили страх перед Иисусом и почти не скрывали своего решения – взять и казнить Иисуса, – и только излишняя, как оказалось, осторожность и боязнь пред Римом за беспорядки, которые могли быть произведены приверженцами Иисуса, заставили синедрион замедлить с исполнением приговора. Народ более любопытствует относительно окончательного исхода дела, чем негодует на синедрион; он уже не льнет к Иисусу, но всецело увлечен приготовлениями к предстоявшему великому празднеству, – недавняя демонстрация в пользу Иисуса, как оказалось на деле, была только минутною вспышкой толпы, в сущности остававшеюся равнодушною к галилейскому пророку; шумные и восторженные возгласы «осанна, сын Давидов» уже готовы были смениться буйными криками «распни, распни Его».

А сам Иисус? Вместо царского венца Он теперь особенно часто и настойчиво говорит в печальном тоне о необходимости Своей смерти и неизбежности предстоящей кровавой развязки начавшейся

драмы. Вместо чувственных наград Он уже не скрывает теперь и ясно пророчит Своим последователям, что их ждут тяжкие испытания, гонения и даже смерть. Правда, при этом Христос говорит о вечном небесном блаженстве изгнанных за имя Его, о последнем суде над миром, о новой земле и новом небе, о всеобщем воскресении и будущем прославлении Сына Человеческого. Но Искарриота, как и большинство тогдашних евреев, менее всего могли удовлетворить такие обещания; мечты о заоблачной славе и загробном блаженстве, при сильной привязанности тогдашнего еврея к благам земным, должны были казаться Иуде пустыми химерами ввиду того серьезного положения дел, в каком они находились в действительности. Могучее слово Иисуса теперь, по-видимому, также утратило свою власть и силу;

Его грозная речь уже не разит врагов и не увлекает народ, проповедь Христа о религии чистой и духовной, о низвержении чувственных культов иудейского, самарянского и языческого и замене их поклонением единому небесному Отцу в духе и истине – оказалась, по-видимому, совсем бесполезною для толпы, теперь всецело отдавшейся торжественным приготовлениям к пасхальной вечере. Ослабела, по-видимому, и чудотворная сила Иисуса: за всю последнюю неделю Он не совершил ни одного значительного чуда и даже намеренно уклоняется от этого, когда иерусалимские священники и книжники потребовали от Него доказательств Его мессианской власти. Мало того, проповедник новой религии, пророчивший падение иерусалимского священства и так смело разивший книжников, теперь Сам, по-видимому, испытывает страх перед Своими врагами: в продолжение целой недели Он не решается пробыть ни одной ночи в Иерусалиме, но скрывается у вифанских друзей и прячется в диких чащах Масличной горы.

Наконец, и самый нравственный характер Иисуса в глазах ослепленного Иуды мог теперь утратить свое прежнее величие и обаяние: этот проповедник братства и любви, советовавший Своим последователям продать имения и раздать нищим, теперь не только допускает, но и открыто одобряет значительную трату денег на бесполезные масти; не понимая всего глубочайшего символизма этого действия, Иуда не узнает в Иисусе прежнего защитника нищих и голодных и строгого обличителя безумной роскоши богачей. Итак, галилеянин Иисус не есть Мессия и обещанный Израилю царь, – Он, следовательно, есть лжемессия и лжепророк: вот какая мысль могла явиться в омраченном сознании Иуды под влиянием действий и речей Господа в последнюю неделю. Как лжемессия Христос по закону повинен смерти, – Он, следовательно, должен быть выдан в

руки правосудия и получить достойную казнь: вот решение, к какому вела волю Иуды эта мысль.

Вторым условием нравственного перелома в Иуде могло быть пробудившееся в нем перед праздником Пасхи уважение к иерусалимскому культу и наместникам Моисеева седалища. Величественное здание иерусалимского храма, с его великолепным мрамором, роскошными пристройками и драгоценностями всякого рода; торжественные звуки вдохновенных гимнов, распевавшихся среди священных зданий благоговейными левитами; ручьями струившаяся во дворе храма кровь многочисленных жертв, приносившихся благочестивыми израильтянами; длинные вереницы священников и левитов, с благоговением совершавших полные глубокого символизма священнодействия; миллионная толпа собравшихся со всех концов света пилигримов, до фанатизма преданных древнему завету Иеговы, – все это неотразимо действовало на дух каждого еврея и невольно подогревало религиозные и национальные чувства верных сынов Израиля. В эти священные и торжественные минуты благоговейного приготовления к празднику праздников, установленному в память избавления евреев от египетского рабства и в знамение особенного благоволения Иеговы к народу еврейскому, Израиль более чем когда-либо сознавал свое исключительное предызбрание Иеговою из среды других народов, свою великую роль в истории человечества, и с тем большею силою проникался он национальным и религиозным восторгом и благоговейною благодарностию к Богу отцов своих. Все это, вероятно, понимал и переживал и сам Искарот. Он видел, что все дорогие сердцу каждого еврея святыни находятся в руках первосвященников, им послушна вся миллионная толпа ликующего народа, за ними готова следовать вся нация. Ввиду этого Иисус с двенадцатью галилейскими рыбаками, проповедующий новую религию и пророчащий ниспровержение иерусалимского культа, но в то же время сам укрывающийся от Своих преследователей и предсказывающий Себе и ученикам Своим мучения и смерть, не мог ли Он показаться разочарованному Иуде простым мечтателем о невозможном?..

Иуда был еврей: насколько сильна была привязанность к иерусалимскому культу в евреях того времени, можно судить уже по тому одному, что даже прочие апостолы и христиане, хотя и проповедовали в теории богопоклонение духовное и универсальное, до самого разрушения Иерусалима, были не в силах отказаться от посещения храма и исполнения положенных законом Моисея священнодействий. Иуда притом был не из Галилеи, где

влияние фарисеизма было не очень сильно, но из самого центра иудаизма – из Иудеи, где родилась и развилась главная оппозиция идеям назаретского проповедника о новом Израиле и Новом Завете. Как уроженец Кериот, из мест, недалеко отстоявших от Иерусалима, Иуда, по обычаю всех евреев, без сомнения уже с раннего детства нередко посещал храм иерусалимский в торжественные праздники; может быть, теперь в сознании Искарота с особенною силою выступили эти светлые воспоминания и отрадные впечатления детства; может быть, Иуда имел какие-либо особенные связи в Иерусалиме; может быть, он встретился здесь с покинутыми, но все-таки дорогими сердцу людьми... Кто знает? Весьма вероятно только, что в эти священные минуты всеобщего религиозного восторга, национального ликования и благоговейного приготовления к величайшему из установленных Моисеем священнодействий Иуда с особенною силою мог почувствовать свою измену древнему завету Иеговы с народом еврейским и свое отторжение от заветных чаяний всей нации... Как бы то ни было, но во внутреннем настроении Иуды в это время совершился сильный и решительный перелом. Мы знаем, что подобный же кризис в большей или меньшей мере должны были пережить все апостолы; и нужно изумляться и благоговеть перед божественным величием и нравственною мощью Христа за то, что в этой нравственной ломке и страшной внутренней борьбе ветхого человека с новым никто не погиб, за исключением только одного сына погибели.

Это и понятно. Сердце Иуды не было открыто для того внутреннего и таинственного влечения Отца к Сыну, которое поддерживало искру веры и любви к Иисусу в других апостолах. Иуда любил только свои собственные национально-эгоистические иллюзии; поэтому, когда эти иллюзии рассеялись, в сердце Искарота не осталось никаких внутренних связей с Учителем. Иуда не мог, подобно Петру, вопрошать с наивным недоумением: «Господи, к кому идти мне?» – потому что Христос не был для Иуды сыном Бога живого, имеющим глаголы вечной жизни; мессианский идеал Иуды совпадал с национально-иудейским, поэтому, когда с точки зрения этого идеала Иисус оказался лжемессией, Иуде открыта была одна дорога – в Иерусалим, к первосвященникам и старцам иудейским. В этом отношении Иуда может служить типическим выразителем общего национально-иудейского неверия в Иисуса. Хитрые и скептические фарисеи, вопрошавшие Иисуса: «чем это докажешь?»; галилейские последователи Иисуса, восклицавшие: «что за странные речи!»; дикая толпа народа, неистово кричавшая: «распни, распни Его!»; предложение Иуды:

«что дадите мне, и я вам предам Его» – все это в сущности одно и то же предательство Господа Израилем, только в разных формах; от простого сомнения в Иисусе до предания Его на распятие был только один шаг.

И этот шаг едва ли кто другой мог сделать так быстро и решительно, как Искарот. Нелюбимый обществом Иисуса и сам недолюбливавший его, угрюмый и нелюдимый апостол ни с кем не мог поделиться своими сомнениями и не знал, кому раскрыть свои сердечные тревоги и мрачные подозрения; подобные характеры не имеют друзей и осуждены единолично выносить на себе всю тяжесть душевных бурь. Под влиянием всеобщего национального и религиозного восторга миллионной толпы, с одной стороны, и ввиду осторожных действий Иисуса в последние дни и Его печальных предсказаний, с другой, Иуда, как мы знаем, мог прийти к мысли, что Иисус – лжемессия и что истина на стороне Его врагов. Зародившаяся сначала, быть может, в виде маленького сомнения и темного вопроса, эта мысль в разгоряченном мозгу Иуды быстро развивается до размеров идеи фикс, односторонне аффектирует сознание и волю предателя, охватывает все внутреннее существо его. Уединение благоприятствует образованию и развитию идеи фикс: один в ночной тишине и непроглядном мраке остается Иуда со своими страшными думами; мрачное сомнение овладевает им всецело и безусловно. «Иисус – лжемессия, я сам богоотступник, я изменил нации и поправил завет Иеговы, нужно загладить свое преступление; как лжемессия Иисус повинен смерти, скорее предать этого лжемессию первосвященникам и тем искупить свой грех»: такие и подобные мысли теснятся в сознании Иуды и влекут его к предательскому подвигу. Ни о чем другом не думает теперь взволнованный ум Иуды, ничего другого не жаждет встревоженное сердце его, лишь бы поскорее, до светлого праздника, воротиться в покинутую религию и умилоствовать Иегову; эта мысль гонит Иуду в Иерусалим к первосвященникам с предложением выдать им воображаемого лжемессию. Иуде предлагают 30 сребреников с заднею, как мы знаем, мыслью насмеяться этою рабскою ценой над назаретским реформатором; Иуда без возражений берет сребреники, не помышляя о том, что эти гроши послужат уликою его низкой страсти. В другое время и при других обстоятельствах равнодушный к мамоне Иуда, вероятно, не удовольствовался бы такою ничтожною суммой; но теперь было не до того, теперь у него были только одна мысль, одно желание – выдать лжепророка и тем восстановить порванную связь с теократическим народом. Эта мысль, подобно гению, руководит Иудой, поддерживает и

вдохновляет его во все время предания. Это спокойное поведение предателя во время Тайной вечери и после, это жестокое приветствие в Гефсиманской роще некогда любимого Учителя, наконец, этот холодный и предательский поцелуй – все это вполне понятно и естественно в Иуде: предатель видит теперь в Иисусе своего смертельного врага, обманывавшего его в продолжение трех лет, заставившего его порвать другие связи и сделаться богоотступником и изменником нации; Иуда теперь мстил Иисусу за свои иллюзии, мстил сознательно, жестоко и отчаянно, как человек, убежденный в правоте своего дела.

Так объясняется поведение Иуды во время предания. Нетрудно объяснить и последующее поведение его.

Без сомнения, Искарriot интересовался судебным процессом над Иисусом. Весьма вероятно даже, что предатель лично присутствовал на этом суде, по желанию синедриона: в крайнем случае первосвященники могли воспользоваться свидетельством Иуды как лица, близко стоявшего к Иисусу; может быть также, выставляя напоказ измену и раскаяние одного из двенадцати, хитрый первосвященник рассчитывал этим бросить некоторую неблагоприятную тень на Иисуса и тем ослабить в толпе веру в Него. Как бы то ни было, во всяком случае несомненно, что Иуда следил за судом над Иисусом и знал окончательный приговор. Судебный процесс в иерусалимском синедрионе отличался большой гуманностью, он был обставлен многочисленными формальностями, которые почти все клонились в пользу подсудимого; смертная казнь почти совсем не практиковалась; требовалось не менее трех или по крайней мере двух вполне достоверных свидетелей; после смертного приговора назначался сорокадневный срок, в продолжение которого каждый мог задержать казнь, если заявлял синедриону, что имеет что-либо в пользу осужденного. Но, в высшей степени строгий, добросовестный и гуманный в других случаях, синедрион действовал теперь совсем иначе. Иуда не мог не заметить того притворного лицемерия, с каким синедристы вели себя во время суда, те недобросовестные и бесчестные уловки и софизмы, к каким эти украшенные сединами еврейские заправители прибегали для того, чтобы осудить Иисуса. На формальный и торжественный зов суда, как известно, не явилось ни одного добросовестного и достоверного свидетеля. Выступили потом какие-то две подозрительные личности, вероятно желавшие подслужиться первосвященникам, которые сослались на слова Иисуса, что Он имеет власть разрушить храм иерусалимский и в три дня опять построить его – обвинение темное, ничтожное, софистическое, даже

в одном только формальном отношении показавшееся неудовлетворительным самому предубежденному и уже заранее предрешившему дело синедриону. Тогда хитрый первосвященник привязывается к двум-трем словам, которые Христос сказал уже во время самого суда, и вопреки закону заменяет ими отсутствие постороннего свидетельства. Должен был видеть Иуда и то наглое паясничание старого саддукея, когда сей неистово рвал на себе одежды, якобы вследствие возмущения неслыханным богохульством со стороны Иисуса.

Поистине этот суд отличался наглым попранием всех почти юридических формальностей; сам синедрион исполнил роль и судии, и обвинителя, и свидетеля; никакого правильного и серьезного разбирательства дела не было; обвиняемого осудили на смертную казнь без достаточных законных улик, по одной только личной вражде к Нему самих судей; осужденному не позволяли даже воспользоваться правом сорокадневной отсрочки казни, как это практиковалось в отношении ко всем подвергшимся смертному приговору. Предатель, конечно, не мог не видеть всего этого: эти повапленные гробы, солидные на вид и жалкие внутри иерархи иерусалимские в судебном процессе над Иисусом показали свой нравственный облик во всей неприглядной наготы. Публичный процесс у римского прокуратора еще более раскрыл предателю глаза^[81]. Лично незаинтересованный в деле и потому более беспристрастный язычник оказался честнее и гуманнее иудейских архиереев, открыто заявив, что не находит в Иисусе никакой вины и требует от обвинителей более веских оснований. Что ж обвинители? Вместо доказательств они прибегают к нечестной интриге, волнуют чернь, научают ее требовать крови Иисуса; зная трусость и малодушие Пилата, устрашают его народным бунтом, ответственностью пред Римом, доносом к кесарю и пр. В довершение всех зол эти ханжи и лицемеры не задумываясь публично отрекаются пред язычниками от своего царя-Мессии и раболепно признают единственного повелителя над собою – кесаря. Иуда понял теперь вполне, с кем он имеет дело и в какие руки предал он своего Учителя. Изменяя Иисусу и предавая Его, Иуда действовал во имя национального идеала Мессии. И что же? Здесь, в присутствии многочисленной толпы язычников и иудеев, верховные правители иудейской нации сами отрекаются от своего национального царя и открыто признают себя подданными кесаря. Ясно стало для Иуды, что иудейские первосвященники и синедристы были, в сущности, равнодушными людьми, для которых религия служила только средством к интриге, которые действовали не во

имя каких-либо принципов и убеждений, но руководились только личными и мелкими страстишками... Разочарование полное и безусловное – вот чем должен был закончиться для Иуды судебный процесс над Иисусом у Пилата! Правда, предатель не верил уже более в мессианство Иисуса, но он потерял доверие и к иерусалимскому синедриону. Утрата веры в Иисуса окончилась для Иуды потерей всякой вообще веры и религии. Это и понятно: вне христианства нет религии, изменник Иисусу должен сделаться нигилистом.

Но если Иуда разочаровался в мессианском достоинстве Иисуса и утратил религиозную веру в Него, то не мог потерять он уважения и симпатии к Нему как к человеку и Учителю. Во время суда взор предателя по временам устремлялся на Того, Кто благодаря его измене сделался невинною жертвой первосвященнической интриги. Некогда грозный для фарисеев, Иисус стоял теперь безответным пред своими жестокими судьями, как агнец пред стригущими его; Он был кроток и покоен, ибо знал, что такова воля Его небесного Отца, что в невинной крови Его сокрыт для человечества зародыш новой жизни. Теперь в сознании Иуды восстал некогда очаровавший его образ назаретского Учителя; быть может, предателю припомнились дивные, дышавшие беспредельною любовью к человечеству и отличавшиеся безукоризненною нравственной чистотой поучения Иисуса среди галилейских рыбаков и поселян, может быть, Иуда припомнил любовное попечение о нем со стороны Иисуса, когда другие члены общества искоса поглядывали на будущего изменника, те кроткие и задушевные речи, коими Господь, наверное, не раз успокаивал мятежный дух Искарриота; может быть, в памяти Искарриота с особенною живостью всплыли недавние, полные любви и сострадания к изменнику, предостережения Господа на Тайной вечере, эти чуждые всякой злости и гнева намеки Иисуса на то, что Он знает страшный замысел Иуды; быть может, в ушах предателя еще звучали последние слова Господа, сказанные в самый решительный момент злодейского подвига Иуды, после предательского поцелуя, это полное любви, кроткое и трогательное обращение к Иуде: «лобзанием ли предаешь Сына Человеческого?»... За отсутствием исторических данных трудно, хотя бы и желательно, восстановить до мельчайших подробностей тот психологический процесс, какой переживал предатель во время суда над Иисусом в синедрионе и у Пилата. Несомненно одно: что этот суд окончился для Иуды полным разочарованием в справедливости иерусалимских иерархов, с одной стороны, и полным убеждением в невинности Иисуса – с другой. Говоря это, мы не утверждаем, что

Иуда снова уверовал в Иисуса как Мессию. Мессианский идеал Иуды всецело совпадал с национально-иудейским. Пока предатель верил в этот идеал, Иисус казался ему лжемессией, повинным смерти. Но когда на суде у Пилата выяснилось для Иуды, что этому идеалу не веруют сами верховные заправители иудейского народа, когда, следовательно, Иуда потерял всякую веру в Мессию и великую будущность еврейской нации, тогда и Иисус должен был оказаться в глазах Иуды не заслуживающим не только смерти, но и никакой казни. Понятие лжемессии предполагает представление об истинном Мессии; если этого последнего нет, то не может иметь место и обвинение в лжемессианстве. Таким образом, с потерей религиозной веры и мессианского идеала в душе Иуды восстал образ Иисуса как достойнейшего человека, превосходного учителя и великого праведника; с чисто человеческой и гуманистической точки зрения, осужденный на смертную казнь Иисус не мог не казаться Искарриоту невинною жертвою первосвященнической интриги.

Реакция в таких нервных и взволнованных натурах, какую обладал Искарриот, может наступать столь же быстро и сильно, как и увлечение. Сребреники теперь стали для Иуды тяжелым бременем; чтобы освободиться от него, Иуда снова идет к архиереям и старцам с намерением возратить деньги туда, откуда они были взяты. Быть может, у предателя оставалась еще смутная надежда на то, что старцы разъяснят ему сомнение, успокоят его мятежное сердце... Но бессердечным интриганам теперь было так же мало дела до Иуды, как и до Иисуса: их план увенчался полным успехом. Поэтому на полные глубокого трагизма и безнадежного отчаяния слова Иуды: «согрешил, предав кровь неповинную», ему с каким-то циничным равнодушием отвечают: «Что нам до этого.

Смотри сам!» Какой контраст любящему, кроткому, всегда готовому прийти на помощь к труждающимся и обремененным Иисусу!.. Такой холодный прием у первосвященника еще более усилил пламя, которое жгло сердце Иуды: предатель снова впадает в состояние болезненной возбужденности, его сознанием опять овладевает одна страшная мысль, что он выдал невинного и превосходнейшего человека каким-то бессердечным и тупым интриганом, для которых религия служит только средством для достижения эгоистических целей. Под гнетом этой страшной мысли Иуда не в состоянии был припомнить, что преданный им Праведник учил Своих последователей любить ненавидящих их и благословлять делающих им зло. Теперь одна и только одна эта дума овладевает Иудой, что он – предатель невинной крови. Такой быстрой и сильной внутренней ломки не смогла вынести натура Искарриота: полное

разочарование в мессианском идеале, раскаянье, стыд, досада, отчаяние жгли сердце Иуды, и только смерть могла погасить этот страшный внутренний огонь. Бросив сребреники в храме, Иуда, как человек утративший, так сказать, внутреннюю основу своей духовно-нравственной жизни, лишившийся всего, чем жил доселе, потерявший честь, достоинство человеческое, веру и религию, *пошел и удавился*.

Итак, Иуда, по нашему мнению, погиб вследствие своего чрезмерно нервного темперамента, с одной стороны, и полного разочарования в мессианском идеале – с другой. Предатель был одною из многочисленных жертв национально-иудейской утопии политического мессии. В этом отношении Иуда может служить типичным выразителем той внутренней борьбы ветхого человека с новым, в котором погибло все вообще иудейство. Поэтому Штраус и Фолькмар отчасти правы, когда в личности предателя видят идеального представителя всего Израиля как нации и народной единицы. Они впадают в софизм только тем, что считают идеальный элемент в личности предателя противоисторическим, как будто бы история не может быть столько же идеальной, как и миф. Если смотреть с этой высшей, идеально-исторической точки зрения на евангельские известия об измене и раскаянии Иуды, то вся история предания Господа теряет тот несколько случайный оттенок, какой получает он при предположении, что Иуда действовал под влиянием сребролюбия. Тогда эта история получает глубокий смысл и значение: вместо пошлого скупца и мелкого сребролюбца мы видим в предателе трагический характер, – он изменяет Иисусу не из-за тридцати жалких сребреников, но во имя национальной иллюзии политического мессии – и гибнет жертвою полного разочарования в этой иллюзии. Что такое понимание в истории предания Господа более соответствует характеру человека, предназначавшегося быть одним из двенадцати апостолов христианства, и более приличествует достоинству Христовой личности – об этом достаточно только сказать.

Дмитрий Мережковский Иуда предатель ^[82]

I

После речи о Конце сошел Иисус с вершины Елеонской горы в лежавшее на склоне ее селение Вифанию, где была для Него приготовлена вечеря в доме Симона Прокаженного. И, когда возлежал Он, – пришла женщина с алебастровым сосудом мира, чистого, драгоценного; и, разбив сосуд, возлила Ему на голову (Мк. 14:3).

Мировое масло, изготовляемое из нарда, благовонного, на высотах Гималаи растущего злака, ценилось на вес золота. Вот какая роскошь Нищему!

Тонкое горлышко сосуда, должно быть в виде амфоры, из белого восточного оникса-алебастра, женщина ломает, чтобы густое миро текло обильнее и сосуд никому уже не мог послужить. Сердце свое у ног Его разбила бы так же, если б могла.

И дом наполнился благоуханием (Ин. 12:3).

Дом Прокаженного, смердящего, – всего человечества, – наполнился благоуханием чистейшего мира – последней на земле к Сыну человеческому, не мужской, а женской любви.

II

Кто эта женщина? В I [от Матфея] и II [от Марка] Евангелиях – безымянная, хотя и прославленная Господом:

Где ни будет во всем мире проповедана сия Блаженная Весть, сказано будет и в память ее о том, что она сделала (Мк. 14:9), – но людьми забытая, неизвестная.

В III Евангелии [от Луки] (7:37) – «грешница», по толкованию Отцов, будущая великая святая Мария Магдалина, из которой вышло «семь бесов» (Лк. 8:2), она же – помилованная Господом «жена прелюбодейная»; а в IV [от Иоанна] Евангелии (12:1–3) – Мария Вифанийская, сестра Лазаря. Все четыре свидетеля как будто хотят вспомнить забытую, узнать неизвестную, увидеть ее лицо в сумерках вифанийского вечера, – хотят и не могут: слишком, должно быть, глубокая тайна между Ним и ею. Женихом и невестой, – первой услышавшей полуночный крик:

Вот, жених идет; выходите навстречу ему! (Мф. 25:6).

В сумерках смертного вечера и воскресного утра таинственно сливаются для нас эти четыре женских лица. Первое существо человеческое, увидевшее Господа, – не *он*, а *она*; не Петр, не Иоанн, а Мария. Рядом с Иисусом – Мария; рядом с Неизвестным – Неизвестная.

III

Лучше всех учеников поняла бы, может быть, она, почему Иисус, идучи на смерть – воскресение, говорит о «муке родов», начале Конца («это начало мук рождения») (Мк. 12:8) – для всей земли-матери, рождающей царство Божие, и для одной рождающей женщины): *мучается женщина, когда рождает, потому что пришел час ее; когда же родит младенца, уже не помнит мук от радости* (Ин. 16:21).

...Рано поутру, когда еще было темно... Мария стояла у гроба и плакала.

Сердце ее разрывалось от муки, как чрево рождающей.

(Вдруг) *оглянулась и увидела Иисуса, стоящего* (за нею), *но не узнала, что это Иисус...*

...Он же говорит ей: «Мария!» Она, оглянувшись (снова), *говорит Ему: «Раввунни!»* (Ин. 20:1–16).

И уже не помнит муки от радости, – потому что родился человек в мир (Ин. 16:21), –

Человек воскрес.

Две Мариин: одна – в начале жизни, другая – в конце; та родила, эта первая увидела Воскресшего, Сына – Брата – Жениха как бы воскрешает, снова рождает из времени в вечность Мать – Сестра – Невеста. Вот что сделала Мария Неизвестная на Вифанийской вечере.

Тело Мое приготовила она к погребению (Мк. 13:8) –

«и к Воскресению», – мог бы Он сказать. *Как* это сделала, мы не знаем, потому что этого не знают и наши свидетели; знают только – и мы могли бы узнать, – чем сделала: побеждающей смерть любовью.

IV

Многое еще имею сказать вам, но вы теперь не можете вместить (Ин. 16:12).

Будучи же кем-то спрошен, когда придет царствие Божие, Господь сказал: когда два будут одно... и мужское будет как женское, и не будет ни мужского, ни женского.

Но слова сего не поняли они, и оно было закрыто от них, чтобы они не постигли его, а спросить Его... боялись (Лк. 9:45).

Так и мы боимся спросить Его о том, что значит для Него самого:

Будут два одна плоть (Мф. 19:5).

«Ты прекраснее сынов человеческих» (Пс. 44:3). Чем же красота Его больше всех красот мира? Тем, что она – ни мужская, ни женская, но «сочетание мужского и женского с прекраснейшей гармонией» (Гераклит). Он в Ней. Она в Нем; Вечная Женственность – в Мужественности Вечной: Два – Одно.

Любит Иисуса Мария, Неизвестного – Неизвестная. Нет слова на языке человеческом для этой любви; но сколько бы мы ни уходили от нее, сколько бы ни забывали о ней – вспомним когда-нибудь, что только эта любовь спасет мир.

V

...Миро возлила Ему на голову.

Некоторые же вознегодовали и говорили между собою: к чему такая трата мира?

Ибо можно было бы продать ее более чем за триста динариев и раздать нищим. И роптали на нее (Мк. 14:3–5).

Кто эти ропщущие, у Марка не сказано, а у Иоанна (Ин. 12:4): «один из учеников Его, Иуда». Вслух, может быть, высказал он то, что про себя думали все.

Оставь ее, —

прямо в лицо ему одному говорит Иисус. —

...Нищих всегда имеете с собой, а Меня не всегда (Ин. 12:7, 8).

Вот чего Иуда не знает о Нем, но знает Мария: не было такого, как Он, никогда, и не будет; Он – один-единственный Возлюбленный.

VI

К ранним галилейским дням служения Господня относит Лука миропомазание. Но судя по совпадению имен: «Симон Прокаженный» в первых двух Евангелиях и «Симон фарисей» у Луки (7:40); судя также по тому, что здесь женщина не возливает мира Иисусу на голову, как у Марка и Матфея, а умащает ноги Его и отирает их волосами; судя, наконец, по тому, что город, где это происходит, в III Евангелии – просто город, без имени, что на арамейском языке (а первоисточник Луки тоже, конечно, арамейский) значит почти всегда Иерусалим, – судя по всем этим признакам, галилейская вечеря Луки ближе к вифанийской, чем думает он сам или хотел, чтобы думали мы.

...Женщина того города, бывшая грешницей, узнав, что Он возлежит в доме фарисея, принесла алебастровый, с миром, сосуд и, ставши позади, у ног Его, –

(ноги у возлежащих босые, – обувь снимается перед тем, чтобы возлечь, – протянуты назад) – и плача, начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей; и целовала ноги Его, и умащала их миром. Видя же то, фарисей, пригласивший Его, сказал сам в себе: если бы Он был пророк –

(в лучших кодексах – «тот самый Пророк», «Мессия»), – то знал бы, кто и какая (женщина) прикасается к Нему, ибо она – грешница (Лк. 7:37–39).

...Женщина! Где твои обвинители? никто не осудил тебя?...Никто, Господи! – И Я не осуждаю Тебя, –

мог бы сказать Иисус и этой галилейской грешнице, так же как той, иерусалимской «жене прелюбодейной» (Ин. 8:10–11).

Здесь безнаказанность греха разрешается; «слишком тяжелый грех слишком легко прощается», – соблазнится Блаженный Августин вместе со всей Церковью III–IV веков и захочет выкинуть из Евангелия эту жемчужину, как сор.

Так же могли соблазниться Иуда и Симон-фарисей.

VII

Две любви, мужская и женская, скупая и щедрая, Симона-Иуды и грешницы. Две любви сравнивает Господь:

Я пришел в дом твой, и ты воды Мне на ноги не дал, а она слезами облила Мне ноги и волосами головы своей отерла.

Ты целования не дал Мне, а она с тех пор, как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги.

Маслом ты Мне головы не помазал, а она мне ноги помазала миром.

А потому говорю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много; а кому прощается мало, тот мало любит.

И сказал ей: прощаются тебе грехи...

...Вера твоя спасла тебя; иди с миром (Лк. 7:44–50).

Больше, чем ей, никому никогда не прощалось, потому что больше, чем она, никто никогда не любил.

VIII

Знает ли она, что делает, возливая миро на голову Его (по первым двум синоптикам)? Древле Самуил пророк, возлив елей на голову Саула, сказал:

Вот, Господь помазал тебя в цари над Израилем (1 Цар. 10:1).

«Ныне же Мессию помазала в цари блудница», – мог подумать Иуда. Первая капля вифанийского мира для него та последняя капля, от которой чаша через край переливается. «Тело Мое умастила вперед к погребению», – слышится, может быть, Иуде последнее отречение Царя-Мессии от Царства. «Сам Себя хоронит заживо, и не только Себя, но и всего Израиля», – мог подумать Иуда и согласиться с Гананом:

лучше, чтоб один человек умер за людей, нежели чтоб весь народ погиб (Ин. 11:50)^[83].

«Друг», Иуда, и враг, Ганан, соединились, как два конца одной веревки, стянувшиеся в мертвую петлю на шее Христа.

IX

Что за человек Иуда? «Вор», – отвечает Иоанн или один из Иоаннов, неизвестных творцов IV Евангелия. «Хочет Иуда возместить убыток, причиненный ему, как он думает, тратою мира на Вифанийской вечере», – доводит Блаженный Иероним этот слишком простой ответ до последней плоскости и грубости^[84].

Сколько вы дадите Мне, чтоб я вам предал Его? –

торгуется Иуда в I Евангелии. Как же такого негодяя мог избрать Иисус в ученики? Вспомним, как произошло избрание.

На гору взошел и позвал к Себе, кого Сам хотел; и пришли к Нему. И поставил (из них) Двенадцать, чтоб были с Ним и чтобы посылать их на проповедь (Мк. 3:13–14).

«Сам хотел» Иуду, «вора» и негодяя; «сам позвал его к Себе»? Или в нем одном ошибся, не узнал его одного Сердцеведец, видящий всех людей насквозь?

(Людям) не вверял Себя, потому что знал всех и не имел нужды, чтобы кто засвидетельствовал о человеке, ибо Сам знал, что в человеке (Ин. 2:24–25).

Нет, не ошибся:

Знал Иисус от начала... кто предаст Его. ...Не двенадцать ли вас избрал Я? Но один из вас – диавол (Ин. 6: 64, 70), –

говорит об Иуде за год уже до предательства и в последнюю ночь, за минуту перед тем, как в Иуду «вошел сатана»:

Я знаю (тех), кого избрал (Ин. 13:18).

«Диавола» избрал и послал на проповедь царства Божия; «власть изгонять бесов» дал новому «диаволу» (Мк. 3:15); сказал и ему в числе других учеников:

сядете на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых (Мф. 19:28).

То же скажет и в последнюю ночь, за минуту до предательства (Лк. 22:3, 30).

Все это – «да сбудется Писание».

Сын Человеческий идет, как писано о Нем (Мк. 14:21). *Теперь сказываю вам (о том), прежде нежели то сбылось, дабы, когда сбудется, вы поверили, что это Я (Ин. 13:19).*

Взваливать на Промысел Божий то, что разуму человеческому непонятно, а сердцу – кощунственно, объяснять непонятное событие непонятнейшим пророчеством не значит ли решать уравнение с двумя неизвестными, разгадывать одну загадку, темную, другой, темнейшею?

Вывод из всего этого только один: камни в Иуду надо кидать осторожнее – слишком к нему близок Иисус.

Х

Память о том, что действительно побудило Иуду предать Иисуса, заглохла уже в самих Евангелиях, «Воспоминаниях Апостолов», а может быть, и раньше, еще до евангельских записей. Кажется, действительной причины Иудина предательства евангелисты не знают, не помнят или не хотят вспоминать, может быть, потому, что это слишком страшно, «соблазнительно» для них, или потому, что знают, что «говорить всего всем не должно» (Ориген). Только повторяют: «один из Двенадцати, один из Двенадцати», – каждый раз с новым, все большим недоумением и ужасом.

Кажется, все остальные Одиннадцать не видят Иуды: он вне поля их зрения, как бы под шапкой-невидимкой; не видят его, не знают, не понимают до последней минуты предательства. Он для них ничем не отличается от них самих. И даже потом, когда уже предаст, – не увидят, может быть, потому, что зло для добра вообще невидимо, непознаваемо: внутренним только опытом воли, действия познается действительное, внутреннее существо добра и зла; доброго знает, видит не извне, а изнутри только добрый, злого – только злой. Что для человека самое невидимое, непознаваемое, – Бог? Нет, диавол. Он-то, может быть, когда вошел в Иуду, и покрыл его своею шапкой-невидимкой.

Образ Иуды, каким он является в евангельских свидетельствах, – только непонятное страшилище. Но если б мы могли заглянуть в то, что действительно было в этом предательстве, то, может быть, мы

увидели бы в нем *проблему зла*, поставленную так, как больше нигде и никогда в человечестве.

Камни в Иуду надо бы нам кидать осторожнее: слишком, увы, близко к нему все человечество. Только в себя заглянув бесстрашно-глубоко, мы, может быть, увидим и узнаем Предателя.

XI

Кажется, к загадке Иуды можно бы и в самом Евангелии – если бы мы читали его не нашими слепыми глазами, а зрячими – найти потерянный ключ или нарочно в воду заброшенный ключ.

Прозвище Иуды – не второе имя, а только прозвище (это важно) – Isch Qarjot состоит из двух слов: первое, isch, на арамейском языке значит или значило когда-то, еще до времен Иисусовых (но значение это могло и потом сохраниться): «муж», «человек»; второе слово: Quarioth или Querioth – имя очень древнего города в колене Иудином (Нав. 15:25), в далеком и пустынном южном конце Иудеи, за Эброном, к востоку от Газы.

Шли к Нему также (люди) из-за Иордана... в великом множестве (Мк. 3:8).

«Из-за Иордана» и значит: «из колена Иудина», где находился Кериот. В прозвище этом не брезжит ли память об исторически живом лице Иуды, о первом и главном от него впечатлении зрительном: «чистый» иудей среди «нечистых» – всех остальных учеников Иисуса, людей из Галилеи, «Округи язычников»? Это, вероятно, по лицу Иуды видно сразу. Есть такие иудейские лица, на которых отпечатлелось в одном человеке все племя, как в чекане монеты – лицо государя. «Я – обрезанный из обрезанных. Иудей из Иудеев», – не мог ли бы о себе сказать и Иуда, как Павел? Кажется, вообще узнать – увидеть Иуду через Павла легче всего.

Сам Иисус – тоже «из колена Иудина», тоже «чистый» Иудей; это не только во времени, но и в вечности вспомнится:

Вот лев из колена Иудина, корень Давидов, победил (Откр. 5:5).

Издали пришел к Человеку из Назарета человек из Кериота, из-за Эброна – в Галилею и, «все оставив, пошел за ним».

Вот, мы оставили все и пошли за Тобою (Мф. 19:17).

Мог бы сказать Иуда, как Петр.

Если же, по слову Марка, «сам Иисус захотел его, позвал к Себе», избрал сначала в широкий круг учеников, а потом в тесный, Двенадцати, вместе с Петром и Иоанном, то было, должно быть, что-то в Иуде, что влекло к нему Иисуса. Что же именно?

Кажется, прав Иоанн: что-то «знал от начала» Иисус об Иуде, – не то, конечно, что он предаст Его, а то, что может предать, как никто, но и верен может быть, как никто. Если так, то, может быть, сам Иисус «захотел» Иуду, полюбил его потому, что почувствовал в нем величайшую возможность добра и зла, *точку сопротивления наибольшей* во всем Израиле – во всем человечестве. Понял бы, вероятно, Иуда лучше всех учеников, что значит:

От Иудеев спасение (Ин. 4:22).

Понял, может быть, и человек Иисус, что в человеке Иуде – Иуда-племя – Иуда-человечество; что спасти одного Иуду значит спасти всех.

Он же, приняв кусок, тотчас вышел, а была ночь (Ин. 13:30).

Все вы соблазнитесь о Мне в эту ночь (Мк. 14:27), —

«все предадите Меня».

Мог Иуда предать – и не предать: был *свободен*. Если бы не предал, остался верен до конца, – как знать, не наступило ли царство Божие *сейчас*? Страшная тайна добра и зла в Иуде, человеке и человечестве, – тайна бесконечной любви – свободы во Христе.

XII

Папий, епископ Иерапольский (150 г.), сохранил не написанное будто бы в Евангелии, от «учеников Иоанновых» идущее, очевидно, грубо искаженное, но все же для нас драгоценное слово Господне о царстве Божием:

«Будет в те дни так плодородна земля, что и хищные звери, питаюсь только плодами земли, сделаются кроткими, возлюбят друг друга и человеку будут во всем покорствоваться».

Это значит: в царстве Божиим кончится борьба человека с природой, снова будет между ними вечный мир, такой же, как был в раю.

«Как это может быть?» – усомнился Иуда. И сказал Господь: те это увидят, кто в царство Божие войдет. Videbunt, que veniant in illa.

Этим-то сомнением и начинается разрыв между учеником и Учителем, как малою трещиной – великая пропасть.

Есть в IV Евангелии намек на то, что разрыв проходил именно здесь, по линии царства Божия; что здесь же и последний корень предательства. «Диаволом» Иисус называет Иуду, потому что «знает от начала, кто предаст Его», – за год еще до предательства, после того, что произошло на горе Хлебов, где царство Божие наступило бы *сейчас*, как мог думать Иуда, – если бы Иисус людьми и Богом предложенного Ему Царства не отверг.

Может быть, Иуда Галилеянин – ложный Мессия тех дней – похож на Иуду Искарюта: оба «зелоты-ревнители», против римской власти бунтовщики – «революционеры», по-нашему. Главная черта обоих – нетерпеливое, со дня на день, с часу на час, ожидание царства Божия. «Скоро, еще во дни жизни нашей, да придет Мессия (Помазанник, Царь) и да освободит народ свой», – в этой святейшей молитве Израиля главное слово для обоих Иуд – «скоро». Все равно, победить или погибнуть, только бы скорей, – не завтра, а сегодня – сейчас. Если так, то понятно, почему Иуда пришел к Иисусу в те дни, когда думали все, что царство Божие наступит «сейчас» (Лк. 19:11), и отошел от Него, когда понял, что не сейчас, – надолго отсрочено.

Царство Божие будет десяти девам подобно, взявшим светильники свои и вышедшим навстречу жениху.

...Но как жених замедлил, то задремали все и уснули (Мф. 25:1, 5).

Все, кроме одной, жениху не простившей: если бы больше любил, – не замедлил бы. Эта одна «мудрая дева», или безумная, – душа Иуды. Воля его – страшная повивальная бабка царства Божия: «муками родов» мессианских вынудить хочет наступление Царства, как бы чрево матери рассечь, чтобы поскорее родился младенец.

Что делаешь, делай скорей (Ин. 13:27), –

может быть, угадал Иисус и с горькой усмешкой высказал тайную мысль Иуды о Нем.

Больше всех учеников верил Иуда в царство Божие и усомнился в нем больше всех.

XIII

Павловы пути обратны Иудиным, но в одной точке соприкасаются.

Савл! Савл! Что ты гонишь Меня?.. Трудно тебе идти против рожна (Деян. 9:4–5).

Понял Савл, что трудно: ослеп – прозрел. Иуда не понял: слеп до конца; пошел на рожон, как бешеный бык, и накололся насмерть.

Павел сделал выбор между законом и свободой; Иуда не сделал: вечно между ними колеблется; предал сначала закон, а потом – свободу. Два предательства: первое хочет искупить вторым. Званный, но не избранный; гость на брачном пиру в одежде небрачной.

Друг! как ты вошел сюда?...возьмите его и бросьте во тьму внешнюю (Мф. 22:12–13).

«Блажен, кто не соблазнится о Мне», – сказал Иисус о Предтече (Мф. 11:6); мог бы сказать и о Предателе. Чем «соблазнился» Иуда? Тем же, чем Савл, – «соблазном» и «безумием» Креста: «проклят Висящий на древе». Павел одолел соблазн; не одолел Иуда. Павел поверил; не поверил Иуда, что Христос воскрес, и благословен Проклятый.

Тайна Иуды – тайна всего Иудейства: верность Ягве, Супругу – измена Мессии, Возлюбленному, – «Соблазнителю», «Обманщику», mesith, как назовет Иисуса Христа Талмуд, вечная книга Иуды-племени – «Вечного Жида» во всемирной истории. Все еще жив для Иудейства и разумен нелепый вопрос: «Кто кого предал, Иуда – Христа или Христос – Иуду?»

Я желал бы отлученным быть от Мессии (Христа) за братьев моих, родных мне по плоти – Израильтян (Рим. 9:3–4), –

могли бы сказать оба Иуды, человек и племя, так же, как Павел. «В грязь втоптал самое святое, что было в Израиле, – Закон», – могли бы сказать об Иисусе оба Иуды так же, как Савл.

Чем подкуплен Иуда? Золотом? Нет, спасением Израиля: «Лучше, чтобы один человек умер за всех, нежели чтобы весь народ погиб». В этом Иуда с Гананом встретились, «друг – с врагом»; два конца веревки соединились и затянулись в мертвую петлю предательства.

XIV

В одной точке, в одном миге – вечности, два лица – Иуды и Христа – сближены так, что можно их увидеть или не увидеть, понять или не понять, только вместе. Вместе надо их увидеть, чтобы понять не отвлеченно-догматически, а исторически-опытно Страсти Господни.

А для этого надо помнить, что Иисус не знал *наверное*, – не мог, не хотел, не должен был знать до последней минуты, предаст ли Его Иуда или не предаст. Этого не знал Иисус, может быть, потому, что и сам Иуда не знал; знал только, что надо «делать скорей». Но не делал, страшно медлил; нетерпеливый во всем только это терпел.

За год еще до предательства, когда по Умножении хлебов «многие из учеников Иисуса отошли от Него»

(Ин. 6:66), – как легко и просто мог бы Он сказать Иуде: «Отойди и ты»; но вот не сказал и не скажет до последнего лобзания, которым тот предаст Его в Гефсимании.

Друг! для чего ты пришел? (Мф. 26:50).

В греческом подлиннике – больше, чем «друг», почти «брат». Как легко и просто мог бы тогда же отойти Иуда; но не отошел и не отойдет, будет верен до конца – до предательства.

Любит великий ваятель крепчайшие, почти резцу не поддающиеся мраморы; великий полководец любит опаснейшие бои: так, может быть, Иисус любит Иуду. Не было ли таких минут, когда Он любил Иуду больше, чем Петра, чем Иоанна; больше верил в него, чем в них?

Горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше бы тому человеку не родиться (Мк. 14:21).

Это значит: Иуда Предатель – Иуда Несчастный, Самый несчастный из людей – он. Мог ли его покинуть Иисус? Если Сын Человеческий пришел, чтобы найти потерянное, спасти погибшее, мог ли Он покинуть погибавшего так, как никто никогда не погибал? Очень глубоко объясняет Ориген: Иисус не покинул Иуду потому, что «до последней минуты надеялся», что он *может* спастись.

XV

«Диаволом» назван Иуда, Петр – «сатаною»; в чем-то на один миг они близнецы, двойники, почти неразличимые, – как сатана от диавола? Нет, как один слабый и грешный человек – от другого, такого же грешного и слабого. Да и все остальные ученики, может быть, не лучше и не хуже этих двух: двенадцать Петров – двенадцать Иуд.

Петр от Господа «отрекся» – тоже предал Его, но покался вовремя.

Петр мог быть Иудой. Иуда – Петром; между ними расстояние, может быть, меньшее, чем это нам кажется. Верил Иисус в обоих и обоих любил до конца. Если же в Иуде «ошибся», то ошибка эта человеческая дает меру любви Его, божественной.

Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих (Ин. 15:13).

Душу Свою не положил ли Господь за «друга» Своего, Иуду?

XVI

Но чем больше Иисус любит Иуду, тем больше тот ненавидит Его, и медленно зреет горький плод предательства под черным солнцем ненависти. Когда же созрел, – голову, должно быть, потерял Иуда, чувствуя, какая дана ему власть и свобода: судьбы Израиля, судьбы мира он один решит на веки веков. Этой же свободы, кажется, и не вынес Иуда: сделался орудием зла нечеловеческого: «вошел в него сатана». Остался ли в нем или вышел, мы не знаем. Сделав через него дело свое, может быть, бросил его, как выжатый плод или пустую личину.

Крайнее зло нераскаянно, потому что здесь, на земле, почти всегда счастливо: счастлив Ганан, Иуда несчастен. Крайнего зла, сатанинского, кажется, не было в нем; было только среднее зло, человеческое, что еще ужаснее, конечно, как мера всего человечества.

Суток не пройдет от предательства, как Иуда уже раскается:

Согрешил я, предав кровь неповинную.

Страшным судом осудит себя и казнит:

Пошел и удавился (Мф. 27:4–5).

Тело Распятого будет еще висеть на кресте, когда тело Предателя уже повиснет в петле. Всовывая шею в петлю, понял ли Иуда, что значит: «проклят висящий на древе»?

Начал хорошо, кончил худо; но и в конце, как и в начале, все еще – «один из Двенадцати». Пришел к Иисусу, ушел от Него и опять пришел; полюбил Его, возненавидел – и опять полюбил.

И на страшном конце Иуды все еще неизгладимый, темным блеском блистающий знак славы апостольской.

XVII

Проклят Иуда людьми потому, может быть, что слишком близок людям. Да, как это ни страшно сказать, – стоит каждому из нас только заглянуть в себя поглубже, чтобы увидеть Предателя: все, кто когда-то в детстве верил во Христа, а потом отрекся от Него – «предал» Его, – «Иуды» отчасти.

Сыном погибели называет Господь Иуду (Ин. 17:12). Слово это переводит Лютер не точно, но глубоко:

Потерянное дитя,
Das verlorene Kind.

«Блудного Сына» принял отец и простил. Есть, может быть, в каждом из нас «Иудин кусочек», «блудный Сын», «потерянное дитя», или «Сын погибели».

«Господь Иуду простит», – этого мы не смеем сказать, да и «не простит» тоже сказать не смеем.

Все, что дает Мне Отец, ко Мне приходит, и приходящего ко Мне не изгоню вон (Ин. 6:37), –

это, может быть, не только об Иуде сказано, но и о нас всех.

Литературный раздел

Клеменс Брентано (по откровениям Анны Катарины Эммерих) Трагедия Иуды^[85]

С Иудой случилось что-то страшное... Впрочем, уже давно, вот уже скоро два года, как вообще с ним совершается что-то совсем необычайное. Он уже перестал быть самим собою, тем Иудею Симоновым, которым был еще так недавно...

Если бы два года назад ему кто-то сказал, что он будет жить так, как он живет теперь, он засмеялся бы говорящему в лицо и назвал его сумасшедшим. Он, Иуда, неожиданно бросит свой маленький уютный домик; свой виноградник, который он обрабатывал с такой любовью; эти густые лозы, благоухающие каждый вечер и пылающие на предзакатном солнце. Он будет как нищий, как бродяга, неуверенный в завтрашнем, а иногда даже в сегодняшнем хлебе, бродить с толпой галилеян. Он будет, наконец, спорить с раввинами, возбуждая их гнев и негодование, иногда доходящие до проклятий и резкой брани.

Нет, все это было вовсе немислимо, невозможно, несообразно ни с чем. И, однако, несообразное, невозможное – случилось.

Вот уже скоро два года он не был в своем домике и в своем винограднике. Он даже не знает, целы ли они. Да его это и не интересует. Он их не вспоминал уже давно-давно...

А между тем этот дом – такой родной и еще недавно такой любимый. Ведь и дом, и виноградник – родовое наследие. Он помнит, как еще старый дед заботливо и благоговейно сберегал разрастающиеся лозы. А с покойным отцом он сам ходил вместе по дорожкам и учился у него науке виноградаря.

Потом отца не стало, не стало и матери. Но виноградник остался по-прежнему и, кажется, стал еще дороже со дня их смерти для сердца его, Иуды. Там он забывал о своем сиротстве, там вспоминал о прошлом, там сладко мечтал о будущем.

Несмотря на свои почти тридцать лет, он еще не знал женщин. Он избегал не только их ласк – их он не знал вовсе, – но даже встреч с ними. И взоры, бросающиеся иногда ими на его стройное тело и некрасивое, но мужественное лицо, обрамленное рыжеватыми волосами, всегда смущали его и казались ему нескромными и ненужными.

Как раз недалеко от его дома жила известная в округе женщина, привлекавшая к своему порогу молодых и немолодых мужчин. Но Иуда проходил мимо ее дома с отвращением, и когда однажды она, проходя, точно нечаянно задела его краем одежды, он ответил ей глухим проклятием.

Но чем меньше Иуда знал женщин, тем больше он мечтал о них. И мечтал там, в винограднике. Там любил он долгими часами повторять звучные стихи «ПЕСНИ ПЕСНЕЙ», и они опьяняли его своим сладким ритмом. Его воображению рисовались картины мирной и радостной семейной жизни. Вот он, Иуда, вводит под свой кров тихую и покорную невесту, Ревекку или Рахиль, со смуглой кожей, с темными, густыми, вьющимися, распущенными под прозрачным покрывалом волосами, с длинными опущенными ресницами. Он уже ясно ощущал, как оживится тихий покой его дома и заструится по освещенным солнцем горницам новое тепло... Он заранее наслаждался все растущим и умножающимся, как там, у далеких праотцев Моисеева «Бытия», семейным счастьем, видел длинные ряды нисходящих поколений, ласкал и целовал маленькие детские личики...

И когда каждый год, на Пасху, он приходил в Иерусалим, в храм на поклонение святыне, его молитва была все о том же: об этом будущем счастье и уюте, спокойном и мирном.

Может быть, потому он и любил эти ежегодные паломничества, что связывались они в его сердце с этой молитвой.

Впрочем, конечно, он молился не только об этом. Ведь он был иудей, настоящий иудей, трепетно и кровно любящий свой народ, его прошлое, настоящее и будущее. В нем всегда жила и, кажется, по мере его роста, крепла и росла мечта и надежда на грядущего Мессию. И его молитва была об этом пришествии, о желании избавления родины от ненавистных осквернителей – язычников.

И как любил он там, в храме, бродить в толпе, переходить от одних к другим, прислушиваясь к затаенным вздохам надежд, к сладким для сердца словам мечты и к длинным речам учителей, пытающихся определить подлинный смысл пророчества о времени Грядущего.

Так протекали его дни, спокойно и мирно. Каждодневная работа в винограднике нарушалась только в ожидании того, что было ее последним смыслом – браком...

Только иногда, это было очень редко, его посещали часы какой-то страшной, почти непреодолимой тоски, и тогда, случалось, он лежал целые ночи без сна в винограднике, смотря на прозрачное звездное небо, или целыми днями почти совсем забрасывал работу.

В те часы мечта о жене и семье вдруг угасала и становилась пустой и скучной.

Иногда тоска приходила в храме. Каильный дым и возгласы священников казались тогда ненужными, толпа – отвратительной, мудрые учителя – глупыми и смешными.

Иуда боялся этих часов и, когда в обычном состоянии вспоминал о них, старался объяснить их тем, что слишком откладывает брак.

И вот все переменялось.

Это случилось сразу, в один день.

В тот день Иуда впервые увидел ЕГО. Иуда никогда не забудет этой минуты: прозрачного воздуха; солнечных палящих лучей, заливавших раскаленный песок дороги; высокую фигуру в длинной белой одежде, на которой так ярко вырисовывалась темная, почти лиловая от загара, кожа.

Он не забудет этих, услышанных впервые, звуков ЕГО голоса, – от них сразу так затрепетало сердце.

В этот день Иуда не отходил от НЕГО и не переставал слушать и смотреть.

Точно где-то в нем, в его глубине, зазвучала новая, иная «Песнь Песней», и та, что читал в винограднике, показалась теперь только слабым предчувствием и намеком.

С того дня он уже не возвращался домой, и, вероятно, теперь его виноградник совсем зарос и одичал...

Где-нибудь под чужим, предоставленным из любви к его Учителю кровом, или прямо под открытым небом, он чувствовал острую радость от сознания, что вот он опять сейчас увидит ЕГО лицо, услышит ЕГО голос, какие-то новые, необычайные слова, от которых опять все существо будет пылать и содрогаться.

Он начинал день с молитвы благодарности за совершенный дар посетившего его блаженства.

Молитва его со времени встречи стала совсем иной.

С тех пор, как из уст Учителя он услышал слова о Боге, имя – Отец Небесный, точно Бог пришел к нему из какой-то заповедной глубины, из сокровенной тьмы Святая Святых и, такой далекий, страшный, неприступный, стал так близко, совсем рядом. Он чувствовал так часто эту близость, точно самый воздух кругом него и в нем самом был напоен Богом.

И это чувство достигало в нем такой остроты, что, беседуя с кем-нибудь, он останавливался на полуслове, чтобы отдаться вполне захватывающему ощущению таинственной близости.

Чувство Бога и Его близости сливалось в нем с еще более сильным и новым чувством близости к Учителю. Граней тут не было. Одно

переходило в другое. С Учителем он был всегда. И даже когда на короткие часы с Ним разлучался, все-таки реально ощущал Его присутствие. И когда расположился с наступлением ночи на ложе, к радостному чувству покоя, наступившего после дня ходьбы и утомительных трудов, присоединялось бесконечно более радостное чувство неразлучности с Любимым даже здесь, в полном мраке, в глубоком и сладком сне. Иногда это чувство сосредоточивалось просто где-то в сердечной глубине, иногда оно сопровождалось светлыми видениями.

Тогда казалось, что Сам Учитель неслышно подошел к изголовью и склонился так низко, что длинные пряди волос касаются лица, а глаза, ЕГО глаза, льют лучи, смотрят с нежной и грустной любовью в самое сердце.

И тогда Иуда просыпался, вслушивался в тишине и, смотря на далекие звезды через открытую кровлю, неслышно плакал слезами умиления и восторга.

Он понял теперь, о чем была его тоска там, раньше, когда он был еще один. Он понял, что всю жизнь искал только этой встречи, о ней томился, ее предчувствовал, любил всем существом своим ТОГО, за Кем шел теперь, любил, еще не зная Его, любил, кажется, с самой колыбели. Теперь он ничего не желал, ни о чем не мечтал. Быть всегда с ним, ловить взоры Его глаз, слышать Его голос, касаться Его рук, наслаждаться Его словами и Его молчанием – в этом был последний предел возможного и мыслимого, человеческого и сверхчеловеческого, земного и небесного блаженства.

И вдруг что-то оборвалось, надломилось внутри.

Кажется, это нарастало уже давно, но открылось вполне только теперь, в последние дни...

Иуда просто не хотел замечать того, что в нем случилось, не хотел думать об этом, потому что оно как призрак вставало между ним и его счастьем: но это «оно» было неотступно и могущественно. И вот Иуда уже не может больше с ним не считаться. Он мучительно всматривается в его темную пустоту, ищет его корней в далеком прошлом, спрашивает себя: когда и откуда оно пришло.

И день за днем встают в его памяти странные видения этих двух последних лет, проведенных вместе с Учителем...

Самыми светлыми, неповторимо радостными были, конечно, первые дни, первые месяцы их странствия.

Они бродили тогда большей частью по Галилее, где так по-особенному голубеет прозрачное небо, так ласково солнце, так благоуханны цветы и даже травы.

В длинных легких одеждах, бездомные и свободные, переходили они из города в город, из деревни в деревню, по широким желто-зеленым просторам, по берегам прозрачно-задумчивого, таинственного и тихого, как небо, озера.

Иуда был тогда в каком-то непрекращающемся восторге, почти опьяненным. И этот же восторг, это же опьянение он видел на лицах всех: и ближайших учеников, и собиравшейся и вновь разбежавшейся изменчивой толпы. Все точно нашли что-то такое, чего искали всю жизнь, и оттого стали радостными и совсем простыми, как дети, которых они подводили к Учителю; точно Учитель, как там, в Кане, в эти самые первые дни, прикоснулся легким движением руки к холодной влаге, наполняющей чашу жизни, и она вдруг заискрилась, заиграла, засверкала на солнце сладким и опьяняющим вином...

В этом общем возбуждении оставался спокойным и всегда тихим, кажется, только Учитель. Но Его спокойствие и тишина казались безоблачными, до дна просветленными прозрачно-голубым лучистым сиянием.

Где-нибудь на берегу или на поляне останавливались. Нестройный гул голосов стихал, и после нескольких минут глубокого, ненарушаемого молчания, пронесившегося над толпой, сидевший посредине Учитель начинал говорить...

Его слова не походили на проповедь... Он говорил совсем просто: говорил о солнце, о маленьких птичках, кружившихся в теплом воздухе, о больших белых цветах, благоухавших у Его ног... а если Он и приводил слова Закона, они точно оживали в Его устах, точно спадала с них какая-то мертвая, давящая тяжесть, и они становились тоже простыми и радостными в своей простоте, как все вокруг Него.

И каждый раз, когда Он говорил «Отец Небесный», точно какая-то волна проносилась над толпой, само небо казалось голубее и прозрачнее, ближе и вместе с тем бездоннее, и сердце содрогалось, таяло и пламенело.

Иуда любил в часы этих бесед смотреть на лица слушающих.

Кое-кого из толпы он знал, но гораздо больше было неизвестных вовсе, сошедшихся из разных мест. Однако и эти неизвестные казались обычно знакомыми, такие были у них простые лица, встречающиеся так часто, на каждом углу, на каждом перекрестке. И вот эти-то обыкновенные, точно подернутые пылью лица в часы бесед изменялись, становились новыми, непохожими на себя. Ранним, еще серым утром первые лучи солнца, пронизав холодную полумглу, зажигают все предметы своим сиянием, и серая дымка спадает, уступая место теплоте, розовому зареву... так розовели и

золотились от каких-то разливавшихся в воздухе лучей эти глаза и лица.

Все точно сдвигалось, сходило со своих мест, становилось необычайным. Старые делались как дети, дети казались иногда серьезными, как взрослые, от мудрых отлетала их мудрость и осеяла головы самых простых и неученых. Женщины, о которых другие учителя говорили, что лучше разбить скрижали Закона, чем передать их им – они длинными вереницами располагались у ног Его, неотступно ловя каждое Его слово, и иногда тихо плакали, и это казалось всем естественным и понятным и никого не удивляло.

В те дни, казалось, еще не было недовольных, или, по крайней мере, они таили свое недовольство. Даже учителя, приходившие из Иерусалима, не спорили, а только спрашивали, и даже на их лицах иногда, может быть помимо их воли, мелькало выражение радостного изумления.

В словах Учителя вовсе не было тех кричащих угроз, которыми так богаты были проповеди других странствующих раввинов.

Его голос, ровный и прозрачный, напоминал серебряный звук трубы, созывающей в Иерусалиме верных в храм на утренней заре. И, однако, была в этом голосе какая-то власть, непреодолимая сила, пред которой смиренно и радостно склонялось побежденное, добровольно отдающееся в плен сердце.

Когда Он кончал говорить, толпа сгущалась плотным, теснящим Его кольцом. Сквозь эту толпу старались пробиться поближе ползущие по земле калеки, натыкались на неосторожных; пробирались, тыкая вперед палками, слепые; других вели сострадательные; а некоторых несли на носилках. Внимательно и сосредоточенно, как всегда спокойно и серьезно, Он наклонялся низко к носилкам, к этим парализным и сухоруким, похожим больше на какие-то обрубки или на чудовища, чем на людей; и иногда вкладывал Свои тонкие, длинные пальцы в гноящиеся, зловонные раны, и от этих прикосновений как будто отбегали темные призраки ужаса и вместо исчезавшей смерти улыбалась расцветавшая жизнь.

Иногда радостный и густой гул толпы прерывался внезапным и резким криком. Это кричали бесноватые, изрыгая с пеною у рта отвратительные проклятия, судорожно колотясь о землю и царапая об острые камни лицо и руки. Тогда Он глядел на них долгим пристальным взглядом, и крики затихали, а в широко открытых глазах загорались огоньки новой мысли и воскрешенного сознания... Так дни проходили за днями... И так радостно было вспоминать о прожитом и ждать манящего «завтра»; ложиться, чувствуя легкую усталость во всем теле от постоянной ходьбы. И по зеленеющим

полям, свободно и беззаботно, не думая ни о хлебе, ни о ночлеге, идти утром много верст и не знать, где встретишь ночь. Так радостно было впивать в себя эту свободу, знать, что нет на душе никаких оков, кроме сладостных уз всерастущей любви к Нему, Кому раз отдалось и каждый миг все снова и снова отдается сердце. И мир, казалось, потерял границы. Земля слилась с прозрачным озером, а озеро на далекой и таинственной линии горизонта сливалось с небом. Так смешались и сдвинулись все пределы. Время, казалось, остановилось, и сладкое блаженство восторга струилось пьянящим и неиссякаемым потоком. Так было в Галилее, в первые дни странствия.

Иуде почему-то запомнилось особенно одно чудо.

Вместе с Учителем в небольшой толпе, где-то далеко от города, шли днем по желтой, как всегда раскаленной дороге, в тихой задумчивой беседе.

И вдруг совсем рядом прозвучал резкий, угрожающий окрик.

В нескольких шагах от них выросла закутанная в пожелтевшие от гноя покровы фигура прокаженного. На страшном, нечеловеческом лице зияла открытая впадина вместо носа, а из синих губ вырывались пронзительные крики, предупреждавшие верных, чтобы они спешили прочь, охраняя себя от осквернения и отвратительного наваждения грозящей смерти.

Все, бывшие с Учителем, с ужасом ринулись назад, и кто-то, может быть Петр, в невольном страхе схватил Его за руку, как бы охраняя от надвигающейся грозы. Но Учитель, освободив руку, со стремительностью, так редко проявляющейся в Его движениях, быстро приблизился к надвигающемуся призраку.

Все как будто застыли от ужаса, а Он протянул вперед руку, снимая повязки, касаясь внимательно и нежно бесчисленных гнойников. И прямо на глазах у всех вместо отпадающей черной гнили на обнаженных костях зарозовело новое, зарождающееся тело.

А Учитель стоял весь белый в Своем одеянии, и Иуде казалось, что от Него идут белые прозрачные лучи и что эти лучи – любовь, и это она претворяется в плоть на обновляющемся теле очищающегося.

С тех пор Иуде не раз приходилось видеть исцеление прокаженных, но никогда он не мог забыть о первом, им виденном.

После этого исцеления Учитель долгие дни не мог показаться в городе, как оскверненный нечистым прикосновением, и странствовал вместе с учениками по бесконечным пустынным дорогам.

Один раз только почудилось Иуде: тень какой-то глубокой, пронизывающей до мозга костей грусти прошла в ясной тишине их невозмутимой галилейской радости. Кто знает, может быть, только почудилось. Ведь это было как раз в минуту рассвета, напряжения радости.

Это было там, в первые дни, в Кане, на браке, когда еще Учитель не был так известен и так почитаем, и туда, на бракосочетание, Его позвали не как Учителя, а скорее просто как знакомого, больше даже знали Его Мать. Но Он пришел со всеми, только что окружившими Его учениками.

Было уже за полночь... Свадебное пиршество было в полном разгаре: шумели и говорили, радуясь и перебивая друг друга. Высокая белая фигура Учителя показывалась в разных углах горницы. То одни, то другие окружали Его, и Он беседовал с ними.

Но вот, точно утомленный этим весельем и праздником, Он вышел из горницы туда, к преддверью, и остановился на пороге, вдыхая свежий, предутренний воздух. Ученики вышли вместе с Ним. Они тоже устали, а главное – хотели побыть опять наедине с Ним, ощутить острую радость Его близости и Его необычности.

Иуда стоял совсем рядом с Учителем и видел, как к Нему подошла Его Мать, такая же высокая и стройная, как Он, тоже в длинных белых одеждах. Она наклонилась к Нему ласково и нежно, трогая слегка Своею тонкою рукою края Его хитона. Она говорила, кажется, о том, что у нерасчетливых и бедных хозяев не хватает вина для пиршества.

И вот тут Иуда увидел, как лицо Учителя изменилось, точно затуманилось пеленой острой и пронизывающей грусти. И Иуде показалось, что на миг, нет, это продолжалось меньше мига, Учитель взглянул на него, и от этого взгляда резкая боль прожгла его, Иудино сердце.

Совсем тихо Он отвечал Матери. Он, кажется, сказал Ей о Своем часе. Этот час еще не пришел. И от этих слов Ее лицо покрылось смертельной бледностью, точно вспомнила Она о чем-то бесконечно страшном.

Они стояли рядом молча, такие похожие Друг на Друга в Своей красоте и в Своем страдании.

Но это продолжалось только миг. Может быть, все это только так показалось Иуде.

А затем Учитель уже обернулся к высоким водоносам и смотрел, как слуги наполняют их водою по Его слову.

И потом все видели, как в этих водоносах было вино вместо воды, такое красное, похожее на кровь.

Что сделалось с учениками тогда? Они пробовали вино, вырывая друг у друга, они смеялись и даже, кажется, плакали как дети, с гордым и ликующим торжеством, показывая друг другу на Учителя, не смея, однако, подойти к Нему слишком близко и рассказать о своем ликовании, как будто бы почувствовали сразу какую-то черту, которая легла в этот час между ними и Им.

А Учитель стоял на пороге спиной к горнице и смотрел на восток, где, разгоняя предутренний туман, восходящее солнце зажигало первые красные полосы, и кровавые отсветы ложились на Его лицо, руки и на складки длинных белых одежд.

Потом, уже значительно позже, видел Иуда эти тени грусти. Это было в незабываемый ни для него, ни для других апостолов день. Накануне этого дня Учитель не спал с ними вместе. С вечера Он ушел в горы, и они знали, что всю ночь проведет в молитве. Так поступал Он часто, особенно после дней, когда людей около Него было слишком много, или накануне других дней, отмеченных чем-нибудь особенным в Его служении.

Наутро, когда Он пришел к ожидавшей Его толпе, Он не стал беседовать. Став посредине, Он внимательно смотрел на собравшихся, останавливая иногда Свой пристальный взор на отдельных лицах. И тех, на кого Он так смотрел, Он потом называл по имени и знаком указывал им, чтобы они вышли из толпы и стали рядом с Ним. И сразу вся толпа поняла, что в эту минуту совершается что-то бесконечно значительное в жизни тех, чьи имена Он назвал, и, может быть, не только в их жизни. И все затаили дыхание, и каждый трепетно звал: «Не я ли?»

А Учитель медленно и громко называл избранных. Вот вышел покрасневший от волнения Петр, его брат Андрей, всегда радовавшийся воспоминанию, что он первый пошел за Учителем, вот молодые сыновья Зеведеевы: Иоанн и Иаков, а вон и Матфей, еще недавно сидевший у мытницы и собиравший подати.

Семь... десять... одиннадцать... Учитель остановился.

Иуда стоял в толпе, отделенный от Учителя спинами стоявших ближе. И сердце его замерло. Господи... зачем, зачем Он их выбирает? Может быть, Он хочет сделать из них первый легион, когда пойдет на Иерусалим, чтобы там воссесть на престоле Давидовом. Если так, то разве не знает

Он, разве не видит, что вот здесь в толпе стоит тот, кто готов, не раздумывая, отдать за Него свою жизнь, разве не знает о любви его, Иуды, о трепещущем сердце, о восторге, не престающем ни днем, ни в темной тишине ночи...

Пусть же Он возьмет его, Иуду, остановит на нем Свой выбор. Ведь все равно сердце его и жизнь принадлежат Учителю. А Учитель молчал... Казалось, Он находился в каком-то странном раздумье, и глаза Его были полужакрыты. Но вот Он поднял Свои длинные ресницы, и Его испытующий взгляд, скользя по лицам ждущей толпы, упал на лицо Иуды. На миг их глаза встретились, и во взоре Учителя увидел Иуда снова страшную печать той невыразимой грусти, что мелькнула там, в Кане; только теперь была она еще острее и нестерпимее. И Иуда затрепетал всем телом от ответной непонятной боли, от страха каких-то невыразимых предчувствий, от мысли, что чаша избрания не коснется его уст. Но как-то особенно внятно, в общем молчании, прозвучал тихий голос Учителя:

– Иуда.

В этот день его и одиннадцать других Он возвел на гору, там молился о них, возложил на них руки и назвал апостолами.

Когда же началась перемена? И что случилось?

Иуда силился вспомнить. Да, кажется, это началось после встречи с этим сумасшедшим стариком, с раввином Бен-Акибой.

Они с Учителем были тогда в Иудее, в Иерусалиме, на празднике Пасхи. Хотя Иудея для него, Иуды, родная, но с тех пор, как он ходит за Учителем, Галилея ему кажется роднее и ближе. Здесь, среди иудейских учителей, среди этих ученых раввинов и воспитанного ими народа, Учитель кажется совсем чужим, и Его слова звучат так странно. Здесь ведь и солнце светит иначе, иное небо, иные птицы и иные люди. Здесь нет этой восторженной галилейской толпы и, кажется, каждый, услышавший слово Учителя, прежде взвесит его на каких-то невидимых весах, посмотрит, пощупает, как товар руками, и потом только пустит в сердце.

Там, в Галилее, раввины только сомневались, вопрошали, недоумевали. Здесь они сразу ополчились решительно и определенно, как враги Учителя.

Иуда помнит их лица после той субботы, когда в Вифезде Учитель исцелил расслабленного. На этих лицах были не только гнев, но и ярость. Недаром среди учеников бродили страшные слухи – впервые было произнесено это слово о возможном убийстве Учителя, от которого Иуда содрогнулся.

И Учитель – Он никогда еще не был таким, как здесь, – с какою властью и с какою силой, какие непонятные, захватывающие дух слова Он говорил им:

«Отец Мой доньше делает, и Я делаю».

«Как Отец воскрешает мертвых и оживляет кого хочет».

«Как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе».

И потом, как последний, страшный приговор, как какое-то грозное пророчество: «Не знаю вас, вы не имеете в себе любви к Богу. Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня, а если иной придет во имя свое, его примете».

И вот там, в те дни, встретился Иуда с раввином Бен-Акибой. Иуда шел один по дороге, и когда увидел приближающуюся старческую фигуру с длинной седой бородой и развевающимися пейсами, то хотел свернуть с пути.

Но Бен-Акиба уже заметил его.

– Стой, – закричал, – куда ты идешь, Иуда Симонов? Ты, кажется, хочешь уйти, чтобы не встречаться со мною, старым другом твоего отца, покойного Симона? Ты уже не хочешь больше знать раввина Бен-Акибу? А разве не он, не Бен-Акиба, таскал тебя на руках, когда ты, еще маленький мальчик, уставал бродить около храма, куда тебя привели твои родители на праздник? Разве не Бен-Акиба толковал тебе, юноше, о Законе и открывал тебе тайну за тайной и премудрость за премудростью? Разве не с Бен-Акибой еще недавно, две пасхи назад, ты говорил так страстно о времени пришествия Мессии?

И теперь ты убегаешь от Бен-Акибы как от разбойника... О, я знаю, Кого это дело, и знаю, за Кем ты ходишь теперь день и ночь неотступно, вот уже много месяцев – Галилеянин! Галилеянин! Назарянин! Бедный, бедный Симон! Если бы он только знал, что будет с его сыном! Разве не знаешь ты, что, следуя за Назарянином, ты изменяешь Богу, отцам и народу? Не Он ли хочет разрушить великий храм отцов? Не Он ли оскверняет открыто субботу? Не Он ли привлекает необрезанных и превозносит их над нами? И не называет ли Он Сам Себя Богом и не хочет ли предать нас всех Своим безумием в руки римлян? Богохульник! Но нет, Он не уйдет от наших рук! И клянусь тебе, что старый Бен-Акиба еще увидит Его кровь, пролитую на земле. Этой старческой рукой я сам подниму камень, чтобы размозжить Ему голову. Или нет! Мы предадим Его римлянам, прежде чем Он успеет предать нас, и пусть солдаты-язычники пригвоздят ко кресту Его руки...

Вся кровь прилила Иуде к лицу. Но, делая страшное усилие над собой, сдавленным голосом он прервал поток отвратительных проклятий:

– Стой, старик. Ты, должно быть, не знаешь сам, о чем ты говоришь. Ты, вероятно, никогда не видел Учителя и не слышал Его слов. Иначе ты знал бы, что Он самый кроткий из людей, что Он

прекрасен, как утренняя восходящая звезда. Он проповедует любовь и учит о Боге-Отце. Он исцеляет больных и очищает прокаженных. От Него разбегаются бесы, и воскресенные из мертвых благословляют Бога.

Но Бен-Акиба заглушил его слова своим криком:

– Лжешь, лжешь ты, потому что и Он – лжец. Кроткий, любящий... Бог-Отец... Я не называю своего Бога Отцом, а зову Его Владыкой и Господином, но мой Бог добрее Его Бога, Он не хочет унижить, уничтожить и предать на позор Свой избранный народ. Он не преследует людей как Свою добычу. Он не требует от них невозможного. Он знает, что они слабы, и довольствуется принесением жертв и точным выполнением Закона. Он благословляет их не нищетой, а богатством, не одиночеством, а многочисленностью. Он – Бог любви, настоящей любви, от которой зажигаются очаги и зачинаются дети... А Его Бог? Не Бог жизни, а Бог смерти! Не Бог мира, а Бог исступления! Бог нищеты и страданий! Он хочет разметать домашние кровы. Он делает людей нищими, бездомными бродягами. Он хочет убить в них гордость и мужество, чтобы они стали рабами, молчали и покорствовались бы, когда их бьют по лицу... Он грозил неслыханными бедствиями Иудее и обещал гибель мира... Даже Своим избранныкам Он предрекает позор и муки... Ты говоришь, что Он исцеляет больных и воскрешает мертвых. Я не верю, ты слышишь, я не верю этой басне о воскрешении. Но пусть даже Он вернул какой-то вдове ее сына с погребального одра, зато сколько матерей Он лишил их детей, увлекши их за Собой и внеся раздор в семью, где царил покой. И разве не обесчленил Он Свою Мать и не покинул Свой дом и Своих сестер и братьев... Он освобождает бесноватых... Но разве Сам Он не бесноватый, и разве не вселил Он легион бесов во всех, кто теперь идет за Ним шаг за шагом, отказываясь от счастья и жизни. Он не человеколюбец, а человеконенавистник. Его Бог – Веельзевул, князь бесовский. И это его именем и его силой Он творит Свои чудодейства.

– Я говорю тебе, старик, что ты ничего не знаешь и потому безумствуешь. Тому, кто оставил ради Него свои жилища, Он обещает сотни кровов, тому, кто оставит мать – сотни матерей, и тому, кто оставит отца – сотни отцов.

– Сотни отцов! И это говорит сын Симона, покойного Симона, который любил своего ребенка как свою душу. Сотни отцов! Кто смеет сказать такое слово? Разве не тот твой отец, кто тебя носил в себе, как часть своей плоти? Разве не кощунство называть этим священным именем того, кого первым встретил ты на дороге. Нет,

так может говорить только тот, кто сам никогда не был отцом и кто не рожден от человека. Недаром про Него говорят, что у Него нет на земле отца. Я знаю, кто Его отец. Его Отец тот, кого Он проповедует нам как Бога. Его отец – дьявол.

Иуда уже не слушал дальше. Зажав уши и закрыв лицо ладонями, он хотел бежать, но Бен-Акиба схватил его за рукав, отводя его руки от глаз, приблизил к его лицу свое, ставшее вдруг из яростного сладострастным.

– А скажи, – почти прошипел он, – скажи, тому, кто оставил свою жену, ведь Учитель не обещал сто жен...

Но вместо ответа Иуда толкнул его в грудь с такой силой, что он полетел на землю, богохульствуя и проклиная.

С тех пор Учитель стал казаться Иуде более строгим и требовательным, чем раньше. Не то чтобы Он стал строже к Иуде, нет, но вообще к людям. А может быть, это Иуде показалось или он заметил то, чего не замечал раньше.

Ему вспоминается один случай. Это было в Галилее. Они проходили по селению и, когда приблизились к одному дому, оттуда слышали похоронные причитания и плач. Невдалеке от дома стояли двое. Один – еще юноша – был очень печален. Его звали Ионафан. Он часто бывал в толпе, слушавшей Учителя, и Иуда видел, как горели тогда его глаза. Но старый отец Ионафана, кажется, недолюбливал Учителя и препятствовал сыну сделаться Его постоянным учеником. Но почему он теперь плачет? Что значат эти погребальные звуки? Уж не умер ли его отец, и оттого он так печален?

Когда они приблизились, Учитель подошел к Ионафану и, посмотрев на него так, как Он только один умеет смотреть, сказал: «Следуй за Мной».

Ионафан весь просветлел от радости, сразу затопившей его горе. Он наклонился и поцеловал у Учителя край одежды. «Господи, позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего». Но Учитель отвечал спокойно и властно: «Иди за Мной и предоставь мертвым погребать своих мертвецов». На мгновение словно складки какой-то борьбы и усилия легли на лицо Ионафана... На лицах тех, кто был около Учителя, Иуда часто видел эту складку. Иногда она не сходила много дней, изменяя лицо человека. Она как будто знаменовала собой назревавшую решимость. Или человек пойдет за

Учителем по городам, и тогда расправится складка, озарив лицо лучами радости, или он уйдет совсем прочь. И тогда надолго, может быть навсегда, на нем будет лежать и от него падать какая-то новая, сгустившаяся тень.

Но Ионафан колебался недолго. Через минуту он присоединился к их толпе и шел с ними дальше... А за спиной раздавались жалобные погребальные причитания над мертвым отцом, оставленным сыном.

Он вспоминает случай с другим юношей, с тем богатым, который приехал к Учителю и привез с собой, кажется, целый караван сокровищ. Он лежал у ног Учителя и спрашивал Его о путях жизни вечной. Но Учитель отвечал на этот раз простой ссылкой на закон Моисеев. А когда юноша, волнуясь и почти плача, говорил, что это он знает с юности и ищет чего-то другого, более высокого и совершенного, глаза Учителя стали особенно ласковыми и любящими. Он молчал. Он как будто задерживал ответ, точно готовился сказать что-то, от чего вопрошающему будет очень больно, и медлил причинить эту боль. «Одного тебе недостает: пойди, все, что имеешь, продай и раздай нищим и будешь иметь сокровище на небесах. И приходи, последуй за Мной, взяв крест свой».

Так наконец отвечал Он. И все сразу тогда поняли ответ. Всем было ясно, что юноша не пожалеет своих сокровищ. Конечно, щедрой рукой готов он раздавать нищим и бедным. Но Учитель сказал: «Всё».

Это значит: завтра же он должен сбросить с себя богатые одежды и надеть такой же, как на них, простой хитон, оставить свой дом и с посохом переходить из города в город, стать бездомным и нищим, питаться подаяниями и получать кров по милости... Всё... И это «всё» была его жизнь, кровь его предков и его собственная, еще кипящая, юношеская кровь. И он стоял перед Учителем бледный, со знакомой

Иуде складкой на лице. А потом, не говоря ни слова, повернулся и пошел прочь. Все были охвачены ужасом. А Учитель смотрел вслед уходящему долгим и грустным взором.

Они шли по дороге: Учитель и ближайšie ученики. На краю дороги, в нескольких шагах, стоял маленький домик. На пороге сидел еще не старый чернобородый еврей, занятый каким-то ремеслом. Рядом высокая смуглая женщина с обнаженными выше локтей руками склонилась над скамьей, где были разложены овощи. А на дороге пред ними на желтом песке маленький ребенок, девочка с длинными вьющимися волосами, играл, перебирая камешки.

Учитель шел впереди и почти поравнялся с нею. Тогда она, поднявшись на маленькие, еще нетвердо ступающие ножки,

побежала к Нему навстречу, показывая Ему свои камешки и что-то доверчиво рассказывая.

Учитель остановился и низко наклонился к девочке. Его лицо было нежно, но Он не улыбался. И тем удивительнее была эта внимательная серьезность, с которой этот взрослый Человек, этот Великий Человек, Тот, Кто говорил о Себе – Сын Божий, «от начала Сущий», приклонился почти до земли, чтобы лучше расслышать и понять лепет этого тянущегося к Нему ребенка.

Потом они пошли дальше, а девочка, радуясь и смеясь, побежала к порогу, и сидевший там отец поднял ее одною рукою, а другой привлек мать, чтобы она полюбовалась общим сокровищем.

И совсем странная мысль, необычайная, мелькнула в сознании Иуды. А ведь вот у Него, у Учителя, никогда не будет Своих детей. Вот так будет ходить и ласкать тех, кого принесут к Нему или кто прибежит к Его коленям. Но ведь для Него дети – Его дети, и все дети Его – Отца Небесного...

Ну, вот и у Иуды тоже не будет детей... Почему? Ведь Учитель не запрещает иметь их? Не Он ли так нежен с ними? И не начал ли Он Своего служения с посещения бракосочетания там, в Кане? И так часто бывает Он в тихих семьях, принимающих Его так радушно. Иуда не слышал от Него запрещения и даже не говорил с Ним об этом...

Но в самом деле, может ли Иуда думать о семье, когда у него нет и не будет крова, когда впереди – постоянное странствование с Учителем, следование за Ним, наполняющее всю жизнь и отнимающее все силы. И как согласовать надежды о маленьком семейном угле и об уюте с участием в великом Божественном и грозящем такими опасностями служении? Вот Симон женат, но не живет ли он как оставивший жену?

Но откуда эти вопросы? Откуда эти мысли? Проклятый Бен-Акиба! Разве не счастлив Иуда? Разве не ощущает он величайшей радости освобождения от мелких, но вяжущих земных пут и разве не обладает вместе с Учителем и Отцом Небесным всей полнотой дарованного ему Их любовью мироздания?

Отчего же вдруг при виде этого маленького человеческого, может быть слишком человеческого, счастья острие какой-то непреодолимой тоски проникло ему в сердце?

Точно пахнуло на него чем-то далеким, унесенным из детства и захотелось уюта и какого-то иного тепла, иной ласки, иного покоя, не того, который обещает Учитель.

Они шли дальше, а Иуда все еще оборачивался и смотрел на удаляющийся домик, улыбающуюся женщину, что-то говорившего отца и смеющегося ребенка.

Потом Учитель говорил с фарисеями о браке. Они спрашивали Его о разводе, и Он отвечал: «Что Бог сочетал, того человек да не разлучает...», «...кто разведется с женою своею и женится на другой, тот прелюбодействует от нее; а если жена разведется с мужем своим и выйдет за другого, прелюбодействует...».

Фарисеи ушли, но ученики ужаснулись Его ответу. Он показался им противным не только прошлому, освященному веками, мудростью и верою, но и самой человеческой природе. Ни у их отцов, ни у учителей, ни у языческих мудрецов не существовало такого обычая. Казалось, муж и жена спаивались оковами, врезающимися в живое тело, и на них ложилась тяжесть, непосильная для человеческих плеч. Самое сладкое сделалось горьким, и самое манящее – страшным.

И кто-то из учеников произнес невольно: «Если такова обязанность человека к жене, то лучше и не жениться...»

А Учитель отвечал: «Не все вмещают слово это, но кому дано. Ибо есть скопцы, которые из чрева матерного родились так, а есть скопцы, которые оскотлены от людей. И есть скопцы, которые сами сделали себя скопцами для Царствия Небесного. Кто может вместить, да вместит...»

И слова эти показались тогда странной загадкой. К кому относится это «может вместить»? К тому ли, кто примет на себя бремя брака, какой Он, Учитель, признавал единственно возможным и благословенным от Бога, или к другим, к этим «скопцам» ради Царствия Небесного?

Что же благословляет Учитель последним благословением и где путь совершенный? Но где бы он ни был – торным и страшным показался он ученикам. А спросить Его больше боялись.

А в это время как раз пришли матери, принесли и привезли детей, чтобы Он благословил их, и воздух наполнился детским смехом и радостными голосами...

Но ученикам казалось, что это как раз не вовремя. Теперь, после разговора о браке, им не хотелось видеть детей и казалось, что они мешают Учителю. И ученики стали прогонять пришедших. Но Учитель остановил их. Он, казалось, хотел дать им почувствовать, что они не поняли чего-то самого главного в Его словах. И в Его лице, и в Его голосе был гнев, так редко Его посещавший... «Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царствие Небесное».

И Он возложил руки на маленькие головки, и колечки волос заплелись вокруг Его пальцев, и, подняв глаза к Небу, Он молился радостно и умиленно.

И все учения, все беседы Учителя стали теперь иными для Иуды. Точно самый голос Учителя изменился. Как будто в прозрачный звук серебра кто-то добавил стали. Прежде, каждый раз, когда Учитель говорил, казалось, будто Он срывает пригоршнями, целыми охапками длинные прозрачные благоуханные белые лилии. Сам весь белый, тонет в их белизне и потом бросает их в толпу, и все кругом становится белым, благоуханным – все: и природа, и люди сливаются в одно безграничное поле, заросшее лилиями.

И теперь лилии по-прежнему в руках Учителя. Но как будто бы на их тонких стеблях выросли колючие шипы, и каждый, кто принимает их и хочет насладиться их ароматом, ранит до крови и руки и лицо.

Учитель, впрочем, вовсе не скрывает этих шипов. Он часто Сам говорит об узком пути, по которому должны пройти Его последователи к вратам Царства. Он говорит, что Царство это достигается усилием: только употребляющие усилие его восхищают. Он открыто предвещает Своим последователям страдания, много страданий... Он часто упоминает о страшном, позорном и отвратительном орудии пытки и смерти – кресте – для Своих учеников, и им по временам кажется, что слова эти больше, чем простое сравнение.

Наконец, Он прямо требует от них, кто идет за Ним, чтобы они возненавидели своих отцов, матерей, жен, детей и, главное, и самое страшное, самую жизнь свою.

И Иуда знает, что требование это – не просто слова, потому что Учитель никогда не говорит только для того, чтобы говорить, и все слушающие знают, что каждое слово Его должно стать делом и в Его, и в их жизни. И оттого каждое слово звучит радостно и страшно...

И чем утонченнее и духовнее понимает Иуда эти слова о ненависти, тем страшнее они ему кажутся.

Иуда наблюдал за лицом Учителя. Выражение Его менялось, Иуда видел Его строгим, спокойным, внимательным, грустным, нежным, задумчивым, страшным, гневным, видел, как по нему текли слезы...

Но никогда, никогда не видел Иуда Учителя смеющимся. И даже никогда не замечал улыбки у краев прекрасных, тонких, ярко очерченных губ.

Иуда понял, что не он один где-то в самой своей сокровенной глубине изменился в своем отношении к Учителю.

Он увидел, что многие, кто шел за Учителем, теперь уже не ходят, другие, прежде такие восторженные, отдавшиеся Учителю сполна, хотя и по-прежнему сочувственны и даже благоговейны, но гораздо сдержаннее, осторожнее, точно боятся восторгаться и боятся не кого-нибудь извне, а боятся как будто самих себя.

Иуда любит посещать вместе с Учителем дома, в которые их приглашают. Ему нравится этот розовый ясный свет, который Учитель вносит с Собой в каждую горницу и от которого все кругом загорается и розовеет.

Его волнуют и бесконечно трогают эти восторженно-умиленные лица растерявшихся от радости хозяев, эти простые слова и эта простая вера...

Иуда любит заходить в эти дома, где он побывал с Учителем, потом наедине.

Посещение Учителем всегда остается незабвенным и неизгладимым. Но различно Его влияние на различные человеческие души.

Для одних воспоминание о посещении становится источником непрекращающейся радости. Что-то меняется в их душе, в их жизни, в самом их доме. Как будто что-то большое и светлое родилось в них в этот день, и с каждым шагом это что-то все растет и ширится, заполняет жизнь, как разлитое ароматное миро.

Ну а с другими бывает все иначе. Они как будто не любят даже вспоминать о дне посещения, хотя иногда отзываются и хорошо об Учителе... Кажется, и для них этот день был не случайным. Но это – день, когда что-то не родилось, а умерло в их жизни. Они что-то навеки потеряли в своем старом мире и в своем старом покое, но все-таки не хотят с ним проститься. И розовый свет посещения стал в них и вокруг них густою, непрозрачною тенью.

Иуде кажется, что в отношении к Учителю есть какая-то роковая черта. До этой черты все обыкновенно идут общим путем, а здесь, у этой черты, расходятся. За ней как будто начинается то сокровенное, что носит Учитель в самой глубине Своего сердца, за ней лежит совершенный дар, уготованный Им для мира и человека.

Но чтобы перейти эту черту, надо что-то отложить от себя, снять какие-то покровы, обнажиться. И покровы-то, кажется, ветхие, но они плотно пристали к коже, и, отдирая их, пожалуй, кусками будешь отдиирать мясо.

Или иначе приходящий к этой черте точно стоит у берега прозрачной, светлой реки в палящий полдень. Тому, кто не привык

плавать, войти в воду страшно. Холодом охватит все тело, будешь задыхаться и будет казаться, что тонешь.

Ну а если поплывешь, какая прохлада, какая благодать.

Когда люди у этой черты – это самый страшный миг их жизни.

Тогда ложится на их лица та знакомая складка. И никогда, никогда она не исчезнет с лица бесследно: или радость – или тоска, или свет – или мрак от нее на всю жизнь...

Может, лучше совсем никогда не подходить к этой черте...

Ведь есть люди, и как много их, которые о ней совсем даже не знают...

И есть преступившие... О некоторых Иуда наверное знает, что они преступили.

Вот Симон, кажется, переступил. А Иоанн Зеведеев переступил наверное. Он уже не вернется назад, и какое у него спокойное и радостное лицо.

Ну а он, Иуда?

Он подходил к самой черте.

Он как будто глядел туда, за эту черту, и у него кружилась голова и захватывало дыхание.

Но вот она лежит пред ним, невидимая, но осязаемая, более тонкая, чем волосок паутины.

Так тонка и так непреодолима.

Недаром первое чудо совершил Учитель там, в Кане, на бракосочетании... С тайной брака непонятными узами связано Его служение. Ведь вот и Иоанн Креститель называл Его Женихом, радующимся о Своей Невесте.

И Сам Он часто говорил о таинственном брачном пире. Недавно фарисеи упрекали Его за то, что Его ученики не постятся. Но Он отвечал им: «Могут ли поститься сыны чертога брачного, пока с ними Жених?»

И Он сравнивал Свое учение с молодым бурлящим вином, разрывающим обветшавшие мехи.

А Иуде что-то подступало к горлу, так хотелось плакать. Он не знал только, от радостного восторга или от тоски...

Старый раввин Бен-Акиб, видимо, делает свое дело... Он, конечно, не одному Иуде говорил свои страшные слова об Учителе.

Теперь уже фарисеи, точно сговорившись, повторяют, что Учитель не друг, а враг Иегове... Мудрый, добрый, старый Бог Иудеи ревнив и строг в исполнении законов, но требует от людей для Себя законной десятины и точности в исполнении обряда, а в остальном предоставляет широкое поле человеческой свободе. Обрезание –

для Него, но обрезанная плоть остается плотью и может жить по своему закону.

А Учитель? Он снисходителен к нарушающим законную форму и не сохраняющим субботу, но Его слова, обжигая, обращают в пепел самую сердцевину жизни. Проникая в душу с нежной лаской, они становятся там страшными и неумолимыми.

Учитель – одержимый, вышедший из себя, бесноватый. Он служит Веельзевулу, его проповедует, его именем совершает чудеса.

Об этом говорят теперь так много, и это утверждают ученейшие. А недавно, когда Он сидел в одном доме, окруженный народом, и учил, к Нему пришли Мать и братья Его. И они тоже слышали, что Он вышел из себя, и хотели увести Его. Но, когда Ему сказали об этом, Он спросил:

– Кто Мать Моя и братья Мои? – И, осмотрев сидящих вокруг, говорит: – Вот мать Моя и братья Мои, ибо кто будет исполнять волю Божию, тот Мне брат и сестра и мать.

И ближние Его ушли, не увидев Его...

Теперь все чувствуют, что между Ним и учителями Иудеи легла непроходимая пропасть. Не Он начал войну, но Он принял вызов. Какие страшные слова сказал Он недавно. Он, прощавший самых ужасных, самых нестерпимых грешников, велевший прощать не до семи, но до семидесяти семижды семи раз, Он говорил о грехе, вовеки не прощаемом: «Будут прощены, – говорил Он, – Сыном Человеческим все грехи и хуления, какими бы ни хулили, но кто будет хулить Духа Святаго, тому не будет прощения вовеки, но подлежит он вечному осуждению».

И все поняли, что говорит Он о них, о фарисеях, восставших на самый дух Его учения и жизни.

И если они называли Его бесноватым, а дух Его – веельзевуловым, то Он, кажется, считал их одержимыми и думал, что они служат не Богу, а сатане.

Он говорит, что, когда злой дух выйдет из человека, он блуждает по безводным местам, ища покоя и не находя. И тогда возвращается в дом, откуда вышел. И, найдя его незанятым, выметенным и убранным, идет и берет с собой семь других духов, злейших себя, и они, вошедши, живут там, и бывает для человека того последнее хуже первого. Так будет и с этим злым родом.

И ученики поняли, что Он говорил об учителях и о народе, послушном им. Это от них отошел дух нечистый, когда Он, Учитель, подошел к ним, со святыней своего Святаго Духа. Но они не восхотели Его принять. И вот вернулся к ним сатана с семью злейшими, возбуждая их к ненависти и хуле.

И теперь борьба неизбежна. И борьба эта не на жизнь, а на смерть. И кто-то должен погибнуть. Кто истинный Бог? Их ли Бог, обряда и Закона, старый Бог, не требующий разрушения их мирного, теплого и уютного царствия плоти, или Его Бог, ради Которого должен человек отречься от всего, что он имеет, и от самой жизни своей.

Если один – Бог, то другой – сатана. И если один восторжествует – то другой должен рассыпаться в прах.

Учитель как будто даже не хочет говорить для фарисеев и тех, кто с ними.

Он говорит о них словами пророка – «огрубело сердце людей сих, и ушами еле слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их».

Он облакает Свое учение в форму иносказаний и притч, непонятных для непосвященных.

Своим ученикам наедине Он разъясняет сокровенный смысл.

Он говорит теперь о Царствии Божиим, и Его слова так необычайны. Проповедуемое Им Царство так не похоже на то, о котором толкуют раввины. Оно так далеко от всего, что кругом, что видят глаза и осязают руки. Оно точно совсем в ином мире. И вместе с тем иногда, когда они слушают, оно кажется совсем близким, как будто бы оно вот здесь, под сердцем.

Тогда Учитель говорит: «Царствие Божие внутри вас есть».

Смотрели на закат, все небо пылало, точно совершился там какой-то исполинский пожар.

Учитель был грустен.

И, смотря на небесное зарево, Он говорил тоже об огне:

«Огонь пришел Я низвести на землю. О, как желал бы Я, чтобы он скорее возгорелся!»

«Крещением должен Я креститься: и как Я томлюсь, пока сие совершится...»

«Не думайте, что Я пришел принести мир на землю, но меч».

Иуда часто видел во сне Учителя. И раньше это были такие радостные сны. Учитель приходил и нежно склонялся над его изголовьем.

Но страшный сон видел Иуда недавно. Снилось ему, что он не человек, а какое-то необыкновенное существо, наполовину человек, а наполовину – зверь, как вот те страшные изваяния с лицом

человека и с туловищем животных, которым, как слышал он, поклоняются в Египте.

Звериное мясо покрыто шерстью – там, снизу. Но оно растет, постепенно покрывает его тело, и того и гляди покроет и голову, и тогда из человека станет он чудовищем, бессмысленным и страшным. Он не один, кругом него много таких же, как он, и все они копошатся на дне какой-то пропасти.

А наверху, на уступе, стоит Учитель, как всегда, весь в белом, и еще белее кажется от падающих на Него солнечных лучей.

У Него в руках меч, длинный-длинный, почти в длину человеческого роста. Обеими руками держит Он рукоять и опирается на нее подбородком.

Он бесконечно грустен.

Нижней части лица не видно.

Глаза закрыты, и из-под опущенных ресниц медленно, одна за другой, текут слезы...

А руки, кажется, ранены или даже проткнуты насквозь, и по рукояти и по лезвию струится кровь.

И вот Иуда знает, что меч Учителя должен коснуться его тела, Он отсечет от него нарастающее звериное мясо. Будет больно, может быть, очень больно, но в этом и только в этом спасение от страшной и отвратительной гибели.

Так будет и с другими. Меч коснется всех тел и пройдет туда, в самую глубину земли, откуда рождается и ползет эта звериность.

И все хотят этого, все ждут хотя и со страхом, но и с радостью. Но вот Иуда узнаёт близко от себя раввина Бен-Акибу. Тот уже почти совсем зарос звериным телом, видно только еще окруженное отовсюду мясом и шерстью лицо.

И вот он хулит Учителя. Он говорит всем, что копошиться всем здесь хорошо и тепло, а меч не исцелит, он убьет их, и в нем не спасение, а смерть.

Надо, говорит, пока еще не поздно, вырвать меч и сразить им Стоящего наверху.

И с ужасом замечает Иуда, как будто все окружающие его полужвери соглашаются с Бен-Акибой. Шепотом, осторожно, еще боясь, они выражают ему одобрение.

И вот все взоры обращаются на Иуду. Он обреченный, он должен повиноваться. Это он убьет... Учителя, это – неизбежно. Вот он сейчас будет карабкаться по скользким отвесным стенам, с силой вырвет у Учителя меч, Учитель не будет защищаться.

Он вонзит нож в самое сердце. И алая кровь хлынет на белые одежды.

Так будет через миг.

А сейчас Учитель стоит, склонив голову на рукоять, и медленно текут слезы, сливаясь на руках с кровавыми струйками...

Когда Иуда проснулся, он чувствовал сильную боль в левом боку, около сердца.

Учитель послал учеников на проповедь.

Иуда вместе с Симоном Зилоном, теперь уже без Учителя, переходит из города в город, благовествуя об исполняющихся обетованиях.

Его поразили слова какого-то насмешника, кажется из необрезанных: «Ты вот все говоришь о Боге, но я не видел ни одного человека, который бы видел Бога и знал Бога. Один ссылается на другого. Никто ничего не знает и не видит, но убеждает сам себя, что видит и знает другой... этот самообман люди называют верою...»

А он, Иуда, видел Бога?

Он видел Учителя.

В самом деле, кто такой Учитель?

Ученики уверены, что Он – Мессия.

Но ведь Мессия и по учению раввинов, и как будто даже по Писанию должен быть могущественным царем. Он – бездомный нищий. Ученики думают, что эта нищета призрачна и что настанет миг, когда на смену ей придут богатство и власть. Но Сам Он как будто думает иначе. Он, кажется, не хочет прощаться со Своей нищетой. И тем не менее Он не возражает тем, кто считает Его Мессией.

Мало того... Он, по-видимому, не удовлетворяется этим.

Когда Он говорит о Боге, грани между Ним и Богом стираются. Бога Он называет Отцом, а Себя – Сыном.

Но как видно из Его слов, и в Его чувстве и в Его мысли Сын и Отец – одно.

Он – Бог.

Когда Иуда видит Его лицо и слышит Его слова, он не может спрашивать и сомневаться. Он верит всему. Но теперь, когда он впервые после многих месяцев не видел Учителя, эта мысль кажется ему нестерпимой.

Он – Бог.

Иуда вспоминает, как он, Иуда, молился в Иерусалимском храме еще юношей. Под высокими стенами, в широких, почти необозримых просторах, точно затерявшимся.

Бог казался ему тогда безмерно громадным. Он слышал, что Бог являлся Моисею на Синае в огне, пламени и буре. Под страхом

смерти ни животное, ни человек не смели приблизиться к пылавшей горе. Когда Моисей сошел с горы, никто не мог выдержать силы исходящих от его лица отблесков Славы Господней.

И этот Человек в длинной белой одежде, с почти лиловыми от загара руками, нищий и бездомный, окруженный толпой больных и отверженных, Он – Бог?

Но разве Бог одевается в человеческие одежды и ходит на двух ногах?

Он любит Учителя, но иногда ему бывает Его просто жалко.

Когда вечером, утомленный толпой, Он оставляет учеников и уходит на всю ночь в горы молиться, Иуда Его жалеет. Этот Человек, всегда окруженный людьми, расточающий бесчисленные благодеяния и вызывающий как будто восторженную любовь, – Он кажется иногда бесконечно одиноким.

Ведь вся эта толпа несет к Нему свою боль и свои скорби, и никто не спросит Его, отчего такая грусть у Него во взоре... Никто даже не замечает этого. Точно Он существует только для них. От Него всего можно требовать, ничего не давая.

А ближайšie ученики... Но между ними и Им лежит какая-то грань, которую ни они, ни Он никогда не переступают. Недаром они так часто Его боятся и так плохо понимают Его слова, а Он никогда не говорит им о самом сокровенном. И Иуде кажется, что Учитель скорбит смертельно о Своем одиночестве, несмотря на то что, по Его словам, с Ним всегда Отец Небесный.

И Иуде жалко Учителя.

Но разве можно жалеть Бога?

Он – Сын Божий. Он – Бог сокровенный...

Но если так, то почему хоть на миг Он не откроет Своего лица хотя бы им, отдавшимя Ему беззаветно? Почему Он не покажет им Бога в Себе или вне Себя, явно, лицом к лицу?..

Всюду покровы, всюду тайна!

И почему Он не обнаружит Своей Божественной силы?

...Он творит чудеса.

Но вот теперь он сам, Иуда, тоже творит чудеса. Конечно, его чудеса меньше чудес Учителя, но все-таки и он исцеляет больных и поднимает с одра расслабленных.

Да, может быть, творить чудеса вовсе не так трудно. Для этого достаточно, может быть, знать имя, которое хранится в секрете... Да притом, какие же это чудеса для Бога?

Не надо много чудес.

Пусть Он сотворит одно, но такое, чтобы потряслись земля и небо и чтобы, растерянные и побежденные, упали во прах все противящиеся Его слову...

Он требует всего от человека... Но Сам Он только обещает. Он ничего не дает в залог, по крайней мере ничего такого, что можно было бы увидеть глазами и ощупать руками.

Хотя бы что-нибудь такое, во что не надо было бы верить, что можно было бы знать. Главное – знать наверное.

Все, все висит в воздухе без опоры.

Выбор страшен.

Ведь надо отдать то, что и руками можно ощупать, и глазами увидеть, и ощутить всем телом. Надо отдать жизнь.

А ведь живет человек только однажды.

День возвращения учеников к Учителю был днем светлой радости. После разлуки, показавшейся такой долгой, снова видели Его лицо, слышали Его голос, касались Его рук.

Все спешили рассказать Ему о всем виденном и слышанном, радовались как дети, чувствуя в себе новые творческие силы, сознавая себя причастными к какому-то нечеловеческому могуществу.

Иуда, охваченный общим настроением, тоже радовался, забыв о своих сомнениях и о своей муке.

И Учитель был радостен.

Ласково смотрел Он на учеников, а потом поднял взор к небу и стал молиться.

И молитва Его звучала силой и восторгом.

«Славлю Тебе, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил это от мудрых и разумных и открыл младенцам.

Ей, Отче, ибо таково было Твое благоволение».

И, обратившись к ученикам, Он назвал их блаженными.

«Многие пророки и цари, – говорил Он, – желали видеть то, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышали, и не слышали...»

Но потом опять знакомая грусть легла на Его лицо.

«Я, – сказал Он, – видел сатану, спадшего с неба как молния».

Иуда вздрогнул, ему показалось, что где-то совсем рядом с ним огромная темная тень, черная тень...

А Учитель, обращаясь к народу, призывал трудящихся и обремененных, обещая дать им покой и возложить на них благое иго и легкое бремя.

Ночью плыли по морю... Учитель с вечера отослал их, остался на берегу с народом, а потом, вероятно, ушел в горы молиться.

Они были одни...

Поднималась буря. Прямо в лицо дул сильный ветер, и глухо волновалось море...

В лодке было одиноко и страшно...

Но вот там, на волнах морских, заметили они какой-то белый отсвет. Точно столб морских брызг, сияющих в лунном свете, или какое-то белое облако двигалось к их лодке.

Вот ближе и ближе призрак.

Вот он уже почти поравнялся с ними, так похожий на Учителя своей лучистой белизной.

Как будто хочет миновать их, устремляясь к невидимой дали...

Тогда они закричали от ужаса.

Он обернулся, и прозвучал сквозь гул морской бури знакомый голос, похожий на звук серебряной трубы Иерусалимского храма, сзывающий на молитву:

«Это Я, не бойтесь».

И Петр, восторженный и страстный, как всегда, вскочил в лодке.

«Господи, если это Ты, то повели мне прийти к Тебе по воде...»

И Он сказал: «Иди».

И вот, затаив дыхание, точно во сне, видят они невероятное видение.

Тихо двигается, белый как свет, Учитель, и навстречу Ему идет Петр, тяжело ступая по воде как по ровной Галилейской дороге.

Вдруг случилось что-то страшное...

Точно подломилось что-то под Петром, и он рухнул всем телом туда, в холодную бездонную глубину, крича нечеловеческим голосом о помощи.

Но Учитель протянул ему руку, и через минуту они были в лодке среди онемевших учеников.

Петр, смешной и растерянный, испуганный и радостный, выжимал намокшие одежды.

Учитель сел на корму, посмотрел на него и сказал в наступившей сразу ясной и спокойной тишине:

– Маловерный! Зачем ты усомнился?

На другой день они были в Капернауме, в синагоге. Сначала синагога была пуста, и они были почти одни.

Но потом сразу нахлынула толпа.

Это были люди с другого берега, и народ искал Учителя.

Люди входили целыми толпами и громко выражали удивление: как это Учитель перебрался сюда, когда, кажется, не было лодок на берегу. Вскоре в синагоге были заняты не только все скамейки, но и все проходы. Люди теснили друг друга, нагромождались даже на окна.

Казалось, все ждали чего-то необычного. И Иуда тоже ждал... Он был весь под впечатлением ночного видения и события предшествующего дня. Ведь накануне Учитель наплатил пятью хлебами пять тысяч, и Иуда слышал в толпе восторженные и упорные голоса о том, что Его надо провозгласить Царем Иудейским. Теперь эта возбужденная толпа пришла сюда.

Не пришел ли час, ЕГО час, о котором ОН говорил?

Может быть, сейчас Он откроет им всю полноту Своей Божественности, сотворит знамение, которого еще никогда не видели, и народ поведет Его к престолу Давида, преклоняясь и ликуя. Все ждали...

И вот Учитель начал говорить...

Но как не соответствовали Его слова общему ожиданию!

Он говорил властно, как Обличитель:

«Истинно, истинно говорю вам, вы ищите Меня не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились.

Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий, ибо на Нем положил печать Свою Отец, Бог...

Хлеб Божий есть Тот, Который сходит с небес и дает жизнь миру. Я есть Хлеб жизни, приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда.

Но Я сказал вам, что вы и видели Меня и не веруете.

Все, что дает Мне Отец, ко Мне придет, и приходящего ко Мне не изгоню вон...»

И чем дальше, тем Его слова становились необычайнее:

«...Я Хлеб жизни, сшедший с небес: ядущий хлеб сей, будет жить вовеки. Хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира...

Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни.

Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день.

Ибо Плоть Моя истинно есть пища и Кровь Моя истинно есть питье».

Толпа слушала Его изумленно. Одни перебивали Его и хотели обратить Его речь к чему-нибудь более понятному, необходимому.

Другие громко смеялись и показывали на Него пальцами. Некоторые, ругаясь и отплевываясь, уходили из синагоги. Но большинство, кажется, просто скучало.

Многие громко говорили друг с другом о посторонних и маловажных вещах.

Но Иуда слушал, затаив дыхание...

Ему казалось, что он понимает и то, что совершается кругом, и то, что, может быть, самое главное в словах Учителя.

Все эти пришедшие – в большинстве своем простые, грубые люди. Вся жизнь их проходит в тяжелом однообразном труде. Здесь много поденщиков, которые каждый день гнут спину из-за неверного куска хлеба. У многих, почти у всех, дома кричат маленькие дети, прося пищи. И вот они услышали об Учителе. Он показался им милостивым. Может быть, Он сжалится над ними. Вчерашний день показал, что без всякого труда Он может напитать их в таком множестве.

Они не просят о многом. Они хотят хлеба. Пусть все будут сыты. И тогда они будут свободны и не пойдут на поденную работу. Но вместо хлеба, которого они просили, Он отдавал им Кровь Своего сердца.

Он стоял там, впереди, и протягивал руки к ним. Белым сияющим видением Своего образа, Божественной красотой Своего лица Он хотел пленить их так, чтобы они забыли о своей нужде и о своем горе и пошли за Ним, освобожденные неизреченным даром Его любви.

И был миг, когда Иуда готов был ринуться к Нему и отдать Ему свое сердце, в последний раз, навсегда и безвозвратно.

Но прошла минута, и он почувствовал, что он не с Ним, а с ними, с этой не слушающей и не хотящей слушать толпой.

Как и они, хочет хлеба и знамения.

Когда Учитель кончил, синагога почти опустела.

Многие, даже и из тех, кто считался постоянными Его учениками, махнув рукой, уходили, и видно было, что безвозвратно.

Учитель осмотрелся кругом. Казалось, Он только теперь заметил пустоту.

И, переводя глаза на двенадцать, Он спросил:

– Не хотите ли и вы отойти?

Но Петр, точно опьяненный восторгом, воскликнул:

– Господи! Куда нам идти? У Тебя глаголы жизни вечной!

А Учитель сказал совсем тихо:

– Не двенадцать ли вас избрал Я? Но один из вас – диавол.

Иуда почувствовал, что тонкое холодное острие прикоснулось к его телу и прошло туда, в самую глубину сердца.

Шли по Галилее. Учитель задержался в одном селении, а Иуда ушел вперед и теперь возвращался навстречу Учителю.

Вдруг он услышал пронзительный детский крик. Недалеко от дороги увидел он женщину. Наклонившись, она была ребенка, мальчика, по обнаженной спине. Иуда остановился как вкопанный и смотрел. Но мальчик вырвался от матери и бросился к Иуде, явно ища у него защиты.

И тут случилось что-то странное. Сорвав с себя толстую веревку пояса и охватив мальчика, Иуда стал бить его дико и иступленно, с яростью и наслаждением. И звуки ударов сливались с детскими воплями.

Это продолжалось всего несколько мгновений, так что растерявшаяся мать не успела подойти.

Иуда поднял голову и далеко на горизонте увидел развевающиеся белые воскрылия. Он выпустил мальчика и, закрыв лицо руками, заплакал отрывистым, похожим на лай плачем.

Фарисеи опять требовали от Него знамения. Они обступили Его и спрашивали, долго ли Он будет держать их в недоумении?

Казалось, на этот раз они говорят серьезно, и нужно немного, чтобы они поверили.

Но Он отвечал:

«Род лукавый и прелюбодейный знамения ищет, и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы Пророка». И, оставив их, отошел.

Что же это за знамение? Знамение Ионы Пророка или знамение Сына Человеческого, как Он говорит иногда?

Может быть, какое-нибудь еще неслыханное чудо, которое Он таит и не открывает?

Когда были на пути к Кесарии Филипповой, Учитель спрашивал учеников, за кого почитают Его люди. И они отвечали – одни за Иоанна Крестителя, другие – за Илию, а иные – за Иеремию или за одного из Пророков.

Учитель спросил: «А вы за кого почитаете Меня?»

И тогда Петр, точно охваченный каким-то вдохновением, воскликнул:

«Ты – Христос, Сын Бога Живаго».

Учитель возложил на него Свои руки.

«Блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на Небесах. И Я говорю тебе:

ты Петр, и на сем камне Я создам Церковь Свою, и врата ада не одолеют Ее».

И ученики радовались, им казалось, что они наконец обрели то, чего так долго искали.

Они знают, Кто их Учитель. Они неотступно пойдут за Ним путями Его славы.

Но, как это бывало около Него, радость сменялась грустью.

Он начал опять говорить им, и, кажется, еще никогда Он не говорил так.

От Его слов они побледнели, и холод пробежал по их телам. Он говорил, что все они пойдут в Иерусалим и там надлежит Ему много пострадать от старейшин и первосвященников и книжников и быть убиту, и в третий день воскреснуть.

Смущенные, они молчали и не смели спрашивать.

Но Петр, кажется, от недавнего одобрения Учителя стал слишком смелым. Раньше он, вероятно, не посмел бы сделать того, что сделал. Он отвел Учителя в сторону и, заикаясь и путаясь, хватая Его за руки, умолял Его: «Будь милостив к Себе, Господи! Да не будет этого с Тобою!»

Но Учитель, обратившись, громко сказал ему:

«Отойди от Меня, сатана! Ты Мне соблазн, потому что думаешь не о том, что Божие, но человеческое!»

И Иуде почудилось, что опять черная тень упала где-то близко. Учитель вместе с Петром и учениками подошел к толпе, от которой они ушли вперед.

И Он начал говорить так, что слышно было далеко, в самых последних рядах:

«Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мной.

Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее.

Ибо какая польза человеку, если приобретет весь мир, а душе своей повредит.

Или какой выкуп даст человек за душу свою. Ибо кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда при-идет во Славе Отца Своего со святыми Ангелами».

И Он говорил о человеке, начавшем сооружать башню и не вычислившем предварительно издержек. Он не окончил стройку, и над ним будут смеяться, говоря: «Этот человек начал строить и не мог окончить».

«Так, – говорил Он, – всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником».

И Иуде казалось, что человек, о котором говорит Учитель, – он и что он не кончит своей башни.

С этого дня все чаще стал говорить Учитель о готовившемся для Него позоре и о грозящей Ему смерти.

И от этих слов у учеников мутилось в глазах и сердце сжималось в мучительном ужасе.

Иуде снился сон.

Он, Иуда, лежит с другими учениками на громадной, головокружительной высоте.

Все они облачены и соединены одной общей белой и легкой светящейся тканью. Плотью. И это Плоть, о которой говорил Учитель в Капернауме.

У них нет крыльев, но реющие и пронизывающие воздух лучи делают их полет свободным и легким.

Но вдруг Иуда на миг посмотрел вниз, в пространство, над которым пролетали.

Там, где-то в глубине, он увидел черную точку и узнал, почувствовал, что эта черная точка – маленький виноградник, родовое наследие отцов, которое он бросил, как пошел за Учителем. И на мгновенье, только на мгновенье, точно сожаление об этом винограднике, о воспоминаниях, связанных с ним, кольнуло его в сердце...

Это было мгновение, но за это мгновение случилась катастрофа. Он чувствует, как что-то оборвалось, и он уже не летит, а спускается с ужасающей быстротой в пустую темную бездну.

Лучи уже не держат его, и их нет в окружающей тьме.

А за спиной его – сломанные ветром крылья, и их поломанные перепонки, болтаясь, бьют его по голове и лицу.

Иуда проснулся.

...И опять снилось Иуде.

Он лежит на краю какой-то дороги. Там близко Учитель, радостный, нежный и светлый, такой же любимый, как тогда, в первые дни в Галилее.

Ему нужно сделать одно движение, и они будут вместе. Все станет простым, понятным, ясным, и никто и ничто никогда не разлучит их. Но вот Иуда чувствует, что совсем рядом с ним, с той стороны, где Учитель, начинает подниматься стена, Иуда силится отодвинуть ее, свалить. Стена мягкая, точно из каких-то шелковистых тканей, руки тонут в ней, но она растет и остается недвижимой.

Вот это уже не стена. Иуда уже в какой-то комнате, и мягкие стены со всех сторон обступают его, а сверху совсем низко нависает полог. И какой-то удушливый аромат разлит в воздухе и нежит тело. И сладко чувствует Иуда, что это уже не стена рядом с ним, а обнаженное тело женщины.

На другой день, рано утром, Иуда оставил Учителя.

Опять, теперь уже совсем один, пошел он по песчаным дорогам. Радостное чувство свободы наполняло его душу. Прежде он радовался свободе с Учителем, теперь свободе от Учителя. Ему казалось, что он нашел то, что потерял с Учителем, самого себя, настоящего Иуду. Точно стертые этими двумя последними годами черты снова отчетливо выступили.

В самом деле, ведь те, которые с Учителем, совсем меняются, теряют себя, становятся другими.

Вот Иоанн Зеведеев... Иуда помнит, что Иоанн был прежде вспыльчивым и гневным, а теперь чем дальше, тем как-то становится тише и все более похож на Учителя, даже лицом, если только кто-нибудь может быть похожим на Учителя...

Пожалуй, так изменился бы и он, Иуда, если бы... если бы не случилось того, что случилось.

С удовольствием останавливался Иуда и беседовал со встречными или с обитателями домиков, попадавшихся на пути. Ему было приятно говорить с ними о совсем простых, обыкновенных вещах и чувствовать, что у них есть своя жизнь, вовсе не зависящая от того, чем живет и чему учит Учитель.

Многие даже вовсе не знали о Нем.

И Иуде казалось, что пред ним открывается и обвеивает его теплом и уютом новый мир, где легко и не страшно.

Первую ночь Иуда ночевал где-то в пути, а поздно вечером второго дня пред ним на склоне дороги раскинулся его виноградник с домиком, стоящим внутри.

Сердце его задрожало... Но когда он подошел к наполовину разломанной ограде, страшная картина разрушения открылась пред его взором.

Не только все было запущено, заросло и одичало.

Нет, видно, кто-то хозяйничал здесь грабительски и злобно. Выращенные руками отцов и дедов лозы были поломаны, и многие вырваны с корнями.

Заросшим травой бездорожьем прошел Иуда к дому. И там было то же самое. Двери были открыты настежь. Из комнат, казалось, все

было взято, и только по углам кое-где валялись какие-то обломки. Иуда вышел на крыльцо и остановился.

Никогда еще родной виноградник не казался ему таким дорогим и желанным... Сердце его ныло, и казалось, что в сгущавшихся сумерках встают, смотрят на него с укором и недовольно шепчутся тени мертвых, принесших когда-то на это место столько труда и любовной заботы.

Куда пойдет он теперь, где проведет эту ночь и другие долгие ночи?

И вдруг внезапная мысль прорезала его сознание. Он увидел огонек в окне близлежащего домика. Он вспомнил. Это дом той женщины, к которой ходило, и ходит, вероятно, и теперь, много мужчин молодых и немолодых.

Когда она однажды, проходя мимо, коснулась Иуды краем своей одежды, он отвечал ей проклятием.

Когда-то он мечтал о прекрасной Ревекке или Рахили, которую он введет под свой кров, отдав ей свою непорочность.

Теперь у него нет своего крова... Смятый, поломанный и точно оскверненный, смотрит на него виноградник торчащими палками сучьев.

И он сам, Иуда, тоже смят и поломан, как этот виноградник.

Не ему мечтать теперь о Рахили.

Пусть же она, эта продажная женщина, возьмет порыв его первой безумной страсти и его так свято и с таким трудом хранимую девственность.

И пусть проклятие его греха, как и проклятие всей его загубленной жизни, падет на Того, Кто его соблазнил.

Он быстро пошел туда, к манящему огоньку, и скрылся за порогом...

Утром, несколько дней спустя, Иуда стоял около своего дома... Все ночи теперь он проводил там, в том доме рядом, а все дни здесь – у себя. Он работал много и многое сделал. Конечно, от былого богатства не осталось и следа, но виноградник уже не имел такого печального вида, и дом не казался таким пустым.

И теперь он тоже работал, подчищая и выпрямляя лозы.

К нему подошел и поздоровался высокий худой еврей.

Это был Руввим, один из его соседей, с которым он еще не встречался по возвращении.

«Что, Иуда, работаешь, – говорил он, – давненько тебя здесь не было. Ты, кажется, был все с Тем Назарянином. А хозяйство твое порядком порасстроилось. Я даже не знаю, когда ты теперь

соберешь урожай с виноградника. Я думаю, тебе хорошо бы было нанять работника».

И он давал советы и указания.

«А знаешь, – продолжал он, – ведь я два дня назад видел Этого Назарянина. Я ведь только приехал. Он все по-прежнему ходит и учит. И что бы там ни говорили раввины, а хорошо говорит Этот Человек. Когда я Его слушал, Он говорил о каком-то браке или брачном пире. Видишь ли, царь устроил пир для своего сына. И созвал гостей. Только гости не захотели прийти. Все оказались заняты, и у каждого нашлась отговорка. Один женился как раз в тот вечер, другой торговал, третий купил землю и должен был ее осмотреть. И никто, никто из гостей не пришел. Долго ждал царь. Долго нетронутыми стояли яства, а он все подходил к окнам и смотрел на дорогу. Вот уже и звезды зажглись на небе, все никого нет. И увидел царь, что не придут гости. И разгневался, и опечалился сильно. И послал своих слуг на улицы, переулки, распутье, чтобы они позвали и привели всех, кого найдут – нищих, калек и убогих. И заполнился пир возлежащими. Вошел царь, но среди собравшихся заметил одного, который поленился надеть брачную одежду и так и лежал в грязном рубище, как бродил по дороге. И велел царь взять его и выбросить вон.

Это, должно быть, какое-то иносказание, я не понял только хорошо, что оно значит. А Учитель говорил: „Много званых, а мало избранных“.

Э, да ты, кажется, так занят, что и не слушаешь даже.

Ну, прощай, я зайду к тебе еще попозже».

И он ушел.

А Иуда стоял, низко опустив голову.

Итак, Он по-прежнему ходит по песчаным желтым дорогам. По-прежнему говорит Свои странные обжигающие слова... и Его голос как серебро, глаза задумчиво-грустны, и по-прежнему так прекрасны Его руки...

А ночью Он уходит в горы и молится.

И Он опять говорит о браке, о нем, о Иуде, пришедшем на пир в разодранной и неубеленной одежде...

А вот он, Иуда, здесь копает землю, перевязывает поломанные лозы, а по ночам он у этой женщины...

– Стой, Иуда, что ты делаешь, ты с ума сошел!

Он обернулся. Перед ним стояла она и смеялась:

– Глупый, смотри, ты выдергиваешь лозы с корнями и топчешь их.

Но лицо Иуды стало страшным:

– Отойди от меня, сатана.

Он бросился бежать прочь от виноградника.

Через несколько дней Иуда опять ходил с Учителем. Иногда бывало так, что ученики оставляли Учителя на несколько дней. У многих были семьи, и они уходили к ним на короткий срок и потом возвращались.

Учитель ни о чем не спрашивал уходящих.

Они рассказывали иногда часами. Впрочем, знали, что Учитель все знает и без рассказов.

Знал об этом и Иуда, хотя ни о чем не рассказывал.

Когда он возвращался, он думал, что будет лежать у ног Учителя, поведает все и выпросит прощение. И вместе с прощением придет благодать.

Но когда пришел, ничего не сказал. И не было ни прощения, ни благодати.

За Учителем ходили женщины: это было необычно, потому что раввины чуждались женщин.

От присутствия женщин было кругом как-то мягче, нежнее.

Но это нисколько не нарушало внутренней простоты духовной семьи Учителя, настолько здесь был особый какой-то дух, что даже Его враги никогда не ставили ни Ему, ни Его ученикам в укор это присутствие.

Учитель говорил о будущем веке и о воскресении, что тогда сыны воскресения будут как ангелы, которые не женятся и не выходят замуж.

И казалось, что около Него, уже здесь, как там, дух ангельский, дух воскресения.

Иуда раньше чувствовал себя причастником этому духу и совершенной, исходящей от Учителя свободе.

Но теперь, после его бегства, что-то в нем изменилось. Окружающие его по-прежнему жили в мире, возносящемся над земным, просветленном и совершенном.

Но он уже принадлежал к другому миру.

Когда мимо него проходила Мария из Магдалы или Иоанна, жена Хузы, он чувствовал, что его сердце бьется учащенной и кровь приливает к вискам.

Иуда заведовал маленькой случайной казной общины. Обязанность его касалась главным образом помощи нищим. Заметили его хозяйственность и поручили ему это дело.

Он исполнял его аккуратно и внимательно.

Но теперь он уже не раз брал монеты из ящика и прятал их в потаенных складках своей одежды.

Почему? Зачем?

Он сам хорошенько не знал этого. Может быть, он еще мечтал о винограднике и о домике, который когда-нибудь надо будет поправить, а может быть, просто ему были противны эти оборванные фигуры, лица с печатью унижения и грязные протянутые руки. И не хотелось возиться с ними.

Шли к Иерусалиму. Все знали, что это путешествие в Иерусалим бесконечно важно. Там будет одновременно и конец, и начало. Там разыграется последнее страшное сражение, и падут в прах побежденные враги. Там разрешатся все недоумения, и солнце воссияет по-новому для них, для родины, для мира.

Учитель часто казался грустным. Он много говорил о позоре и казни Сына Человеческого.

Но ученики как будто привыкли к этим словам и где-то в глубине сердца отказывались принимать их, допуская лишь как загадку, которая скоро и неожиданно разрешится.

Несмотря на эти слова, они были так уверены в торжестве, стоящем при дверях, что втихомолку спорили друг с другом о первенстве в грядущей славе.

Иуда совсем забыл о всем своем личном, о муках и сомнениях недавнего прошлого. Он был весь охвачен общим настроением. В нем это настроение даже было сильнее, чем в других. Да и понятно. Ведь только он один из двенадцати был иудей. И судьба Иудеи была его личной судьбой.

С нею он был связан узами плоти и крови и ради нее был готов пожертвовать всем. И теперь ему казалось, что эта судьба, счастье, свобода и слава его народа и его родины в руках одного Человека, его Учителя. Он один, если захочет, может вознести отчизну народа и веру отцов над преклонившимся в изумлении миром.

Захочет ли? Вознесет ли?

В этом вопросе сосредоточивалось все, и пред ним все другие казались такими личными, маленькими и ненужными.

По мере приближения к Иерусалиму напряженность ожиданий все росла и росла.

И когда пришли в Вифанию, к горе Елеонской, всеми овладело восторженное волнение.

Учителю привели ослицу с осленком, покрыли ее одеждами.

Он сел и двинулся вперед.

Громадная толпа окружала Его. Одни шли из самой Галилеи, другие присоединились из близлежащих селений.

Все были в каком-то упоении.

Срывали с себя одежды, бросали их под ноги Учителю, резали ветви с деревьев и устилали ими дорогу.

Громкие крики как удары грома перекатывались по рядам и отдавались далеко окрест гулким, гудящим эхом.

«Осанна Сыну Давидову! Благословен Грядый во Имя Господне! Осанна в Вышних!»

Казалось, исполняются предсказания Пророка. Народ нашел своего Царя и Мессию. Сомневающийся, приходивший и отступивший, он теперь уверовал, и побежден окончательно, и идет триумфальным шествием за своим Победителем.

Иуда все понял. Все испытания, все отречения нужны были для этого мига. Миг пришел, и то, что было уничтожением, воссияет немеркнувшей славой.

Учитель остановился.

Прямо перед Ним расстился в своей странной и пестрой, многокрасочной красоте Царственный и Божественный город, город Святая Святых, город Ковчега Завета. Единственный город во вселенной, ставший жилищем Бога. Город великих Обетований. Город, куда придет и где воцарится Мессия.

Величественные громады храма возносились над разноликим множеством больших и маленьких зданий. Чудилось, что там, над ними, витают тени царей и пророков, встречают Грядущего и, невидимые, склоняются перед Ним.

Миг – и вот Ангелы Божии поднимут Его на пламенеющих крыльях, понесут и поставят там, на этих тяжелых кровлях, и голосом, прозрачным, как серебряная труба молитвы, возвестит Он суд восхищенному народу и трепетно-послушному миру.

Учитель не двигался.

Ослица, на которой Он сидел, опустила голову, хлопая большими смешными ушами, и пощипывала лежащие на дороге ветви. Ее осленок прижался к ней.

Маленький мальчик, смеясь, подбежал, тронул ее за хвост и, испуганный, убежал прочь.

Другие махали ручонками и кричали то, что слышали от взрослых: «Благословен Грядый во Имя Господне!» Толпа на миг затихла, и только в отдаленных рядах еще гулко перекатывалось: «Осанна!» Губы Учителя дрогнули.

Иуде казалось, что случится сейчас необычайное. Он улыбнется. И в этой улыбке будет чаемое миром спасение, и с ней воссияет новое солнце.

Но Учитель заплакал.

Громко плакал Он и восклицал, протягивая руки туда, к застывшему в страшном молчании городу.

«О, если бы ты, хотя бы в сей твой день, узнал, что служит к миру твоему. Но это сокрыто ныне от глаз твоих.

Ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами, и окружают тебя, и стеснят тебя отовсюду.

И разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне за то, что не узнал времени посещения твоего».

Что-то оборвалось в сердце Иуды и полетело тяжелым камнем в пропасть, негодуя и плача.

И когда шествие двинулось дальше и народ, маша одеждами, кричал «Осанна» уже на самих улицах города, Иуда был холоден и равнодушен.

Целые дни, с утра и до позднего вечера, Он учил в храме. Слова Его были необычайны, но они казались еще необычайней от страшного несоответствия всем ожиданиям и надеждам.

Он говорил о хозяине, насадившем прекрасный виноградник. Злые виноградари не захотели вернуть принадлежавших ему плодов. Они насмеялись над слугами, отправленными им, и избili их. И когда Он послал к ним Своего единственного Сына, они не постыдились и Его и, выведя за ограду, убили.

Он говорил о страшном краеугольном камне, отвергнутом строителями. Горе тому, кто упадет на этот камень, горе и тому, на кого он упадет.

Он говорил о детях воскресения, подобных Ангелам, которые не женятся и не выходят замуж, и о Боге не мертвых, но живых.

Он говорил о царе, давшем таланты своим слугам, и о неверном рабе, закопавшем свой талант в землю.

И опять говорил Он о браке и о брачном пире. О невестах говорил Он, ждущих Жениха темной ночью в белых брачных одеждах с зажженными светильниками. У пяти мудрых ярко горят светильники, богато наполненные елеем. Но пять неразумных, сохранив девство, забыли о малом, о елее для своих светильников.

Ночью бегут они по улицам города, прося и умоляя встречных о недостающем елее. Но когда они вернутся, двери чертога уже закроются, и сладкий голос Жениха покажется им страшным: «Не знаю вас». И тщетно они будут биться у рокового преддверья,

зажимая уши от нежных отзвуков, разрывая белые брачные одежды, стена и плача об отвергнутом даре их ненужной непорочности.

Он говорил о Страшном суде. И слова неизреченной, неслыханной миром любви – «что вы сделали одному из братьев Моих меньших, то сделали Мне» – странно сплетались с неумолимо грозным: «Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный».

Иногда Он выходил из храма и, садясь около него, наблюдал за маленькими событиями окружающей жизни.

И тогда Он утверждал, что вдова, положившая в храмовую кружку две лепты, дала больше, чем богачи, приносящие большие сокровища, потому что она принесла последнее.

А когда наступала ночь, Он уходил из города. Казалось, Его давила городская суета и сутолока.

И Он отдыхал за городской чертой в мире сладостных ночных благоуханий под бездонным многозвездным небом.

Он вошел в храм и начал учить.

Слова Его были грозны. Никогда еще Он не говорил так.

Казалось, долгое, томительное удушье разрешилось наконец страшными, разящими громовыми ударами.

Испуганно притаилась толпа, мрачно безмолствовали учителя, и, кажется, самые громады стен, слышавшие так много, насторожившись внимали последнему приговору.

И Он как будто срывал с этих вождей народа одну за другой их пышные, торжественные одежды. И они, казавшиеся такими неприступными и важными, делались уродливыми и жалкими в своей отвратительной наготе...

Но Он разоблачал, кажется, не только их, но и бога, пред которым они преклонялись. И грозный, неприступный бог предков делался маленьким и почти ручным, похожим на одного из бесов, посланных Им некогда в свиное стадо... Бог-диавол, бог мелких уступок и сделок, бог постоянной половины, ложь и отец лжи, всегда лгущий им и питающийся их ложью.

И в каждом Его слове веяли волны Духа иного Бога, Бога совершенной жертвы и совершенного дара.

«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами не входите и хотящим войти не допускаете.

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что поедаете дома вдов и лицемерно долго молитесь: за то примете тем большее осуждение.

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного: и когда случается, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас...

Вожди слепые, отцеживающие комара, а верблюда поглощающие.

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете поверхность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды...

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты...

Дополняйте же меру отцов ваших.

Змии, порождения ехидны, как убежите вы от осуждения в геенну?»

И, вылетая за стены храма, Его слова вздымались горящими факелами и падали, рассыпая искры над великим и святым городом, единственным городом во вселенной, где обитает Бог.

«Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе. Сколько раз Я хотел собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, а вы не восхотели! Се, оставляется дом ваш пуст.

Ибо сказано вам: не увидите Меня отныне, доколе не воскликнете: Благословен Грядый во имя Господне!»

Когда Он вышел из храма, ученики с ужасом поняли, что никогда Он уже не переступит его порога.

А под опустевшими сводами, казалось, еще глухо отдавались и перекликались страшные призывы: «Горе вам, горе...»

Случилось что-то страшное и непонятное.

Ученики были совсем смущены и растеряны.

Учитель ушел из храма.

ЭТО было непостижимо.

Мессия, обличающий врагов... Мессия, ревнующий о доме Божием и изгоняющий торгующих там... все это понятно... но Мессия, оставляющий храм навсегда! Это непостижимо! Это невыносимо!

ЭТО разрушает все пророчества и обетования.

И кто победил – Ушедший или они, оставшиеся?

Ушел ли Он, сдав им, как побежденный, цитадель, которую не в силах был удержать, или, как Победитель, бросил им то, что Ему не нужно, и устремился к иным вершинам?

И что оставил Себе? Каменистые дороги, поля, усеянные белыми пахучими цветами, горы, где Он молился по ночам, прозрачное озеро и еще более прозрачное днем и полное тайны ночью небо? И где, и какую жертву принесет Он теперь?

Они окружили Его плотным кольцом.

Забыв свой страх пред Ним, они показывали Ему пылавшие в закатных лучах, оставшиеся там, позади, громады. Думали, что их очарование вернет Его отходящее сердце.

Но Он был неумолим.

«Истинно, истинно говорю вам, – возглашал Он, – не останется здесь камня на камне, все будет разрушено».

Он начал говорить о будущем. Страшные, нестерпимые картины открывал Он перед их взором.

Будут войны, голод, моры, землетрясения по местам. Народ восстанет на народ и царство на царство. Это будет только начало болезней.

А потом их, Его учеников, будут предавать на мучения и убивать. За имя Его будут ненавидимы всеми.

Тогда соблазнятся многие: и друг друга будут предавать на мучения и убивать, и возненавидят друг друга...

Многие лжепророки восстанут, сотворят великие знамения и чудеса, соблазнят многих, стараясь прельстить, если возможно, и избранных. Умножатся беззакония, и охладает любовь...

Горе же беременным и питающим сосцами в те дни. Тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира и донине и не будет. И если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть.

И будут знамения в солнце, луне, звездах и на земле; уныние народов и недоумение; и море восшумит и возмутится.

Люди будут вздыхать от страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную, ибо силы Небесные поколеблются...

Иуда слушал, и ему казалось, что великое разрушение уже началось. Величественные стены храма рушатся, и камни, ударяясь друг о друга, летят со страшным грохотом в бездну. Громадное красное солнце на западе истекает последним теплом и готовит миру холодную беспросветную ночь.

Из темной глубины неба с оглушительным треском летят горящие осколки, как слишком зрелые плоды со смоковничного дерева.

И Ангельские полчища, силы небесные, недоумевают и, закрывая лицо руками, возносят свою хвалу и свое упование.

И весь этот ниспадающий поток ужасов вызвал Он, Учитель, Своим словом.

О, как Он могущественен!

Иуда не сомневается больше в Его могуществе.

Недаром он видел смердящего четверодневно Лазаря, выходящего из гроба. Он сам ощущал это зловоние смерти. И на его глазах спадали погребальные пелены, и снова ожило начавшее

разлагаться тело. Он кажется Иуде теперь каким-то страшным демоном, играющим легко и свободно вереницами человеческих поколений и сонмами миров.

Он, один Он и никто другой, ни прежде, ни теперь, ни после, Он один только может спасти человека, Свою много-скорбную и грешную, но все-таки Божественную Отчизну и чающий спасения мир.

Но Он не хочет.

Светлый и тихий, Он пленен какой-то нечеловеческой туманной мечтой и влюблен в таинственную красоту страдания.

Нищий и убогий, Он стоит здесь, принеся в дар Своей нищете несметные сокровища Своих сил.

Он идет навстречу страшному хаосу, Сам бросается в отверстие лоно бездны. И вместе с Ним идут те, что ради

Него оставили жен и детей и возненавидели по Его слову жизнь.

И Иудею, возлюбленный Богом виноградник, невесту Божию, он влечет за Собою.

И туда, в хаос, низвергает Он землю, солнце и вселенную.

И только когда разлетятся в куски мириады миров и погибнет в невероятных страданиях неисчислимое множество человеческих поколений, Он обещает зажечь белый свет Воскресения.

Иуда знал, что теперь он ненавидит Этого Человека.

И он не может больше дышать с Ним одним воздухом...

В доме воскресшего Лазаря была вечеря...

Было много гостей, было празднично и радостно.

Учитель возлежал около стола.

И вот среди пира вошла сестра Лазаря, задумчивая и тихая Мария. И в руках у нее был сосуд, наполненный благоуханным миром.

Подойдя к Учителю, она разбила сосуд и пролила миро на Его голову и ноги. А сама склонилась к земле, и ее густые золотистые волосы густой пеленой рассыпались по Его стопам.

Все смолкли и замерли в изумленном молчании.

Горница благоухала от мира.

Но Иуда не разделял общего восторга.

Ему казалось, что Учитель не вправе поступать так, как Он поступает. Как, разве не Он изгоняет из мира всякое великолепие и роскошь, разве не Он требует от всех последней, предельной нищеты? Почему же теперь Он не остановит женщину, берет от нее то, от чего должен отказаться? Почему не потребует, чтобы она отдала свое богатство нищим, калекам, прокаженным, бросила бы его сюда, в Иудин ящик? Он, Иуда, более вправе распорядиться этим

богатством, чем Учитель. Он ведь не проповедовал отречения во всем.

И в общей благоговейной тишине всегда молчаливый Иуда в первый раз заговорил громко:

– К чему такая трата? Для чего бы не продать миро за триста динариев и не раздать нищим?

Тень смущения и негодования пробежала по всем лицам. Все поняли, что слова Иуды относились не к Марии, а к Тому, Чьи ноги она отирает своими волосами.

И Учитель отвечал Иуде:

– Что смущаете женщину? Она доброе дело сделала для Меня. Ибо нищих всегда имеете с собой, а Меня не всегда имеете. Возлив это миро на тело Мое, она приготовила Меня к погребению.

В эту ночь Иуда вовсе не спал.

Он решился предать Учителя.

Он ЕГО ненавидел. Этот Человек отнял у него счастье, разбил его жизнь, сломал его душу. Он уничтожил его веру и предал неслыханному позору веру его народа. Он готовит страшное унижение его родине. Он грозит миру гибелью.

Конечно, с Ним трудно бороться.

Иуда знает ЕГО могущество.

Но ЕГО безумие больше ЕГО сверхчеловеческой силы.

Ради него Он жертвует ею. Он Сам обрекает Себя на смерть.

Пусть же совершится то, что должно совершиться.

Таких сил нельзя оставлять в руках безумца. Он испепелит мир.

Когда-то Иуда просто хотел уйти от Него. Но от Него нельзя уйти. Отравленное, губительное дыхание Его уст достигает всюду. Он – соблазнитель. И тот, кто хоть раз вкусил от Его соблазна, рано или поздно будет принадлежать Ему. Его надо уничтожить. В Его лице есть тайна. От нее можно потерять рассудок. Ради нее готовы на бесчисленные страдания, и одна мечта о том, что они увидят ее в день Воскресения, влечет их за Ним в зияющую пустоту.

Но Иуда рассеет Его соблазн.

Он, Иуда, предатель – истинный спаситель мира.

Завтра он пойдет к раввину Бен-Акибе и предаст Учителя.

Он не будет просить за Него слишком дорого. Но он возьмет ровно тридцать сребреников, цену беглого раба.

Пусть по этой цене идет Тот, Кто мог бы и не захотел стать Царем. А на эти деньги Иуда купит рабыню для своего виноградника. Тогда каждый получит то, что заслужил.

К концу первого дня опресночного в потаенной горнице Учитель совершал Свою последнюю вечерю с учениками.

Там был и Иуда.

Он уже почти сделал свое дело и в эту ночь, всего через несколько часов, должен был привести стражу с первосвященниками в сад, где Учитель обыкновенно молился, и передать Его им.

Иуда плохо видел и плохо понимал, что совершалось кругом.

Вот Учитель, кажется, берет кувшин, наливает воду в таз. Вот подпоясывается полотенцем...

Но что это?

Он наклоняется к земле, к ногам Иуды. Он моет ноги, вытирает их полотенцем. Одно прикосновение этих рук было когда-то для Иуды блаженством. Да разве и теперь не ощущает он того же блаженства? А Его волосы падают и ласкают ноги Иуде, как там, на вечере, волосы женщины. Мгновенье... и, кажется, Иуда сам упадет к Его ногам и будет целовать их.

Или... или он схватит тот длинный нож и вонзит его Ему в склоненную шею.

Но мгновение прошло, и Учитель перешел к тому, кто лежал рядом с Иудой.

Потом совершали вечерю.

Вдруг Учитель побледнел... Какое-то странное возбуждение овладело Им. Он возмутился духом.

И, смотря прямо пред Собою, Он сказал громко и отчетливо, так, что Иуда вздрогнул:

– Истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня. Впрочем, Сын Человеческий идет по предназначению. Но горе тому человеку, которым Он предается. Лучше было бы этому человеку не родиться.

Испуганные, опечаленные, растерянные, не доверяющие друг другу и себе, ученики с нежностью и слезами спрашивали:

– Не я ли, Господи?

И Иуда спросил: «Не я ли?»

И тихо, так, что слышал один Иуда, Он сказал: «Ты говоришь».

И Он, взяв хлеб и благословив, преломил его, воздав хвалу Богу, и, раздавая ученикам, сказал: «Примите, ядите, сие есть тело Мое». И, взяв чашу и благословив, и воздав хвалу Богу, подал им и сказал: «Пейте из нее все: сия есть кровь Моя Нового Завета, за вас и за многих изливаемая, во оставление грехов».

То, о чем Он говорил в Капернаумской синагоге, совершилось. Знали, что, когда придет Мессия, Он устроит великолепное пиршество в роскошном дворце, окруженном легионами воинов и

бесчисленных рабов. При громких победных криках Мессия-Царь предложит собравшимся пышную и невиданную драгоценную трапезу. Это будет пир для всего мира, по крайней мере для всех верных. Он положит конец голоду и нищете.

Но это – не чаемый Мессия, это безумный, странный Мессия-нищий. Его пир – вечеря в потаенной горнице под страхом казни. Вместо рабов Он Сам служит возлежащим, приклоняясь к земле и умывая их ноги.

И на Его трапезе не видно много яств. Он дает пирующим только Свою приготовленную к смерти Плоть в этом чистом пшеничном хлебе и Свою Кровь в прозрачной и искрящейся влаге этой чаши.

Этим единственным даром, кровью Своего сердца – Собою Самим, хочет Он возрадовать мир и утолить его голод и жажду.

Его час пришел. Вот час, о котором Он говорил в Кане.

Конец сходится с началом. Чудо первой с чудом последней ночи.

Вода, ставшая вином, ныне претворяется в кровь.

И не совершается ли здесь тоже брак, тот брак, о котором Он говорил так часто – брачный пир Царского Сына?

Последней и страшной тайной обручается Он с учениками и с миром. Соединяется последней, роковой связью. Ее уже нельзя разрушить, не уничтожив себя.

Иуда один знал это...

Обручится ли он с Учителем этим обручением крови? Возьмет ли от Учителя последний дар, дар Его сердца? Примет ли в себя Его убеленное тело, он, восставший на это Тело во имя другой темной плоти и готовящий Ему страшное поругание?

Взял, принял...

И сейчас же точно темное холодное облако сошло к нему в душу и точно какая-то новая посторонняя сила овладела им.

Бессмысленными и странными глазами смотрел он кругом. Но, несмотря на эту бессмысленность, он заметил нависшую угрозу. Иоанн делал Петру какие-то знаки, и тот, возбужденный и красный, протягивал руки к одному из лежащих на столе ножей... Еще мгновение... Кто знает, что было бы через мгновение.

Но Учитель, обращаясь прямо к нему, к Иуде, громко сказал: «Что делаешь, делай скорей». И, почти шатаясь, Иуда встал и вышел...

Была ночь, когда он вышел.

Иуда, во главе вооруженной стражи и первосвященников, шел по Гефсиманскому саду за Учителем.

Вступили во глубину сада. Вышли на открытую поляну и заметили несколько человеческих фигур.

Впереди был Он.

Он был такой же, как всегда, только казался бледнее в страшном ночном свете, да на лбу атели несколько маленьких капелек крови – должно быть, поранил Себя терновником.

Еще никогда так не ненавидел Его Иуда: за позор этой ночи, за ужас своего преступления, за свою гибель ненавидел он Учителя.

Ему казалось, что не он предает Учителя, а Учитель его обрекает на неслыханно мучительную казнь.

И он подошел и поцеловал прекрасные, сжатые, никогда не улыбающиеся уста.

«Радуйся, Равви!»

И отвечал тихо Учитель: «Друг, зачем ты пришел?»

И в голосе, и во взоре была знакомая бездонная грусть.

Его окружили, повели...

Иуда отстал и остался один в густой аллее...

И вдруг сразу, в одно мгновение, вспомнилось ему все: прошла пред ним вся его жизнь с Учителем, от первой встречи на широкой песчаной дороге и до этих маленьких алых капелек у Него на лбу...

И в этот миг он понял тайну грусти Учителя.

Это была тайна любви Учителя к нему, Иуде...

Еще тогда, с первой встречи, принял его Учитель в Свое сердце. Он говорил, что нет больше той любви, как если кто положит душу свою за своих друзей.

И Он в каждый миг отдавал душу Свою за Иуду.

Каждый миг предавал Его Иуда своим взором, но Он не отводил Своих глаз. Он знал, что готовит Ему Иуда.

Он мог бы уничтожить Иуду одним Своим словом или просто отойти от него. Но Он предпочитал быть преданным Своему другу, чем от него отречься: несколько часов тому назад, на вечере, Он спас ему жизнь.

И теперь, прощаясь навеки, Он назвал его другом:

«Друг, зачем ты пришел?»

И Он шел умирать за него, верный до конца Своей дружбе...

Медленно двигался Иуда...

Шум удаляющихся шагов стихал... Мелькали в кустах последние колеблющиеся отсветы фонарей.

Иуда был один в надвигающемся отовсюду мраке.

С ним больше не было Друга...

Иуда не захотел смотреть, как Его судят и мучают...

Только проходя по двору дома первосвященника, куда его вызывали, он увидел в углу двора Его одинокую, беззащитную фигуру. Он стоял вполоборота, почти спиной, и был окружен толпой бородатых евреев и римских солдат.

Так странно было видеть Его здесь.

Не было ни цветов, ни прозрачной воды голубого озера, ни маленьких, ласкающихся к Нему деток, ни благоговейно склоненных женщин, не смеющих прикоснуться к краю Его одежды, ни больных, ждущих исцеления.

Спина Его была обнажена, и длинная белая одежда, забрызганная кровью, тянулась за Ним по жидкой грязи. Его били.

Худой рыжебородый еврей, весь в черном, открывал большой беззубый рот, набирал слюну и плевал Ему в лицо, поднимая костлявую руку и ударяя с размаху по щеке. Потом что-то бормотал, кажется молился, – и потом опять плевал и бил, нудно и однообразно.

Сзади было двое. Один – молодой еврей, почти юноша, с толстыми губами, делал свое дело с наслаждением: поднимая палку, наносил удары и даже стонал от удовольствия. Другой – римлянин, большой и сильный, бил спокойно и серьезно. Казалось, он не знал, кого и за что он бьет. Для него это был только преступник, которого нужно бить.

Кто-то смеялся грубо и весело.

Несколько солдат рядом о чем-то спорили, кажется, о чем-то совсем постороннем.

Иуда отвернулся и пошел к выходу.

Вслед за ним летели звуки ударов, и так странно было, что все, казавшееся таким сложным, трудным и громадным, так просто и грубо разрешается этими звуками.

Выходя, услышал громкий голос Петра и испугался. Петр, должно быть, как там, в Кесарии, говорит, что Он – Сын Божий, и спорит. Если он еще не схвачен и увидит Иуду, то размозжит ему голову. Но, вслушавшись, удивился и успокоился.

Петр, волнуясь и запинаясь, божился и клялся, что не знает Сего Человека.

И Иуда подумал, что он не один.

Потом был в толпе пред дворцом прокуратора. Стоял с самого края, прячась у крыльца дома.

Там, впереди, были самые яростные, настаивающие, по наущению священников, на Его смерти. Здесь, сзади, больше было любопытных.

Ходили разные слухи. Кто-то рассказывал, что утром у священников было волнение. Говорили, что идет громадная толпа исцеленных Им калек, прокаженных и бесноватых, во главе с воскресшим Лазарем, требовать Его освобождения.

Но никто не пришел – и успокоились. Ждали чуда.

Рядом с крыльцом, где стоял Иуда, были две женщины: одна – еще не старая, другая – почти ребенок, всхлипывала и плакала навзрыд. Старшая ее утешала, говорила, что чудо, наверное, будет, хотя, кажется, сама в это верила плохо.

Другие ждали больше из любопытства, спорили.

Одни говорили, что Он Сам совершит чудо; другие – что Небо откроется, как было однажды на Иордане и недавно здесь, в Иерусалиме, и заговорит Его Отец.

Но чуда не было.

Отец молчал.

И когда Его вывели к народу – толпа увидела Его изменившееся лицо и окровавленное тело, и стало ясно, что ждать нечего. И все, что знали о Нем раньше, показалось сказкой, несбыточной и невозможной.

Тогда стали требовать Его смерти упорно и неотступно.

Когда вечером того же дня Иуда подходил к опустевшей Голгофе, первое, что он увидел, был крест одного из разбойников: тяжелое мертвое тело повисло, как будто сидя на деревянной перекладине. В оскаленных зубах, казалось, еще дрожала хула...

Потом увидел Учителя...

Сначала почти не узнал.

Как хорошо он знает это тело, казавшееся почти прозрачным в длинных складках одежды.

Теперь оно все распухло и было неестественно громадным. Оно сплошь было покрыто ссадинами и ранами. Рубцы от бичей переплетались с длинными полосами от палочных ударов. И всюду были маленькие и большие язвы от колючек на концах бичей.

Пальцы вытянутых рук торчали, как сучья на дереве, судорожно сжимая гвозди.

Голова, уже бессильная подняться к небу, опустилась на израненную грудь в недоумении и безответном вопросе.

Ужасно было смотреть на это тело...

И все-таки Он казался Иуде единственным, удивительным и несравненным.

Не было и не будет Такого.

Иуда видел теперь, что победил Он – распятый – в их неравной и страшной борьбе.

Еще до Крестных страданий Он пленил мир Собою. Уходя, Он оставил его пустым и беззвучным. Распинаясь, Он вознес его с Собою на Крест. Вся красота обесценена и повержена в прах страшным сравнением с Его непобедимым совершенством.

Вся радость отравлена жгучим ужасом Его невероятных страданий. Его Кровь будет теперь разлита даже в солнечных лучах, и запах Ее будет теперь во всех ароматах.

Если бы Иуда не совершил этого дела, кто знает, может быть, никто бы и не дерзнул поднять на Него свою руку. И тогда его страшная мечта рассеялась бы, уступая послушной и терпеливой любви мира. И не там, за гранью гроба, но здесь, на земле, воссияла бы Божественная улыбка воскресения...

Но он, Иуда, он сам воплотил это безумие.

В этом безумии – то неслыханное чудо, которого требовали и ждали от Него люди.

Этот Крест – обетованное Им знамение Сына Человеческого.

Теперь Иуда знает, наверное знает, Кто Он.

«Воистину, Этот Человек был Сын Божий».

И от безумия этого чуда обезумеет мир, изнеможет, как и он, Иуда, в неравной борьбе.

Одни отдадут Ему всю полноту своего сердца. Это те, кто пойдет за Ним всюду, куда бы Он ни пошел.

Блаженны они, потому в Его крови они убелят свои одежды.

Но это будут только избранные.

А другие – бесчисленные множества, легионы маленьких иуд, отравленные не до конца, не умеющие жить и боящиеся умереть?

Как и он, будут бояться они; в невыразимой муке верить и сомневаться; восходить и падать; благословлять и проклинать; любить и ненавидеть; преклоняться, отрекаясь, и предавать на горе предающему Сына Человеческого.

Лучше бы было не родиться такому человеку.

Лучше было бы не родиться Иуде.

Женщины, стоявшие у Креста, обернулись, услышав страшный, нечеловеческий вопль.

Они увидели человека, бежавшего прочь от Креста с раздирающими душу воплями.

Это был Иуда. Он бежал и, спотыкаясь, падал, и вновь бежал. Поднятыми к лицу руками он тянул свою бороду, и оттого щеки

раздувались, глаза выступали из орбит, и лицо казалось смешным и страшным.

Он бежал к храму бросить свои сребреники на холодные плиты.

Вечером, в субботу, один из учеников увидел его тело во глубине обрыва. Оно сорвалось с дерева и разбилось о камни.

Оно было отвратительно: из рассекшегося живота текли внутренности.

Казалось, его уже тронули собаки.

Лицо было расплющено. Но его узнали по клочкам рыжеватых волос и остаткам того особенного выражения, которое наблюдали у него последние месяцы.

А на утро следующего дня Мария Магдалина возвестила им, плачущим и рыдающим, что у отваленного камня Гроба Воскресший Учитель благовествовал ей всемирную радость Воскресения.

Леонид Андреев Иуда Искариот и другие ^[86]

I

Иисуса Христа много раз предупреждали, что Иуда из Кариота – человек очень дурной славы и его нужно остерегаться. Одни из учеников, бывавшие в Иудее, хорошо знали его сами, другие много слышали о нем от людей, и не было никого, кто мог бы сказать о нем доброе слово. И если порицали его добрые, говоря, что Иуда корыстолюбив, коварен, склонен к притворству и лжи, то и дурные, которых расспрашивали об Иуде, поносили его самыми жестокими словами. «Он ссорит нас постоянно, – говорили они, отплеываясь, – он думает что-то свое и в дом влезает тихо, как скорпион, а выходит из него с шумом. У воров есть друзья, и у грабителей есть товарищи, и у лжецов есть жены, которым говорят они правду, а Иуда смеется над ворами, как и над честными, хотя сам крадет искусно, и видом своим безобразнее всех жителей в Иудее. Нет, не наш он, этот рыжий Иуда из Кариота», – говорили дурные, удивляя этим людей добрых, для которых не было большой разницы между ним и всеми остальными порочными людьми Иудеи.

Рассказывали далее, что свою жену Иуда бросил давно, и живет она несчастная и голодная, безуспешно стараясь из тех трех камней, что составляют поместье Иуды, выжать хлеб себе на пропитание. Сам же он много лет шатается бессмысленно в народе и доходил даже до одного моря и до другого моря, которое еще дальше; и всюду он лжет, кривляется, зорко высматривает что-то своим воровским глазом; и вдруг уходит внезапно, оставляя по себе неприятности и ссору, – и любопытный, лукавый и злой, как одноглазый бес. Детей у него не было, и это еще раз говорило, что Иуда – дурной человек и не хочет Бог потомства от Иуды.

Никто из учеников не заметил, когда впервые оказался около Христа этот рыжий и безобразный иудей; но уж давно неотступно шел он по ихнему пути, вмешивался в разговоры, оказывал маленькие услуги, кланялся, улыбался и заискивал. И то совсем привычен он становился, обманывая утомленное зрение, то вдруг бросался в глаза и в уши, раздражая их, как нечто невиданно-безобразное, лживое и омерзительное. Тогда суровыми словами отгоняли его, и на короткое время он пропадал где-то у дороги, – а потом снова незаметно появлялся, услужливый, льстивый и хитрый,

как одноглазый бес. И не было сомнения для некоторых из учеников, что в желании его приблизиться к Иисусу скрывалось какое-то тайное намерение, был злой и коварный расчет.

Но не послушал их советов Иисус; не коснулся Его слуха их пророческий голос. С тем духом светлого противоречия, который неудержимо влек Его к отверженным и нелюбимым, Он решительно принял Иуду и включил его в круг избранных. Ученики волновались и сдержанно роптали, а Он тихо сидел, лицом к заходящему солнцу, и слушал задумчиво, может быть, их, а может быть, и что-нибудь другое. Уж десять дней не было ветра, и все тот же оставался, не двигаясь и не меняясь, прозрачный воздух, внимательный и чуткий. И казалось, будто бы сохранил он в своей прозрачной глубине все то, что кричалось и пелось в эти дни людьми, животными и птицами, – и слезы, плач и веселую песню, молитву и проклятия; и от этих стеклянных, застывших голосов был он такой тяжелый, тревожный, густо насыщенный незримой жизнью. И еще раз заходило солнце. Тяжело пламенеющим шаром скатывалось оно книзу, зажигая небо; и все на земле, что было обращено к нему: смуглое лицо Иисуса, стены домов и листья деревьев, – все покорно отражало тот далекий и страшно задумчивый свет. Белая стена уже не была белою теперь, и не остался белым красный город на красной горе.

И вот пришел Иуда.

Пришел он, низко кланяясь, выгибая спину, осторожно и пугливо вытягивая вперед свою безобразную бугроватую голову, – как раз такой, каким представляли его знающие. Он был худощав, хорошего роста, почти такого же, как Иисус, который слегка сутулился от привычки думать при ходьбе и от этого казался ниже; и достаточно крепок силою был он, по-видимому, но зачем-то притворялся хилым и болезненным и голос имел переменчивый: то мужественный и сильный, то крикливый, как у старой женщины, ругающей мужа, досадно-жалкий и неприятный для слуха; и часто слова Иуды хотелось вытащить из своих ушей, как гнилые, шероховатые занозы. Короткие рыжие волосы не скрывали странной и необыкновенной формы его черепа: точно разрубленный с затылка двойным ударом меча и вновь составленный, он явственно делился на четыре части и внушал недоверие, даже тревогу: за таким черепом не может быть тишины и согласия, за таким черепом всегда слышится шум кровавых и беспощадных битв. Двоилось так же и лицо Иуды: одна сторона его, с черным, остро высматривающим глазом, была живая, подвижная, охотно собиравшаяся в многочисленные кривые морщинки. На другой же не было морщин, и была она мертвенно-гладкая, плоская и застывшая; и хотя по величине она равнялась

первой, но казалась огромною от широко открытого слепого глаза. Покрытый белесой мутью, не смыкающийся ни ночью, ни днем, он одинаково встречал и свет и тьму; но оттого ли, что рядом с ним был живой и хитрый товарищ, не верилось в его полную слепоту. Когда в припадке робости или волнения Иуда закрывал свой живой глаз и качал головой, этот качался вместе с движениями головы и молчаливо смотрел. Даже люди, совсем лишенные проницательности, ясно понимали, глядя на Искарюота, что такой человек не может принести добра, а Иисус приблизил его и даже рядом с Собою – рядом с Собою посадил Иуду.

Брезгливо отодвинулся Иоанн, любимый ученик, и все остальные, любя учителя Своего, неодобрительно потупились. А Иуда сел – и, двигая головой направо и налево, тоненьким голоском стал жаловаться на болезни, на то, что у него болит грудь по ночам, что, всходя на горы, он задыхается, а стоя у края пропасти, испытывает головокружение и едва удерживается от глупого желания броситься вниз. И многое другое безбожно выдумывал он, как будто не понимая, что болезни приходят к человеку не случайно, а рождаются от несоответствия поступков его с заветами Предвечного. Потирал грудь широкою ладонью и даже кашлял притворно этот Иуда из Кариота при общем молчании и потупленных взорах.

Иоанн, не глядя на учителя, тихо спросил Петра Симонова, своего друга:

– Тебе не наскучила эта ложь? Я не могу дольше выносить ее и уйду отсюда.

Петр взглянул на Иисуса, встретил Его взор и быстро встал.

– Подожди! – сказал он другу.

Еще раз взглянул на Иисуса, быстро, как камень, оторванный от горы, двинулся к Иуде Искарюоту и громко сказал ему с широкой и ясной приветливостью:

– Вот и ты с нами, Иуда.

Ласково похлопал его по согнутой спине и, не глядя на Учителя, но чувствуя на себе взор Его, решительно добавил своим громким голосом, вытеснявшим всякие возражения, как вода вытесняет воздух:

– Это ничего, что у тебя такое скверное лицо: в наши сети попадают еще и не такие уродины, а при еде-то они и есть самые вкусные. И не нам, рыбакам Господа нашего, выбрасывать улов только потому, что рыба колюча и одноглаза. Я видел однажды в Тире осьминога, пойманного тамошними рыбаками, и так испугался, что хотел бежать. А они посмеялись надо мною, рыбаком из Тивериады, и дали мне поесть его, и я попросил еще, потому что

было очень вкусно. Помнишь, Учитель, я рассказывал Тебе об этом, и Ты тоже смеялся. А ты, Иуда, похож на осьминога – только одну половиною.

И громко захохотал, довольный своей шуткой. Когда Петр что-нибудь говорил, слова его звучали так твердо, как будто он прибывал их гвоздями. Когда Петр двигался или что-нибудь делал, он производил далеко слышный шум и вызывал ответ у самых глухих вещей: каменный пол гудел под его ногами, двери дрожали и хлопали, и самый воздух пугливо вздрагивал и шумел. В ущельях гор его голос будил сердитое эхо, а по утрам на озере, когда ловили рыбу, он кругло перекатывался по сонной и блестящей воде и заставлял улыбаться первые, робкие солнечные лучи. И, вероятно, они любили за это Петра: на всех других лицах еще лежала ночная тень, а его крупная голова, и широкая обнаженная грудь, и свободно закинутые руки уже горели в зареве восхода.

Слова Петра, видимо одобренные учителем, рассеяли тягостное состояние собравшихся. Но некоторых, также бывавших у моря и видевших осьминога, смутил его чудовищный образ, приуроченный Петром столь легкомысленно к новому ученику. Им вспомнились: огромные глаза, десятки жадных щупальцев, притворное спокойствие – и раз! – обнял, облил, раздавил и высосал, ни разу не моргнувши огромными глазами. Что это? Но Иисус молчит, Иисус улыбается и исподлобья с дружеской насмешкой смотрит на Петра, продолжающего горячо рассказывать об осьминоге, – и один за другим подходили к Иуде смущенные ученики, заговаривали ласково, но отходили быстро и неловко.

И только Иоанн Зеведеев упорно молчал, да Фома, видимо, не решался ничего сказать, обдумывая происшедшее. Он внимательно рассматривал Христа и Иуду, сидевших рядом, и эта странная близость божественной красоты и чудовищного безобразия, человека с кротким взором и осьминога с огромными, неподвижными, тускло-жадными глазами угнетала его ум, как неразрешимая загадка. Он напряженно морщил прямой, гладкий лоб, щурил глаза, думая, что так будет видеть лучше, но добивался только того, что у Иуды как будто и вправду появлялись восемь беспокойно шевелящихся ног. Но это было неверно. Фома понимал это и снова упорно смотрел.

А Иуда понемногу осмеливался: расправил руки, согнутые в локтях, ослабил мышцы, державшие его челюсти в напряжении, и осторожно начал выставлять на свет свою бугроватую голову. Она и раньше была у всех на виду, но Иуде казалось, что она глубоко и непроницаемо скрыта от глаз какой-то невидимой, но густою и

хитрою пеленою. И вот теперь, точно вылезая из ямы, он чувствовал на свету свой странный череп, потом глаза – остановился – решительно открыл все свое лицо. Ничего не произошло. Петр ушел куда-то; Иисус сидел задумчиво, опершись головою на руку, и тихо покачивал загорелой ногою; ученики разговаривали между собой, и только Фома внимательно и серьезно рассматривал его как добросовестный портной, снимающий мерку. Иуда улыбнулся – Фома не ответил на улыбку, но, видимо, принял ее в расчет, как и все остальное, и продолжал разговаривать. Но что-то неприятное тревожило левую сторону Иудина лица, – оглянулся: на него из темного угла холодными и красивыми очами смотрит Иоанн, красивый, чистый, не имеющий ни одного пятна на снежно-белой совести. И, идя, как все ходят, но чувствуя так, будто он волочится по земле, подобно наказанной собаке, Иуда приблизился к нему и сказал:

– Почему ты молчишь, Иоанн? Твои слова как золотые яблоки в прозрачных сосудах, подари одно из них Иуде, который так беден.

Иоанн пристально смотрел в неподвижный, широко открытый глаз и молчал. И видел, как отполз Иуда, помедлил нерешительно и скрылся в темной глубине открытой двери.

Так как встала полная луна, то многие пошли гулять. Иисус также пошел гулять, и с невысокой кровли, где устроил свое ложе Иуда, он видел уходивших. В лунном свете каждая белая фигура казалась легкою и неторопливою и не шла, а точно скользила впереди своей черной тени; и вдруг человек пропадал в чем-то черном, и тогда слышался его голос. Когда же люди вновь появлялись под луной, они казались молчащими – как белые стены, как черные тени, как вся прозрачно-мглистая ночь. Уже почти все спали, когда Иуда услышал тихий голос возвратившегося Христа. И все стихло в доме и вокруг него. Пропел петух; обиженно и громко, как днем, закричал где-то проснувшийся осел и неохотно, с перерывами умолк. А Иуда все не спал и слушал, притаившись. Луна освещала половину его лица и, как в замерзшем озере, отразилась странно в огромном открытом глазу.

Вдруг он что-то вспомнил и поспешно закашлял, потирая ладонью волосатую, здоровую грудь: быть может, кто-нибудь еще не спит и слушает, что думает Иуда.

II

Постепенно к Иуде привыкли и перестали замечать его безобразия. Иисус поручил ему денежный ящик, и вместе с этим на него легли все хозяйственные заботы: он покупал необходимую пищу и одежду, раздавал милостыню, а во время странствований приискивал место для остановки и ночлега. Все это он делал очень искусно, так что в скором времени заслужил расположение некоторых учеников, видевших его старания. Лгал Иуда постоянно, но и к этому привыкли, так как не видели за ложью дурных поступков, а разговору Иуды и его рассказам она придавала особенный интерес и делала жизнь похожей на смешную, а иногда и страшную сказку.

По рассказам Иуды выходило так, будто он знает всех людей, и каждый человек, которого он знает, совершил в своей жизни какой-нибудь дурной поступок или даже преступление. Хорошими же людьми, по его мнению, называются те, которые умеют скрывать свои дела и мысли; но если такого человека обнять, приласкать и выпросить хорошенько, то из него потечет, как гной из проколотой раны, всякая неправда, мерзость и ложь. Он охотно сознавался, что иногда лжет и сам, но уверял с клятвою, что другие лгут еще больше, и если есть в мире кто-нибудь обманутый, так это он, Иуда. Случалось, что некоторые люди по многу раз обманывали его и так и этак. Так, некий хранитель сокровищ у богатого вельможи сознался ему однажды, что уже десять лет непрерывно хочет украсть вверенное ему имущество, но не может, так как боится вельможи и своей совести. И Иуда поверил ему, – а он вдруг украл и обманул Иуду. Но и тут Иуда ему поверил, – а он вдруг вернул украденное вельможе и опять обманул Иуду. И все обманывают его, даже животные: когда он ласкает собаку, она кусает его за пальцы, а когда он бьет ее палкой – она лижет ему ноги и смотрит в глаза, как дочь. Он убил эту собаку, глубоко зарыл ее и даже заложил большим камнем, но кто знает? Может быть, оттого, что он ее убил, она стала еще более живою и теперь не лежит в яме, а весело бегаёт с другими собаками.

Все весело смеялись на рассказ Иуды, и сам он приятно улыбался, щуря свой живой и насмешливый глаз, и тут же, с тою же улыбкой сознавался, что немного солгал: собаки этой он не убивал. Но он найдет ее непременно и непременно убьет, потому что не желает быть обманутым. И от этих слов Иуды смеялись еще больше.

Но иногда в своих рассказах он переходил границы вероятного и правдоподобного и приписывал людям такие наклонности, какие не

имеет даже животное, обвинял в таких преступлениях, каких не было и никогда не бывает. И так как он называл при этом имена самых почтенных людей, то некоторые возмущались клеветой, другие же шутливо спрашивали:

– Ну а твои отец и мать, Иуда, не были ли они хорошие люди?

Иуда прищуривал глаз, улыбался и разводил руками. И вместе с покачиванием головы качался его застывший, широко открытый глаз и молчаливо смотрел.

– А кто был мой отец? Может быть, тот человек, который бил меня розгой, а может быть, и дьявол, и козел, и петух. Разве может Иуда знать всех, с кем делила ложе его мать? У Иуды много отцов; про которого вы говорите?

Но тут возмущались все, так как сильно почитали родителей, и Матфей, весьма начитанный в Писании, строго говорил словами Соломона:

– Кто злословит отца своего и мать свою, того светильник погаснет среди глубокой тьмы.

Иоанн же Зеведеев надменно бросал:

– Ну а мы? Что о нас дурного скажешь ты, Иуда из Кариота?

Но тот с притворным испугом замахал руками, сгорбился и заныл, как нищий, тщетно выпрашивающий подаяния у прохожего:

– Ах, искушают бедного Иуду! Смеются над Иудой, обмануть хотят бедного, доверчивого Иуду!

А пока в шутовских гримасах корчилась одна сторона его лица, другая качалась серьезно и строго, и широко смотрел никогда не смыкающийся глаз. Больше всех и громче всех хохотал над шутками Искарриота Петр Симонов. Но однажды случилось так, что он вдруг нахмурился, сделался молчалив и печален и поспешно отвел Иуду в сторону, таща его за рукав.

– А Иисус? Что ты думаешь об Иисусе? – наклонившись, спросил он громким шепотом. – Только не шути, прошу тебя.

Иуда злобно взглянул на него:

– А что ты думаешь?

Петр испуганно и радостно прошептал:

– Я думаю, что Он – Сын Бога живого.

– Зачем же ты спрашиваешь? Что может тебе сказать Иуда, у которого отец козел!

– Но ты Его любишь? Ты как будто никого не любишь, Иуда.

С той же странной злобою Искарриот бросил отрывисто и резко:

– Люблю.

После этого разговора Петр дня два громко называл Иуду своим другом-осьминогом, а тот неповоротливо и все так же злобно

старался ускользнуть от него куда-нибудь в темный угол и там сидел угрюмо, светлея своим белым не-смыкающимся глазом.

Вполне серьезно слушал Иуду один только Фома: он не понимал шуток, притворства и лжи, игры словами и мыслями и во всем доискивался основательного и положительного. И все рассказы Искарриота о дурных людях и поступках он часто перебивал короткими деловыми замечаниями:

– Это нужно доказать. Ты сам это слышал? А кто еще был при этом, кроме тебя? Как его зовут?

Иуда раздражался и визгливо кричал, что он все это сам видел и сам слышал, но упрямый Фома продолжал допрашивать неотвязчиво и спокойно, пока Иуда не сознавался, что солгал, или не сочинял новой правдоподобной лжи, над которой тот надолго задумывался. И, найдя ошибку, немедленно приходил и равнодушно уличал лжеца. Вообще Иуда возбуждал в нем сильное любопытство, и это создало между ними что-то вроде дружбы, полной крика, смеха и ругательств – с одной стороны, и спокойных, настойчивых вопросов – с другой. Временами Иуда чувствовал нестерпимое отвращение к своему странному другу и, пронизывая его острым взглядом, говорил раздраженно, почти с мольбою:

– Но чего ты хочешь? Я все сказал тебе, все.

– Я хочу, чтобы ты доказал, как может быть козел твоим отцом? – с равнодушной настойчивостью допрашивал Фома и ждал ответа.

Случилось, что после одного из таких вопросов Иуда вдруг замолчал и удивленно с ног до головы ощупал его глазом: увидел длинный, прямой стан, серое лицо, прямые прозрачно-серые глаза, две толстые складки, идущие от носа и пропадающие в жесткой, ровно подстриженной бороде, и убедительно сказал:

– Какой ты глупый, Фома! Ты что видишь во сне: дерево, стену, осла?

И Фома как-то странно смутился и ничего не возразил. А ночью, когда Иуда уже заволакивал для сна свой живой и беспокойный глаз, он вдруг громко сказал со своего ложа – они оба спали теперь вместе на кровле:

– Ты не прав, Иуда. Я вижу очень дурные сны. Как ты думаешь: за свои сны также должен отвечать человек?

– А разве сны видит кто-нибудь другой, а не он сам?

Фома тихо вздохнул и задумался. А Иуда презрительно улыбнулся, плотно закрыл свой воровской глаз и спокойно отдался своим мятежным снам, чудовищным грезам, безумным видениям, на части раздиравшим его бугроватый череп.

Когда, во время странствований Иисуса по Иудее, путники приближались к какому-нибудь селению, Искарот рассказывал дурное о жителях его и предвещал беду. Но почти всегда случалось так, что люди, о которых говорил он дурно, с радостью встречали Христа и Его друзей, окружали их вниманием и любовью и становились верующими, а денежный ящик Иуды делался так полон, что трудно было его нести. И тогда над его ошибкой смеялись, а он покорно разводил руками и говорил:

– Так! Так! Иуда думал, что они плохие, а они хорошие: и поверили быстро, и дали денег. Опять, значит, обманули Иуду, бедного, доверчивого Иуду из Кариота!

Но как-то раз, уже далеко отойдя от селения, встретившего их радушно, Фома и Иуда горячо заспорили и, чтобы решить спор, вернулись обратно. Только на другой день догнали они Иисуса с учениками, и Фома имел вид смущенный и грустный, а Иуда глядел так гордо, как будто ожидал, что вот сейчас все начнут его поздравлять и благодарить. Подойдя к Учителю, Фома решительно заявил:

– Иуда прав, Господи. Это были злые и глупые люди, и на камень упало семя Твоих слов.

И рассказал, что произошло в селении. Уж после ухода из него Иисуса и Его учеников одна старая женщина начала кричать, что у нее украли молоденького беленького козленка, и обвинила в покраже ушедших. Вначале с нею спорили, а когда она упрямо доказывала, что больше некому было украсть, как Иисусу, то многие поверили и даже хотели пуститься в погоню. И хотя вскоре нашли козленка запутавшимся в кустах, но все-таки решили, что Иисус обманщик и, может быть, даже вор.

– Так вот как! – вскричал Петр, раздувая ноздри. – Господи, хочешь, я вернусь к этим глупцам, и...

Но молчавший все время Иисус сурово взглянул на него, и Петр замолчал и скрылся сзади, за спинами других. И уже никто более не заговаривал о происшедшем, как будто вообще ничего не случилось совсем и как будто не прав оказался Иуда. Напрасно со всех сторон показывал он себя, стараясь сделать скромным свое раздвоенное, хищное, с крючковатым носом лицо, – на него не глядели, а если кто и взглядывал, то очень недружелюбно, даже с презрением как будто.

И с этого же дня как-то странно изменилось к нему отношение Иисуса. И прежде почему-то было так, что Иуда никогда не говорил прямо с Иисусом, и Тот никогда прямо не обращался к нему, но зато часто взглядывал на него ласковыми глазами, улыбался на

некоторые его шутки, и если долго не видел, то спрашивал: а где же Иуда? А теперь глядел на него, точно не видя, хотя по-прежнему – и даже упорнее, чем прежде, – искал его глазами всякий раз, как начинал говорить к ученикам или к народу, но или садился к нему спиной и через голову бросал слова Свои на Иуду, или делал вид, что совсем его не замечает. И что бы Он ни говорил, хотя бы сегодня одно, а завтра совсем другое, хотя бы даже то самое, что думает и Иуда, – казалось, однако, что Он всегда говорит против Иуды. И для всех Он был нежным и прекрасным цветком, благоухающей розою ливанскою, а для Иуды оставлял одни только острые шипы – как будто нет сердца у Иуды, как будто глаз и носа нет у него и не лучше, чем все, понимает он красоту нежных и беспорочных лепестков.

– Фома! Ты любишь желтую ливанскую розу, у которой смуглое лицо и глаза как у серны? – спросил он своего друга однажды, и тот равнодушно ответил:

– Розу? Да, мне приятен ее запах. Но я не слыхал, чтобы у роз были смуглое лицо и глаза как у серны.

– Как? Ты не знаешь и того, что у многорукого кактуса, который вчера разорвал твою новую одежду, один только красный цветок и один только глаз?

Но и этого не знал Фома, хотя вчера кактус действительно вцепился в его одежду и разорвал ее на жалкие клочки. Он ничего не знал, этот Фома, хотя обо всем расспрашивал, и смотрел так прямо своими прозрачными и ясными глазами, сквозь которые, как сквозь финикийское стекло, было видно стену позади его и привязанного к ней понурого осла.

Произошел некоторое время спустя и еще один случай, в котором опять-таки правым оказался Иуда. В одном иудейском селении, которое он настолько не хвалил, что даже советовал обойти его стороною, Христа приняли очень враждебно, а после проповеди Его и обличения лицемеров пришли в ярость и хотели побить камнями Его и учеников. Врагов было много, и, несомненно, им удалось бы осуществить свое пагубное намерение, если бы не Иуда из Кариота. Охваченный безумным страхом за Иисуса, точно видя уже капли крови на Его белой рубашке, Иуда яростно и слепо бросался на толпу, грозил, кричал, умолял и лгал, и тем дал время и возможность уйти Иисусу и ученикам. Разительно проворный, как будто он бегал на десятке ног, смешной и страшный в своей ярости и мольбах, он бешено метался перед толпою и очаровывал ее какой-то странной силой. Он кричал, что вовсе не одержим бесом Назарей, что Он просто обманщик, вор, любящий деньги, как и все Его ученики, как и сам Иуда, – потрясал денежным ящичком, кривлялся и молил,

припадая к земле. И постепенно гнев толпы перешел в смех и отвращение, и опустились поднятые с камнями руки.

– Недостойны эти люди, чтобы умереть от руки честного, – говорили одни, в то время как другие задумчиво провожали глазами быстро удалявшегося Иуду.

И снова ожидал Иуда поздравлений, похвал и благодарности, и выставлял на вид свою изодранную одежду, и гнал, что били его, – но и на этот раз был он непонятно обманут. Разгневанный Иисус шел большими шагами и молчал, и даже Иоанн с Петром не осмеливались приблизиться к Нему; и все, кому попадался на глаза Иуда в изодранной одежде, со своим счастливо-возбужденным, но все еще немного испуганным лицом, отгоняли его от себя короткими и гневными восклицаниями. Как будто не он спас их всех, как будто не он спас их Учителя, которого они так любят.

– Ты хочешь видеть глупцов? – сказал он Фоме, задумчиво шедшему сзади. – Посмотри: вот идут они по дороге, кучкой, как стадо баранов, и поднимают пыль. А ты, умный Фома, плетешься сзади, а я, благородный, прекрасный Иуда, плетусь сзади, как грязный раб, которому не место рядом с господином.

– Почему ты называешь себя прекрасным? – удивился Фома.

– Потому что я красив, – убежденно ответил Иуда и рассказал, многое прибавляя, как он обманул врагов Иисуса и посмеялся над ними и их глупыми камнями.

– Но ты солгал! – сказал Фома.

– Ну да, солгал, – согласился спокойно Искарот. – Я им дал то, что они просили, а они вернули то, что мне нужно. И что такое ложь, мой умный Фома? Разве не большею ложью была бы смерть Иисуса?

– Ты поступил нехорошо. Теперь я верю, что отец твой – дьявол. Это он научил тебя, Иуда.

Лицо Искарота побелело и вдруг как-то быстро надвинулось на Фому – словно белое облако нашло и закрыло дорогу и Иисуса. Мягким движением Иуда так же быстро прижал его к себе, прижал сильно, парализуя движения, и зашептал в ухо:

– Значит, дьявол научил меня? Так, так, Фома. А я спас Иисуса? Значит, дьявол любит Иисуса, значит, дьяволу нужен Иисус и правда? Так, так, Фома. Но ведь мой отец не дьявол, а козел. Может, и козлу нужен Иисус? Хе? А вам Он не нужен, нет? И правда не нужна?

Рассерженный и слегка испуганный Фома с трудом вырвался из липких объятий Иуды и быстро зашагал вперед, но вскоре замедлил шаги, стараясь понять происшедшее.

А Иуда тихонько плелся сзади и понемногу отставал. Вот в отдалении смешались в пеструю кучку идущие, и уж нельзя было рассмотреть, которая из этих маленьких фигурок Иисус. Вот и маленький Фома превратился в серую точку – и внезапно все пропали за поворотом. Оглянувшись, Иуда сошел с дороги и огромными скачками спустился в глубину каменистого оврага. От быстрого и порывистого бега платье его раздувалось и руки взмывали вверх, как для полета. Вот на обрыве он поскользнулся и быстро серым комком скатился вниз, обдираясь о камни, вскочил и гневно погрозил горе кулаком:

– Ты еще, проклятая!..

И, внезапно сменив быстроту движений угрюмой и сосредоточенной медленностью, выбрал место у большого камня и сел неторопливо. Повернулся, точно ища удобного положения, прижал руки, ладонь с ладонью, к серому камню и тяжело прислонился к ним головою. И так час и два сидел он, не шевелясь и обманывая птиц, неподвижный и серый, как сам серый камень. И впереди его, и сзади, и со всех сторон поднимались стены оврага, острой линией обрезаая края синего неба; и всюду, впиваясь в землю, высились огромные серые камни – словно прошел здесь когда-то каменный дождь и в бесконечной думе застыли его тяжелые капли. И на опрокинутый, обрубленный череп похож был этот дико-пустынный овраг, и каждый камень в нем был как застывшая мысль, и их было много, и все они думали – тяжело, безгранично, упорно.

Вот дружелюбно проковылял возле Иуды на своих шатких ногах обманутый скорпион. Иуда взглянул на него, не отнимая от камня головы, и снова неподвижно остановились на чем-то его глаза, оба неподвижные, оба покрытые белесою странною мутью, оба точно слепые и страшно зрячие. Вот из земли, из камней, из расщелин стала подниматься спокойная ночная тьма, окатила неподвижного Иуду и быстро поползла вверх – к светлому, побледневшему небу. Наступила ночь со своими мыслями и снами.

В эту ночь Иуда не вернулся на ночлег, и ученики, оторванные от дум своих хлопотами о пище и питье, роптали на его нерадивость.

III

Однажды, около полудня, Иисус и ученики Его проходили по каменистой и горной дороге, лишенной тени, и так как уже более пяти часов находились в пути, то начал Иисус жаловаться на усталость. Ученики остановились, и Петр с другом своим Иоанном

разостлали на земле плащи свои и других учеников, сверху же укрепили их между двумя высокими камнями, и таким образом сделали для Иисуса как бы шатер. И Он возлег в шатре, отдыхая от солнечного зноя, они же развлекали Его веселыми речами и шутками. Но, видя, что и речи утомляют Его, сами же будучи малочувствительны к усталости и жару, удалились на некоторое расстояние и предались различным занятиям. Кто по склону горы между камнями разыскивал съедобные корни и, найдя, приносил Иисусу; кто, взбираясь все выше и выше, искал задумчиво границ голубеющей дали и, не находя, поднимался на новые островерхие камни. Иоанн нашел между камней красивую, голубенькую ящерицу и в нежных ладонях, тихо смеясь, принес ее Иисусу; и ящерица смотрела своими выпуклыми, загадочными глазами в Его глаза, а потом быстро скользнула холодным тельцем по Его теплой руке и быстро унесла куда-то свой нежный, вздрагивающий хвостик.

Петр же, не любивший тихих удовольствий, а с ним Филипп занялись тем, что отрывали от горы большие камни и пускали вниз, состязаясь в силе. И, привлеченные их громким смехом, понемногу собрались вокруг них остальные и приняли участие в игре. Напрягаясь, они отдирали от земли старый, обросший камень, поднимали его высоко обеими руками и пускали по склону. Тяжелый, он ударялся коротко и тупо и на мгновение задумывался; потом нерешительно делал первый скачок – и с каждым прикосновением к земле, беря от нее быстроту и крепость, становился легкий, свирепый, всеокрушающий. Уже не прыгал, а летел он с оскаленными зубами, и воздух, свистя, пропускал его тупую, круглую тушу. Вот край, – плавным последним движением камень взмывал кверху и спокойно, в тяжелой задумчивости, округло летел вниз, на дно невидимой пропасти.

– Ну-ка, еще один! – кричал Петр. Белые зубы его сверкали среди черной бороды и усов, мощная грудь и руки обнажились, и старые сердитые камни, тупо удивляясь поднимающей их силе, один за другим покорно уносились в бездну. Даже хрупкий Иоанн бросал небольшие камешки, и, тихо улыбаясь, смотрел на их забаву Иисус.

– Что же ты, Иуда? Отчего ты не примешь участие в игре, – это, по видимому, так весело? – спросил Фома, найдя своего странного друга в неподвижности, за большим серым камнем.

– У меня грудь болит, и меня не звали.

– А разве нужно звать? Ну так вот я тебя зову, иди. Посмотри, какие камни бросает Петр.

Иуда как-то боком взглянул на него, и тут Фома впервые смутно почувствовал, что у Иуды из Кариота – два лица. Но не успел он этого

понять, как Иуда сказал своим обычным тоном, льстивым и в то же время насмешливым:

– Разве есть кто-нибудь сильнее Петра? Когда он кричит, все ослы в Иерусалиме думают, что пришел их Мессия, и тоже поднимают крик. Ты слышал когда-нибудь их крик, Фома?

И, приветливо улыбаясь и стыдливо запахивая одеждою грудь, поросшую курчавыми рыжими волосами, Иуда вступил в круг играющих. И так как всем было очень весело, то встретили его с радостью и громкими шутками, и даже Иоанн снисходительно улыбнулся, когда Иуда, кряхтя и притворно охая, взялся за огромный камень. Но вот он легко поднял его и бросил, и слепой, широко открытый глаз его, покачнувшись, неподвижно уставился на Петра, а другой, лукавый и веселый, налился тихим смехом.

– Нет, ты еще брось! – сказал Петр обиженно.

И вот один за другим поднимали они и бросали гигантские камни, и, удивляясь, смотрели на них ученики. Петр бросал большой камень – Иуда еще больше. Петр, хмурый и сосредоточенный, гневно ворочал обломок скалы, шатаясь, поднимал его и ронял вниз – Иуда, продолжая улыбаться, отыскивал глазом еще больший обломок, ласково впивался в него длинными пальцами, облипал его, качался вместе с ним и, бледнея, посылал его в пропасть. Бросив свой камень, Петр откидывался назад и так следил за его падением, – Иуда же наклонялся вперед, выгибался и простирал длинные шевелящиеся руки, точно сам хотел улететь за камнем. Наконец оба они, сперва Петр, потом Иуда, схватились за старый, седой камень – и не могли его поднять, ни тот, ни другой. Весь красный, Петр решительно подошел к Иисусу и громко сказал:

– Господи! Я не хочу, чтобы Иуда был сильнее меня. Помоги мне поднять тот камень и бросить.

И тихо ответил ему что-то Иисус. Петр недовольно пожал широкими плечами, но ничего не осмелился возразить и вернулся назад со словами:

– Он сказал: а кто поможет Искарриоту?

Но вот взглянул он на Иуду, который, задыхаясь и крепко стиснув зубы, продолжал еще обнимать упорный камень, и весело засмеялся:

– Вот так больной! Посмотрите, что делает наш больной, бедный Иуда!

И засмеялся сам Иуда, так неожиданно уличенный в своей лжи, и засмеялись все остальные – даже Фома слегка раздвинул улыбкой свои прямые, нависшие на губы, серые усы. И так, дружелюбно болтая и смеясь, все двинулись в путь, и Петр, совершенно

примирившийся с победителем, время от времени подталкивал его кулаком в бок и громко хохотал:

– Вот так больной!

Все хвалили Иуду, все признавали, что он победитель, все дружелюбно болтали с ним, но Иисус, – но Иисус и на этот раз не захотел похвалить Иуду. Молча шел Он впереди, покусывая сорванную травинку; и понемногу один за другим переставали смеяться ученики и переходили к Иисусу. И в скором времени опять вышло так, что все они тесною кучкою шли впереди, а Иуда – Иуда-победитель – Иуда сильный – один плелся сзади, глотая пыль.

Вот они остановились, и Иисус положил руку на плечо Петра, другою рукою указывая вдаль, где уже показался в дымке Иерусалим. И широкая, могучая спина Петра бережно приняла эту тонкую загорелую руку.

На ночлег они остановились в Вифании, в доме Лазаря. И когда все собрались для беседы, Иуда подумал, что теперь вспомнят о его победе над Петром, и сел поближе. Но ученики были молчаливы и необычно задумчивы. Образы пройденного пути: и солнце, и камень, и трава, и Христос, возлежащий в шатре, – тихо плыли в голове, навевая мягкую задумчивость, рождая смутные, но сладкие грезы о каком-то вечном движении под солнцем. Сладко отдыхало утомленное тело, и все оно думало о чем-то загадочно-прекрасном и большом – и никто не вспоминал об Иуде.

Иуда вышел. Потом вернулся. Иисус говорил, и в молчании слушали Его речь ученики. Неподвижно, как изваяние, сидела у ног Его Мария и, закинув голову, смотрела в Его лицо. Иоанн, придвинувшись близко, старался сделать так, чтобы рука его коснулась одежды Учителя, но не беспокоила Его. Коснулся – и замер. И громко и сильно дышал Петр, вторя дыханием своим речи Иисуса.

Искарriot остановился у порога и, презрительно миновав взглядом собравшихся, весь огонь его сосредоточил на Иисусе. И по мере того как смотрел, гасло все вокруг него, одевалось тьмою и безмолвием, и только светлел Иисус со Своею поднятой рукою. Но вот и Он словно поднялся в воздух, словно растаял и сделался такой, как будто весь Он состоял из надозерного тумана, пронизанного светом заходящей луны; и мягкая речь Его звучала где-то далеко-далеко и нежно. И, вглядываясь в колеблющийся призрак, вслушиваясь в нежную мелодию далеких и призрачных слов, Иуда забрал в железные пальцы всю душу и в необъятном мраке ее, молча, начал строить что-то огромное. Медленно, в глубокой тьме, он поднимал какие-то громады, подобные горам, и плавно накладывал одна на

другую; и снова поднимал, и снова накладывал; и что-то росло во мраке, ширилось беззвучно, раздвигало границы. Вот куполом почувствовал он голову свою, и в непроглядном мраке его продолжало расти огромное, и кто-то молча работал: поднимал громады, подобные горам, накладывая одну на другую, и снова поднимал... И нежно звучали где-то далекие и призрачные слова.

Так стоял он, загораживая дверь, огромный и черный, и говорил Иисус, и громко вторило Его словам прерывистое и сильное дыхание Петра. Но вдруг Иисус смолк – резким незаконченным звуком, и Петр, точно проснувшись, восторженно воскликнул:

– Господи! Тебе ведомы глаголы жизни!

Но Иисус молчал и пристально глядел куда-то. И когда последовали за Его взором, то увидели у дверей окаменевшего Иуду с раскрытым ртом и остановившимися глазами. И, не поняв, в чем дело, засмеялись. Матфей же, начитанный в Писании, притронулся к плечу Иуды и сказал словами Соломона:

– Смотрящий кротко – помилован будет, а встречающийся в воротах – стеснит других.

Иуда вздрогнул и даже вскрикнул от испуга; и все у него – глаза, руки и ноги – точно побежало в разные стороны, как у животного, которое внезапно увидело над собою глаза человека. Прямо к Иуде шел Иисус и слово какое-то нес на устах Своих – и прошел мимо Иуды в открытую и теперь свободную дверь.

* * *

Уже в середине ночи обеспокоенный Фома подошел к ложу Иуды, присел на корточки и спросил:

– Ты плачешь, Иуда?

– Нет. Отойди, Фома.

– Отчего же ты стонешь и скрипишь зубами? Ты не-здоров?

Иуда помолчал, и из уст его, одно за другим, стали падать тяжелые слова, налитые тоской и гневом:

– Почему Он не любит меня? Почему Он любит тех? Разве я не красивее, не лучше, не сильнее их? Разве не я спас Ему жизнь, пока те бежали, согнувшись, как трусливые собаки?

– Мой бедный друг, ты не совсем прав. Ты вовсе не красив, и язык твой так же неприятен, как и твое лицо. Ты лжешь и злословишь постоянно, как же ты хочешь, чтобы тебя любил Иисус?

Но Иуда точно не слышал его и продолжал, тяжело шевелясь в темноте:

– Почему Он не с Иудой, а с теми, кто Его не любит? Иоанн принес Ему ящерицу – я принес бы Ему ядовитую змею. Петр бросал камни – я гору бы повернул для Него! Но что такое ядовитая змея? Вот вырван у нее зуб, и ожерельем ложится она вокруг шеи. Но что такое гора, которую можно срыть руками и ногами потоптать? Я дал бы Ему Иуду, смелого, прекрасного Иуду! А теперь Он погибнет, и вместе с Ним погибнет и Иуда.

– Ты что-то странно говоришь, Иуда!

– Сухая смоковница, которую нужно порубить секирою, – ведь это я, это обо мне Он сказал. Почему же Он не рубит? Он не смеет, Фома. Я Его знаю: Он боится Иуды! Он прячется от смелого, сильного, прекрасного Иуды! Он любит глупых, предателей, лжецов. Ты лжец, Фома, ты слышал об этом?

Фома очень удивился и хотел возражать, но подумал, что Иуда просто бранится, и только покачал в темноте головою. И еще сильнее затосковал Иуда; он стонал, скрежетал зубами, и слышно было, как беспокойно движется под покрывалом все его большое тело.

– Что так болит у Иуды? Кто приложил огонь к его телу? Он сына своего отдает собакам? Он дочь свою отдает на поругание, невесту свою – на непотребство. Но разве не нежное сердце у Иуды? Уйди, Фома, уйди, глупый. Пусть один останется сильный, смелый, прекрасный Иуда!

IV

Иуда утаил несколько динариев, и это открылось благодаря Фоме, который видел случайно, сколько было дано денег. Можно было предположить, что это уже не в первый раз Иуда совершает кражу, и все пришли в негодование. Разгневанный Петр схватил Иуду за ворот его платья и почти волоком притащил к Иисусу, и испуганный, побледневший Иуда не сопротивлялся.

– Учитель, смотри! Вот он – шутник! Вот он – вор! Ты ему поверил, а он крадет наши деньги. Вор! Негодяй! Если Ты позволишь, я сам...

Но Иисус молчал. И, внимательно взглянув на Него, Петр быстро покраснел и разжал руку, державшую ворот. Иуда стыдливо оправился, искоса поглядел на Петра и принял покорно-угнетенный вид раскаявшегося преступника.

– Так вот как! – сердито сказал Петр и громко хлопнул дверью, уходя. И все были недовольны и говорили, что ни за что не останутся с Иудой, – но Иоанн что-то быстро сообразил и проскользнул в

дверь, за которою слышался тихий и как будто даже ласковый голос Иисуса. И когда по прошествии времени вышел оттуда, то был бледный, и потупленные его глаза краснели как бы от недавних слез.

– Учитель сказал... Учитель сказал, что Иуда может брать денег, сколько он хочет.

Петр сердито засмеялся. Быстро, с укором взглянул на него Иоанн и, внезапно загоревшись весь, смешивая слезы с гневом, восторг со слезами, звонко воскликнул:

– И никто не должен считать, сколько денег получил Иуда. Он наш брат, и все деньги его, как и наши, и если ему нужно много, пусть берет много, никому не говоря и ни с кем не советуясь. Иуда наш брат, и вы тяжко обидели его – так сказал Учитель... Стыдно нам, братья!

В дверях стоял бледный, криво улыбавшийся Иуда, и легким движением Иоанн приблизился и трижды поцеловал его. За ним, оглядываясь друг на друга, смущенно подошли Иаков, Филипп и другие – после каждого поцелуя

Иуда вытирал рот, но чмокал громко, как будто этот звук доставлял ему удовольствие. Последним подошел Петр.

– Все мы тут глупые, все слепые, Иуда. Один Он видит, один Он умный. Мне можно поцеловать тебя?

– Отчего же? Целуй! – согласился Иуда.

Петр крепко поцеловал его и на ухо громко сказал:

– А я тебя чуть не удушил! Они хоть так, а я прямо за горло! Тебе не больно было?

– Немножко.

– Пойду к Нему и все расскажу. Ведь я и на Него рассердился, – мрачно сказал Петр, стараясь тихонько, без шума, отворить дверь.

– А что же ты, Фома? – строго спросил Иоанн, наблюдавший за действиями и словами учеников.

– Я еще не знаю. Мне нужно подумать.

И долго думал Фома, почти весь день. Разошлись по делам своим ученики, и уже где-то за стеною громко и весело кричал Петр, а он все соображал. Он сделал бы это быстрее, но ему несколько мешал Иуда, неотступно следивший за ним насмешливым взглядом и изредка серьезно спрашивавший:

– Ну как, Фома? Как идет дело?

Потом Иуда притащил свой денежный ящик и громко, звеня монетами и притворно не глядя на Фому, стал считать деньги:

– Двадцать один, двадцать два, двадцать три... Смотри, Фома, опять фальшивая монета. Ах, какие все люди мошенники, они даже

жертвуют фальшивые деньги... Двадцать четыре... А потом опять скажут, что украл Иуда... Двадцать пять, двадцать шесть...

Фома решительно подошел к нему – уже к вечеру это было – и сказал:

– Он прав, Иуда. Дай я поцелую тебя.

– Вот как? Двадцать девять, тридцать. Напрасно. Я опять буду красть. Тридцать один...

– Как же можно красть, когда нет ни своего, ни чужого. Ты просто будешь брат, сколько тебе нужно, брат.

– И это столько времени тебе понадобилось, чтобы повторить только Его слова? Не дорожишь же ты временем, умный Фома.

– Ты, кажется, смеешься надо мною, брат?

– И подумай, хорошо ли ты поступаешь, добродетельный Фома, повторяя слова Его? Ведь это Он сказал – «свое», – а не ты. Это Он поцеловал меня – вы же только осквернили мне рот. Я и до сих пор чувствую, как ползают по мне ваши мокрые губы. Это так отвратительно, добрый Фома. Тридцать восемь, тридцать девять, сорок. Сорок динариев, Фома, не хочешь ли проверить?

– Ведь Он наш Учитель. Как же нам не повторять слов Учителя?

– Разве отвалился ворот у Иуды? Разве он теперь голый и его не за что схватить? Вот уйдет Учитель из дому, и опять украдет нечаянно Иуда три динария, и разве не за тот же ворот вы схватите его?

– Мы теперь знаем, Иуда. Мы поняли.

– А разве не у всех учеников плохая память? И разве не всех учителей обманывали их ученики? Вот поднял учитель розгу – все кричат: мы знаем, учитель! А ушел учитель спать, и говорят ученики: не этому ли учил нас учитель? И тут. Сегодня утром ты назвал меня: вор. Сегодня вечером ты зовешь меня: брат. А как ты назовешь меня завтра?

Иуда засмеялся и, легко поднимая рукою тяжелый, звенящий ящик, продолжал:

– Когда дует сильный ветер, он поднимает сор. И глупые люди смотрят на сор и говорят: вот ветер! А это только сор, мой добрый Фома, ослиный помет, растоптанный ногами. Вот встретил он стену и тихо лег у подножия ее, а ветер летит дальше, ветер летит дальше, мой добрый Фома!

Иуда предупредительно показал рукой через стену и снова рассмеялся.

– Я рад, что тебе весело, – сказал Фома. – Но очень жаль, что в твоей веселости так много зла.

– Как же не быть веселым человеку, которого столько целовали и который так полезен? Если бы я не украл трех динариев, разве узнал

бы Иоанн, что такое восторг? И разве не приятно быть крюком, на который вывешивает для просушки: Иоанн – свою отсыревшую добродетель, Фома – свой ум, поеденный молью?

– Мне кажется, что лучше мне уйти.

– Но ведь я же шучу. Я шучу, мой добрый Фома, – я только хотел знать, действительно ли ты желаешь поцеловать старого, противного Иуду, вора, который украл три динария и отдал их блуднице.

– Блуднице? – удивился Фома. – А об этом ты сказал Учителю?

– Вот ты опять сомневаешься, Фома. Да, блуднице. Но если бы ты знал, Фома, что это была за несчастная женщина. Уже два дня она ничего не ела...

– Ты это знаешь наверное? – смутился Фома.

– Да, конечно. Ведь я сам два дня был с нею и видел, что она ничего не ест и пьет только красное вино. Она шаталась от истощения, и я падал вместе с нею...

Фома быстро встал и, уже отойдя на несколько шагов, кинул Иуде:

– По-видимому, в тебя вселился сатана, Иуда.

И, уходя, слышал в наступивших сумерках, как жалобно позванивал в руках Иуды тяжелый денежный ящик. И как будто смеялся Иуда.

Но уже на другой день Фоме пришлось сознаться, что он ошибся в Иуде – так прост, мягок и в то же время серьезен был Искарот. Он не кривлялся, не шутил злоречиво, не кланялся и не оскорблял, но тихо и незаметно делал свое хозяйственное дело. Был он проворен, как и прежде, – точно не две ноги, как у всех людей, а целый десяток имел их, но бегал бесшумно, без писка, воплей и смеха, похожего на смех гиены, каким раньше сопровождал он все действия свои. А когда Иисус начинал говорить, он тихо усаживался в углу, складывал свои руки и ноги и смотрел так хорошо своими большими глазами, что многие обратили на это внимание. И о людях он перестал говорить дурное и больше молчал, так что сам строгий Матфей счел возможным похвалить его, сказав словами Соломона:

– Скудоумный выказывает презрение к ближнему своему; но разумный человек молчит.

И поднял палец, намекая тем на прежнее злоречие Иуды. В скором времени и все заметили в Иуде эту перемену и порадовались ей; и только Иисус все так же чуждо смотрел на него, хотя прямо ничем не выражал Своего нерасположения. И сам Иоанн, которому Иуда оказывал теперь глубокое почтение, как любимому ученику Иисуса и своему заступнику в случае с тремя динариями, стал относиться к нему несколько мягче и даже иногда вступал в беседу.

– Как ты думаешь, Иуда, – сказал он однажды снисходительно, – кто из нас, Петр или я, будет первым возле Христа в Его Небесном Царствии?

Иуда подумал и ответил:

– Я полагаю, что ты.

– А Петр думает, что он, – усмехнулся Иоанн.

– Нет. Петр всех ангелов разгонит своим криком, – ты слышишь, как он кричит? Конечно, он будет спорить с тобою и постарается первый занять место, так как уверяет, что тоже любит Иисуса, – но он уже староват, а ты молод, он тяжел на ногу, а ты бегаешь быстро, и ты первый войдешь туда со Христом. Не так ли?

– Да, я не оставлю Иисуса, – согласился Иоанн.

И в тот же самый день и с таким же вопросом обратился к Иуде Петр Симонов. Но, боясь, что громкий голос его будет услышан другими, отвел Иуду в самый дальний угол, за дом.

– Так как же ты думаешь? – тревожно спрашивал он. – Ты умный, тебя за ум сам Учитель хвалит, и ты скажешь правду.

– Конечно, ты, – без колебания ответил Искарот; и Петр с негодованием воскликнул:

– Я ему говорил!

– Но, конечно, и там он будет стараться отнять у тебя первое место.

– Конечно!

– Но что он может сделать, когда место уже будет занято тобою? Ведь ты первый пойдешь туда с Иисусом?

Ты не оставишь Его одного? Разве не тебя назвал Он – камень?

Петр положил руку на плечо Иуды и горячо сказал:

– Говорю тебе, Иуда, ты самый умный из нас. Зачем только ты такой насмешливый и злой? Учитель не любит этого. А то ведь и ты мог бы стать любимым учеником, не хуже Иоанна. Но только и тебе, – Петр угрожающе поднял руку, – не отдам я своего места возле Иисуса, ни на земле, ни там! Слышишь!

Так старался Иуда доставить всем приятное, но и свое что-то думал при этом. И, оставаясь все тем же скромным, сдержанным и незаметным, каждому умел сказать то, что ему особенно нравится. Так, Фоме он сказал:

– Глупый верит каждому слову, благоразумный же внимателен к путям своим.

Матфею же, который страдал некоторым излишеством в пище и питье и стыдился этого, привел слова мудрого и почитаемого им Соломона:

– Праведник ест до сытости, а чрево беззаконных терпит лишение.

Но и приятное говорил редко, тем самым придавая ему особенную ценность, а более молчал, внимательно прислушивался ко всему, что говорится, и думал о чем-то. Размышляющий Иуда имел, однако, вид неприятный, смешной и в то же время внушающий страх. Пока двигался его живой и хитрый глаз, Иуда казался простым и добрым, но когда оба глаза останавливались неподвижно и в странные бугры и складки собиралась кожа на его выпуклом лбу, – являлась тягостная догадка о каких-то совсем особенных мыслях, ворочающихся под этим черепом. Совсем чужие, совсем особенные, совсем не имеющие языка, они глухим молчанием тайны окружали размышляющего Искарриота, и хотелось, чтобы он поскорее начал говорить, шевелиться, даже лгать. Ибо сама ложь, сказанная человеческим языком, казалась правдою и светом перед этим безнадежно глухим и неотвязчивым молчанием.

– Опять задумался, Иуда? – кричал Петр, своим ясным голосом и лицом внезапно разрывая глухое молчание Иудиних дум, отгоняя их куда-то в темный угол. – О чем ты думаешь?

– О многом, – с покойной улыбкой отвечал Искарриот. И, заметив, вероятно, как нехорошо действует на других его молчание, чаще стал удаляться от учеников и много времени проводил в уединенных прогулках или же забирался на плоскую кровлю и там тихонько сидел. И уже несколько раз слегка пугался Фома, наткнувшись неожиданно в темноте на какую-то серую грудку, из которой вдруг высовывались руки и ноги Иуды и слышался его шутливый голос.

Только однажды Иуда как-то особенно резко и странно напомнил прежнего Иуду, и произошло это как раз во время спора о первенстве в Царствии Небесном. В присутствии Учителя Петр и Иоанн перекорялись друг с другом, горячо оспаривая свое место возле Иисуса: перечисляли свои заслуги, мерили степень своей любви к Иисусу, горячились, кричали, даже бранились несдержанно; Петр – весь красный от гнева, рокочущий; Иоанн – бледный и тихий, с дрожащими руками и кусающейся речью. Уже непристойным делался их спор и начал хмуриться Учитель, когда Петр взглянул случайно на Иуду и самодовольно захохотал; взглянул на Иуду Иоанн и также улыбнулся, – каждый из них вспомнил, что говорил ему умный Искарриот. И, уже предвкушая радость близкого торжества, они молча и согласно призывали Иуду в судьи, и Петр закричал:

– Ну-ка, умный Иуда! Скажи-ка нам, кто будет первым возле Иисуса – он или я?

Но Иуда молчал, дышал тяжело и глазами жадно спрашивал о чем-то спокойно-глубокие глаза Иисуса.

– Да, – подтвердил снисходительно Иоанн, – скажи ты ему, кто будет первый возле Иисуса.

Не отрывая глаз от Христа, Иуда медленно поднялся и ответил тихо и важно:

– Я!

Иисус медленно опустил взоры. И, тихо бия себя в грудь костлявым пальцем, Искарriot повторил торжественно и строго:

– Я! Я буду возле Иисуса!

И вышел. Пораженные дерзкой выходкой, ученики молчали, и только Петр, вдруг вспомнив что-то, шепнул Фоме неожиданно тихим голосом:

– Так вот о чем он думает!.. Ты слышал?

V

Как раз в это время Иуда Искарriot совершил первый, решительный шаг к предательству: тайно посетил первосвященника Анну. Был он встречен сурово, но не смутился этим и потребовал продолжительной беседы с глазу на глаз. И, оставшись наедине с сухим и суровым стариком, презрительно смотревшим на него из-под нависших, тяжелых век, рассказал, что он, Иуда, человек благочестивый и в ученики к Иисусу Назарейю вступил с единственной целью уличить обманщика и предать Его в руки закона.

– А кто Он, этот Назарей? – пренебрежительно спросил Анна, делая вид, что в первый раз слышит имя Иисуса.

Иуда также сделал вид, что верит странному поведению первосвященника, и подробно рассказал о проповеди Иисуса и чудесах, ненависти Его к фарисеям и храму, о постоянных нарушениях Им закона и, наконец, о желании Его исторгнуть власть из рук первосвященников и создать свое особенное царство. И так искусно перемешивал правду с ложью, что внимательнее взглянул на него Анна и лениво сказал:

– Мало ли в Иудее обманщиков и безумцев?

– Нет, Он опасный человек, – горячо возразил Иуда, – Он нарушает закон. И пусть лучше один человек погибнет, чем весь народ.

Анна одобрительно кивнул головою.

– Но у Него, кажется, много учеников?

– Да, много.

– И они, вероятно, очень любят Его?

– Да, они говорят, что любят. Очень любят, больше, чем себя.

– Но если мы захотим взять Его, не вступятся ли они? Не поднимут ли они восстания?

Иуда засмеялся продолжительно и зло:

– Они? Эти трусливые собаки, которые бегут, как только человек наклоняется за камнем. Они!

– Разве они такие дурные? – холодно спросил Анна.

– А разве дурные бегают от хороших, а не хорошие от дурных? Хе! Они хорошие и поэтому побегут. Они хорошие, и поэтому они спрячутся. Они хорошие, и поэтому они явятся только тогда, когда Иисуса надо будет класть в гроб. И они положат Его сами, а ты только казни!

– Но ведь они же любят Его? Ты сам сказал.

– Своего Учителя они всегда любят, но больше мертвым, чем живым. Когда учитель жив, он может спросить у них урок, и тогда им будет плохо. А когда учитель умирает, они сами становятся учителями, и плохо делается уже другим. Хе!

Анна пронизательно взглянул на предателя, и сухие губы его сморщились, – это значило, что Анна улыбается.

– Ты обижен ими? Я вижу это.

– Разве может укрыться что-либо от твоей пронизательности, мудрый Анна? Ты проник в самое сердце Иуды. Да. Они обидели бедного Иуду. Они сказали, что он украл у них три динария, – как будто Иуда не самый честный человек в Израиле!

И еще долго говорили они об Иисусе, об учениках Его, о губительном влиянии Его на израильский народ, – но решительного ответа не дал на этот раз осторожный и хитрый Анна. Он уже давно следил за Иисусом и на тайных совещаниях с родственниками и друзьями своими, начальниками и саддукеями уже давно решил участь пророка из Галилеи. Но он не доверял Иуде, о котором и раньше слышал как о дурном и лживом человеке, не доверял его легкомысленным надеждам на трусость учеников и народа. В свою силу Анна верил, но боялся кровопролития, боялся грозного бунта, на который так легко шел непокорный и гневливый народ иерусалимский, боялся, наконец, сурового вмешательства властей из Рима. Раздутая сопротивлением, оплодотворенная красной кровью народа, дающей жизнь всему, на что она падает, – еще сильнее разрастется ересь и в гибких кольцах своих задушит Анну, и власть, и всех его друзей. И когда во второй раз постучался к нему Искарriot, Анна смутился духом и не принял его. Но и в третий и в четвертый раз пришел к нему Искарriot, настойчивый, как ветер, который и днем и ночью стучится в запертую дверь и дышит в скважины ее.

– Я вижу, что боится чего-то мудрый Анна, – сказал Иуда, допущенный наконец к первосвященнику.

– Я довольно силен, чтобы ничего не бояться, – надменно ответил Анна, и Искарriot раболепно поклонился, простирая руки. – Чего ты хочешь?

– Я хочу предать вам Назарея.

– Он нам не нужен.

Иуда поклонился и ждал, покорно устремив свой глаз на первосвященника.

– Ступай.

– Но я должен прийти опять. Не так ли, почтенный Анна?

– Тебя не пустят. Ступай.

Но вот и еще раз, и еще раз постучался Иуда из Кариота и был впущен к престарелому Анне. Сухой и злобный, удрученный мыслями, молча глядел он на предателя и точно считал волосы на бугроватой голове его. Но молчал и Иуда – точно и сам подсчитывал волоски в реденькой седой бородке первосвященника.

– Ну? Ты опять здесь? – надменно бросил, точно плюнул на голову, раздраженный Анна.

– Я хочу предать вам Назарея.

Оба замолчали, продолжая с вниманием разглядывать друг друга. Но Искарriot смотрел спокойно, а Анну уже начинала покалывать тихая злость, сухая и холодная, как предутренний иней зимою.

– Сколько же ты хочешь за твоего Иисуса?

– А сколько вы дадите?

Анна с наслаждением оскорбительно сказал:

– Вы все шайка мошенников. Тридцать сребреников – вот сколько мы дадим.

И тихо порадовался, видя, как весь затрепыхал, задвигался, забегал Иуда – проворный и быстрый, как будто не две ноги, а целый десяток их было у него.

– За Иисуса? Тридцать сребреников? – закричал он голосом дикого изумления, порадовавшим Анну. – За Иисуса Назарея! И вы хотите купить Иисуса за тридцать сребреников? И вы думаете, что вам могут продать Иисуса за тридцать сребреников?

Иуда быстро повернулся к стене и захохотал в ее белое плоское лицо, поднимая длинные руки:

– Ты слышишь? Тридцать сребреников! За Иисуса!

С той же тихой радостью Анна равнодушно заметил:

– Если не хочешь, то ступай. Мы найдем человека, который продаст дешевле.

И, точно торговцы старым платьем, которые на грязной площади перебрасывают с рук на руки негодную ветошь, кричат, клянутся и бранятся, они вступили в горячий и бешеный торг. Упиваясь странным восторгом, бегая, вертясь, крича, Иуда по пальцам вычислял достоинства Того, Кого он продает.

– А то, что Он добр и исцеляет больных, это так уже ничего и не стоит, по-вашему? А? Нет, вы скажите, как честный человек!

– Если ты... – пробовал вставить порозовевший Анна, холодная злость которого быстро нагревалась на раскаленных словах Иуды; но тот беззастенчиво перебивал его:

– А то, что Он красив и молод, – как нарцисс саронский, как лилия долин? А? Это ничего не стоит? Вы, быть может, скажете, что Он стар и никуда не годен, что Иуда продает вам старого петуха? А?

– Если ты... – старался кричать Анна, но его старческий голос, как пух ветром, уносила отчаянно-бурная речь Иуды.

– Тридцать сребреников! Ведь это одного оболы не выходит за каплю крови! Половины оболы не выходит за слезу! Четверть оболы за стон! А крики! А судороги! А за то, чтобы Его сердце остановилось? А за то, чтобы закрылись Его глаза? Это даром? – вопил Искарот, наступая на первосвященника, всего его одевая безумным движением своих рук, пальцев, крутящихся слов.

– За все! За все! – задыхался Анна.

– А сами вы сколько наживаете на этом? Хе? Вы ограбить хотите Иуду, кусок хлеба вырвать у его детей? Я не могу! Я на площадь пойду, я кричать буду: Анна ограбил бедного Иуду! Спасите!

Утомленный, совсем закружившийся Анна бешено затопал по полу мягкими туфлями и замахал руками:

– Вон!.. Вон!..

Но Иуда вдруг смиренно согнулся и покорно развел руками:

– Но если ты так... Зачем же ты сердись на бедного Иуду, который желает добра своим детям? У тебя тоже есть дети, прекрасные молодые люди...

– Мы другого... Мы другого... Вон!

– Но разве я сказал, что я не могу уступить? И разве я вам не верю, что может прийти другой и отдать вам Иисуса за пятнадцать оболы? За два оболы? За один?

И, кланяясь все ниже, извиваясь и лстя, Иуда покорно согласился на предложенные ему деньги. Дрожащею, сухою рукою порозовевший Анна отдал ему деньги и, молча, отвернувшись и жуя губами, ждал, пока Иуда перепробовал на зубах все серебряные монеты. Изредка Анна оглядывался и, точно обжегшись, снова поднимал голову к потолку и усиленно жевал губами.

– Теперь так много фальшивых денег, – спокойно пояснил Иуда.

– Это деньги, пожертвованные благочестивыми людьми на храм, – сказала Анна, быстро оглянувшись и еще быстрее подставив глазам Иуды свой розоватый лысый затылок.

– Но разве благочестивые люди умеют отличать фальшивое от настоящего? Это умеют только мошенники.

Полученные деньги Иуда не отнес домой, но, выйдя за город, спрятал их под камнем. И назад он возвращался тихо, тяжелыми и медлительными шагами, как раненое животное, медленно уползающее в свою темную нору после жестокой и смертельной битвы. Но не было своей норы у Иуды, а был дом, и в этом доме он увидел Иисуса. Усталый, похудевший, измученный непрерывной борьбой с фарисеями, стеною белых, блестящих ученых лбов окружавших его каждодневно в храме, Он сидел, прижавшись щекою к шершавой стене, и, по-видимому, крепко спал. В открытое окно влетали беспокойные звуки города, за стеной стучал Петр, сбивая для трапезы новый стол и напевая тихую галилейскую песенку, – но Он ничего не слышал и спал спокойно и крепко. И это был Тот, Кого они купили за тридцать сребреников.

Бесшумно продвинувшись вперед, Иуда с нежной осторожностью матери, которая боится разбудить свое больное дитя, с изумлением вылезшего из логова зверя, которого вдруг очаровал беленький цветок, тихо коснулся Его мягких волос и быстро отдернул руку. Еще раз коснулся – и выполз бесшумно.

– Господи! – сказал он. – Господи!

И, выйдя в место, куда ходили по нужде, долго плакал там, корчась, извиваясь, царапая ногтями грудь и кусая плечи. Ласкал воображаемые волосы Иисуса, нашептывал тихо что-то нежное и смешное и скрипел зубами. Потом внезапно перестал плакать, стонать и скрежетать зубами и тяжело задумался, склонив на сторону мокрое лицо, похожий на человека, который прислушивается. И так долго стоял он, тяжелый, решительный и всему чужой, как сама судьба.

* * *

...Тихою любовью, нежным вниманием, ласкою окружил Иуда несчастного Иисуса в эти последние дни Его короткой жизни. Стыдливый и робкий, как девушка в своей первой любви, страшно чуткий и пронизательный, как она, – он угадывал малейшие невысказанные желания Иисуса, проникал в сокровенную глубину

Его ощущений, мимолетных вспышек грусти, тяжелых мгновений усталости. И куда бы ни ступала нога Иисуса, она встречала мягкое, и куда бы ни обращался Его взор, он находил приятное. Раньше Иуда не любил Марию Магдалину и других женщин, которые были возле Иисуса, грубо шутил над ними и причинял мелкие неприятности – теперь стал их другом, смешным и неповоротливым союзником. С глубоким интересом разговаривал с ними о маленьких милых привычках Иисуса, подолгу с настойчивостью расспрашивая об одном и том же, таинственно совал деньги в руку, в самую ладонь, – и те приносили амбру, благовонное драгоценное миро, столь любимое Иисусом, и обтирали Ему ноги. Сам покупал, отчаянно торгуясь, дорогое вино для Иисуса и потом очень сердился, когда почти все его выпивал Петр с равнодушием человека, придающего значение только количеству; и в каменистом Иерусалиме, почти вовсе лишенном деревьев, цветов и зелени, доставал откуда-то молоденькие весенние цветы, зелененькую травку и через тех же женщин передавал Иисусу. Сам приносил на руках – в первый раз в жизни – маленьких детей, добывая их где-то по дворам или на улице и принужденно целуя их, чтобы не плакали; часто случалось, что к задумавшемуся Иисусу вдруг вползало на колени что-то маленькое, черненькое, с курчавыми волосами и грязным носиком и требовательно искало ласки. И пока оба они радовались друг на друга, Иуда строго прохаживался в стороне, как суровый тюремщик, который сам весной впустил к заключенному бабочку и теперь притворно ворчит, жалуясь на беспорядок.

По вечерам, когда вместе с тьмою у окон становилась на страже и тревога, Искарот искусно наводил разговор на Галилею, чуждую ему, но милую Иисусу Галилею, с ее тихой водой и зелеными берегами. И до тех пор раскачивал он тяжелого Петра, пока не просыпались в нем засохшие воспоминания и в ярких картинах, где все было громко, красочно и густо, не вставала перед глазами и слухом милая галилейская жизнь. С жадным вниманием, по-детски полуоткрыв рот, заранее смеясь глазами, слушал Иисус его порывистую, звонкую, веселую речь и иногда так хохотал над его шутками, что на несколько минут приходилось останавливать рассказ. Но еще лучше, чем Петр, рассказывал Иоанн; у него не было смешного и неожиданного, но все становилось таким задумчивым, необыкновенным и прекрасным, что у Иисуса показывались на глазах слезы, и Он тихонько вздыхал, а Иуда толкал в бок Марию Магдалину и с восторгом шептал ей:

– Как он рассказывает! Ты слышишь?

– Слышу, конечно.

– Нет, ты лучше слушай. Вы, женщины, никогда не умеете хорошо слушать.

Потом все тихо расходились спать, и Иисус нежно и с благодарностью целовал Иоанна и ласково гладил по плечу высокого Петра.

И без зависти, со снисходительным презрением смотрел Иуда на эти ласки. Что значат все эти рассказы, эти поцелуи и вздохи сравнительно с тем, что знает он, Иуда из Кариота, рыжий, безобразный иудей, рожденный среди камней!

VI

Одною рукою предавая Иисуса, другою рукой Иуда старательно искал расстроить свои собственные планы. Он не отговаривал Иисуса от последнего, опасного путешествия в Иерусалим, как делали это женщины, он даже склонялся скорее на сторону родственников Иисуса и тех Его учеников, которые победу над Иерусалимом считали необходимою для полного торжества дела. Но настойчиво и упорно предупреждал он об опасности и в живых красках изображал грозную ненависть фарисеев к Иисусу, их готовность пойти на преступление и тайно или явно умертвить пророка из Галилеи. Каждый день и каждый час говорил он об этом, и не было ни одного из верующих, перед кем не стоял бы Иуда, подняв грозящий палец, и не говорил бы предостерегающе и строго:

– Нужно беречь Иисуса! Нужно беречь Иисуса! Нужно заступиться за Иисуса, когда придет на то время.

Но безграничная ли вера учеников в чудесную силу их Учителя, сознание ли правоты своей или просто ослепление – пугливые слова Иуды встречались улыбкою, а бесконечные советы вызывали даже ропот. Когда Иуда добыл откуда-то и принес два меча, только Петру понравилось это, и только Петр похвалил мечи и Иуду, остальные же недовольно сказали:

– Разве мы воины, что должны опоясываться мечами? И разве Иисус не пророк, а военачальник?

– Но если они захотят умертвить Его?

– Они не посмеют, когда увидят, что весь народ идет за Ним.

– А если посмеют? Тогда что?

Иоанн говорил пренебрежительно:

– Можно подумать, что только один ты, Иуда, любишь Учителя.

И, жадно вцепившись в эти слова, совсем не обижаясь, Иуда начал допрашивать торопливо, горячо, с суровой настойчивостью:

– Но вы Его любите, да?

И не было ни одного из верующих, приходивших к Иисусу, кого он не спросил бы неоднократно:

– А ты Его любишь? Крепко любишь?

И все отвечали, что крепко любят.

Он часто беседовал с Фомой и, подняв предостерегающе сухой, цепкий палец с длинным и грязным ногтем, таинственно предупреждал его:

– Смотри, Фома, близится страшное время. Готовы ли вы к нему? Почему ты не взял меча, который я принес?

Фома рассудительно ответил:

– Мы люди непривычные к обращению с оружием. И если мы вступим в борьбу с воинами, то они всех нас перебьют. Кроме того, ты принес только два меча – что можно сделать двумя мечами?

– Можно еще достать. Их можно отнять у воинов, – нетерпеливо возразил Иуда, и даже серьезный Фома улыбнулся сквозь прямые, нависшие усы:

– Ах, Иуда, Иуда! А эти где ты взял? Они похожи на мечи римских солдат.

– Эти я украл. Можно было еще украсть, но там закричали, – и я убежал.

Фома задумался и печально сказал:

– Опять ты поступил нехорошо, Иуда. Зачем ты крадешь?

– Но ведь нет же чужого!

– Да, но завтра воинов спросят: а где ваши мечи? И, не найдя, накажут их без вины.

И впоследствии, уже после смерти Иисуса, ученики припоминали эти разговоры Иуды и решили, что вместе с Учителем хотел он погубить и их, вызвав на неравную и убийственную борьбу. И еще раз прокляли ненавистное имя Иуды из Кариота, предателя.

А рассерженный Иуда после каждого такого разговора шел к женщинам и плакался перед ними. И охотно слушали его женщины. То женственное и нежное, что было в его любви к Иисусу, сблизило его с ними и сделало его в их глазах простым, понятным и даже красивым, хотя по-прежнему в его обращении с ними сквозило некоторое пренебрежение.

– Разве это люди? – горько жаловался он на учеников, доверчиво устремляя на Марию свой слепой и неподвижный глаз. – Это же не люди! У них нет крови в жилах даже на обол!

– Но ведь ты же всегда говорил дурно о людях, – возражала Мария.

– Разве я когда-нибудь говорил о людях дурно? – удивлялся Иуда.
– Ну да, я говорил о них дурно, но разве не могли бы они быть немного лучше? Ах, Мария, глупая Мария, зачем ты не мужчина и не можешь носить меча?

– Он так тяжел, я не подниму его, – улыбнулась Мария.

– Поднимешь, когда мужчины будут так плохи. Отдала ли ты Иисусу лилию, которую нашел я в горах? Я встал рано утром, чтобы найти ее, и сегодня было такое красное солнце, Мария! Рад ли Он был? Улыбнулся ли Он?

– Да, Он был рад. Он сказал, что от цветка пахнет Галилеей.

– И ты, конечно, не сказала Ему, что это Иуда достал, Иуда из Кариота?

– Ты же просил не говорить.

– Нет, не надо, конечно, не надо, – вздохнул Иуда. – Но ты могла проболтаться, ведь женщины так болтливы.

Но ты не проболталась, нет? Ты была тверда? Так, так, Мария, ты хорошая женщина. Ты знаешь, у меня где-то есть жена. Теперь бы я хотел посмотреть на нее: быть может, она тоже неплохая женщина. Не знаю. Она говорила: Иуда лгун, Иуда Симонов злой, и я ушел от нее. Но, может быть, она и хорошая женщина, ты не знаешь?

– Как же я могу знать, когда я ни разу не видела твоей жены?

– Так, так, Мария. А как ты думаешь, тридцать сребреников – это большие деньги? Или нет, небольшие?

– Я думаю, что небольшие.

– Конечно, конечно. А сколько ты получала, когда была блудницею? Пять сребреников или десять? Ты была дорогая?

Мария Магдалина покраснела и опустила голову, так что пышные золотистые волосы совсем закрыли ее лицо: виднелся только круглый и белый подбородок.

– Какой ты недобрый, Иуда! Я хочу забыть об этом, а ты вспоминаешь.

– Нет, Мария, этого забывать не надо. Зачем? Пусть другие забывают, что ты была блудницею, а ты помни. Это другим надо поскорее забыть, а тебе не надо. Зачем?

– Ведь это грех.

– Тому страшно, кто греха еще не совершал. А кто уже совершил его, – чего бояться тому? Разве мертвый боится смерти, а не живой? А мертвый смеется над живым и над страхом его.

Так дружелюбно сидели они и болтали по целым часам – он, уже старый, сухой, безобразный, со своей бугроватой головой и дико раздвоившимся лицом; она – молодая, стыдливая, нежная, очарованная жизнью, как сказкою, как сном.

А время равнодушно протекало, и тридцать сребреников лежали под камнем, и близился неумолимо страшный день предательства. Уже вступил Иисус в Иерусалим на ослиати, и, расстилая одежды свои по пути Его, приветствовал Его народ восторженными криками:

– Осанна! Осанна! Грядый во имя Господне!

И так велико было ликование, так неудержимо в криках рвалась к небу любовь, что плакал Иисус, а ученики Его говорили гордо:

– Не Сын ли это Божий с нами?

И сами кричали торжествующе:

– Осанна! Осанна! Грядый во имя Господне!

В тот вечер долго не отходили ко сну, вспоминая торжественную и радостную встречу, а Петр был как сумасшедший, как одержимый бесом веселия и гордости. Он кричал, заглушая все речи своим львиным рыканьем, хохотал, бросая хохот на головы, как круглые большие камни, целовал Иоанна, целовал Иакова и даже поцеловал Иуду. И сознался шумно, что он очень боялся за Иисуса, а теперь ничего не боится, потому что видел любовь народа к Иисусу. Удивительно быстро двигая живым и зорким глазом, смотрел по сторонам Искарriot; задумывался и вновь слушал и смотрел; потом отвел в сторону Фому и, точно прикалывая его к стене своим острым взором, спросил в недоумении, страхе и какой-то смутной надежде:

– Фома! А что, если он прав? Если камни у него под ногами, а у меня под ногою – песок только? Тогда что?

– Про кого ты говоришь? – осведомился Фома.

– Как же тогда Иуда из Кариота? Тогда я сам должен удушить его, чтобы сделать правду. Кто обманывает Иуду: вы или сам Иуда? Кто обманывает Иуду? Кто?

– Я тебя не понимаю, Иуда. Ты говоришь очень непонятно. Кто обманывает Иуду? Кто прав?

И, покачивая головою, Иуда повторял, как эхо:

– Кто обманывает Иуду? Кто прав?

И на другой еще день в том, как поднимал Иуда руку с откинутым большим пальцем, как он смотрел на Фому, звучал все тот же странный вопрос:

– Кто обманывает Иуду? Кто прав?

И еще больше удивился и даже обеспокоился Фома, когда вдруг ночью зазвучал громкий и как будто радостный голос Иуды:

– Тогда не будет Иуды из Кариота. Тогда не будет Иисуса. Тогда будет... Фома, глупый Фома! Хотелось ли тебе когда-нибудь взять землю и поднять ее? И, может быть, бросить потом.

– Это невозможно. Что ты говоришь, Иуда!

– Это возможно, – убежденно сказал Искарот. – И мы ее поднимем когда-нибудь, когда ты будешь спать, глупый Фома. Спи! Мне весело, Фома! Когда ты спишь, у тебя в носу играет галилейская свирель. Спи!

Но вот уже разошлись по Иерусалиму верующие и скрылись в домах, за стенами, и загадочны стали лица встречаемых. Погасло ликование. И уже смутные слухи об опасности поползли в какие-то щели; пробовал сумрачный Петр подаренный ему Иудой меч. И все печальнее и строже становилось лицо Учителя. Так быстро пробегало время и неумолимо приближало страшный день предательства. Вот прошла и последняя вечеря, полная печали и смутного страха, и уже прозвучали неясные слова Иисуса о ком-то, кто предаст Его.

– Ты знаешь, кто Его предаст? – спрашивал Фома, смотря на Иуду своими прямыми и ясными, почти прозрачными глазами.

– Да, знаю, – ответил Иуда, суровый и решительный. – Ты, Фома, предашь его. Но Он сам не верит тому, что говорит! Пора! Пора! Почему Он не зовет к себе сильного, прекрасного Иуду?

...Уже не днями, а короткими, быстро летящими часами мерилось неумолимое время. И был вечер, и вечерняя тишина была, и длинные тени ложились по земле – первые острые стрелы грядущей ночи великого боя, когда прозвучал печальный и суровый голос. Он говорил:

– Ты знаешь, куда я иду, Господи? Я иду предать Тебя в руки Твоих врагов.

И было долгое молчание, тишина вечера и острые, черные тени.

– Ты молчишь, Господи? Ты приказываешь мне идти?

И снова молчание.

– Позволь мне остаться. Но Ты не можешь? Или не смеешь? Или не хочешь?

И снова молчание, огромное, как глаза вечности.

– Но ведь Ты знаешь, что я люблю Тебя. Ты все знаешь. Зачем Ты так смотришь на Иуду? Велика тайна Твоих прекрасных глаз, но разве моя – меньше? Повели мне остаться!.. Но Ты молчишь, Ты все молчишь? Господи, Господи, затем ли в тоске и муках искал я Тебя всю мою жизнь, искал и нашел! Освободи меня. Сними тяжесть, она тяжелее гор и свинца. Разве Ты не слышишь, как трещит под ней грудь Иуды из Кариота?

И последнее молчание, бездонное, как последний взгляд вечности.

– Я иду.

Даже не проснулась вечерняя тишина, не закричала и не заплакала она и не зазвенела тихим звоном своего тонкого стекла – так слаб был шум удалявшихся шагов. Прошумели и смолкли. И задумалась вечерняя тишина, протянулась длинными тенями, потемнела – и вдруг вздохнула вся шелестом тоскливо взметнувшихся листьев, вздохнула и замерла, встречая ночь.

Затолкались, захлопали, застучали другие голоса – точно развязал кто-то мешок с живыми звонкими голосами, и они попадали оттуда на землю, по одному, по два, целой кучей. Это говорили ученики. И, покрывая их всех, стучаясь о деревья, о стены, падая на самого себя, загремел решительный и властный голос Петра – он клялся, что никогда не оставит учителя своего.

– Господи, – говорил он с тоскою и гневом. – Господи! С Тобою я готов и в темницу и на смерть идти.

И тихо, как мягкое эхо чьих-то удалявшихся шагов, прозвучал беспощадный ответ:

– Говорю тебе, Петр, не пропоет петух сегодня, как ты трижды отречешься от Меня.

VII

Уже встала луна, когда Иисус собрался идти на гору Елеонскую, где проводил Он все последние ночи свои. Но непонятно медлил Он, и ученики, готовые тронуться в путь, торопили Его; тогда Он сказал внезапно:

– Кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч. Ибо сказываю вам, что должно исполниться на Мне и этому написанному: «И к злодеям причтен».

Ученики очень удивились и смотрели друг на друга со смущением. Петр же ответил:

– Господи! Вот здесь два меча.

Он взглянул испытующе на их добрые лица, опустил голову и сказал тихо:

– Довольно.

Звонко отдавались в узких улицах шаги идущих – и пугались ученики звука шагов своих; на белой стене, озаренной луною, вырастали их черные тени – и теней своих пугались они. Так молча проходили они по спящему Иерусалиму, и вот уже за ворота города они вышли, и в глубокой лощине, полной загадочно-неподвижных теней, открылся им Кедронский поток. Теперь их пугало все. Тихое журчание и плеск воды на камнях казался им голосами

подкрадывающихся людей; уродливые тени скал и деревьев, преграждающие дорогу, беспокоили их пестротой своею, и движением казалась их ночная неподвижность. Но, по мере того как поднимались они в гору и приближались к Гефсиманскому саду, где в безопасности и тишине уже провели столько ночей, они делали смелее. Изредка оглядываясь на оставленный Иерусалим, весь белый под луною, они разговаривали между собой о минувшем страхе; и те, которые шли сзади, слышали отрывочно тихие слова Иисуса. О том, что все покинут Его, говорил Он.

В саду, в начале его, они остановились. Бóльшая часть осталась на месте и с тихим говором начала готовиться ко сну, расстилая плащи в прозрачном кружеве теней и лунного света. Иисус же, томимый беспокойством, и четверо Его ближайших учеников пошли дальше, в глубину сада. Там сели они на земле, не остывшей еще от дневного жара, и, пока

Иисус молчал, Петр и Иоанн лениво перекидывались словами, почти лишенными смысла. Зевая от усталости, они говорили о том, как холодна ночь, и о том, как дорого мясо в Иерусалиме, рыбы же совсем нельзя достать. Старались точным числом определить количество паломников, собравшихся к празднику в город, и Петр, громкою зевотою растягивая слова, говорил, что двадцать тысяч, а Иоанн и брат его Иаков уверяли так же лениво, что не больше десяти. Вдруг Иисус быстро поднялся.

– Душа Моя скорбит смертельно. Побудьте здесь и бодрствуйте, – сказал Он и быстрыми шагами удалился в чащу и скоро пропал в неподвижности теней и света.

– Куда Он? – сказал Иоанн, поднявшись на локте. Петр повернул голову вслед ушедшему и утомленно ответил:

– Не знаю.

И, еще раз громко зевнув, опрокинулся на спину и затих. Затихли и остальные, и крепкий сон здоровой усталости охватил их неподвижные тела. Сквозь тяжелую дрему Петр видел смутно что-то белое, наклонившееся над ним, и чей-то голос прозвучал и погас, не оставив следа в его помраченном сознании:

– Симон, ты спишь?

И опять он спал, и опять какой-то тихий голос коснулся его слуха и погас, не оставив следа:

– Так ли и одного часа не могли вы бодрствовать со Мною?

«Ах, Господи, если бы Ты знал, как мне хочется спать», – подумал он в полусне, но ему показалось, что сказал он это громко. И снова он уснул, и много как будто прошло времени, когда внезапно

выросла около него фигура Иисуса, и громкий, будящий голос мгновенно отрезвил его и остальных:

– Вы все еще спите и поживаете? Конечно, пришел час – вот предается Сын Человеческий в руки грешников.

Ученики быстро вскочили на ноги, растерянно хватая свои плащи и дрожа от холода внезапного пробуждения. Сквозь чащу деревьев, озаряя их бегучим огнем факелов, с топотом и шумом, в лязге оружия и хрусте ломающихся веток приближалась толпа воинов и служителей храма. А с другой стороны прибегали трясущиеся от холода ученики с испуганными, заспанными лицами и, еще не понимая, в чем дело, торопливо спрашивали:

– Что это? Что это за люди с факелами?

Бледный Фома, со сбившимся в сторону прямым усом, зябко ляскал зубами и говорил Петру:

– По-видимому, это пришли за нами.

Вот толпа воинов окружила их, и дымный, тревожный блеск огней отогнал куда-то в стороны и вверх тихое сияние луны. Впереди воинов торопливо двигался Иуда из Кариота и, остро ворочая живым глазом своим, разыскивал Иисуса. Нашел Его, на миг остановился взором на Его высокой, тонкой фигуре и быстро шепнул служителям:

– Кого я поцелую, Тот и есть. Возьмите Его и ведите осторожно. Но только осторожно, вы слышали?

Затем быстро придвинулся к Иисусу, ожидавшему его молча, и погрузил, как нож, свой прямой и острый взгляд в Его спокойные потемневшие глаза.

– Радуйся, Равви! – сказал он громко, вкладывая странный и грозный смысл в слова обычного приветствия.

Но Иисус молчал, и с ужасом глядели на предателя ученики, не понимая, как может столько зла вместить в себя душа человека. Быстрым взглядом окинул Искарот их смятенные ряды, заметил трепет, готовый перейти в громко ляскающую дрожь испуга, заметил бледность, бессмысленные улыбки, вялые движения рук, точно стянутых железом у предплечья, – и зажглась в его сердце смертельная скорбь, подобная той, какую испытал перед этим Христос. Вытянувшись в сотню громко звенящих, рыдающих струн, он быстро рванулся к Иисусу и нежно поцеловал Его холодную щеку. Так тихо, так нежно, с такой мучительной любовью и тоской, что, будь Иисус цветком на тоненьком стебельке, то не колыхнул бы его этим поцелуем и жемчужной росы не сронил бы с чистых лепестков.

– Иуда, – сказал Иисус и молнией своего взора осветил ту чудовищную груду насторожившихся теней, что была душой

Искарриота, но в бездонную глубину ее не мог проникнуть. – Иуда! Целованием ли предаешь Сына Человеческого?

И видел, как дрогнул и пришел в движение весь этот чудовищный хаос. Безмолвным и строгим, как смерть в своем гордом величии, стоял Иуда из Кариота, а внутри его все стеноло, гремело и выло тысячько буйных и огненных голосов:

«Да! Целованием любви предаем мы Тебя. Целованием любви предаем мы Тебя на поругание, на истязания, на смерть! Голосом любви скликаем мы палачей из темных нор и ставим крест – и высоко над теменем земли мы поднимаем на кресте любовью распятую любовь».

Так стоял Иуда, безмолвный и холодный, как смерть, а крику души его отвечали крики и шум, поднявшиеся вокруг Иисуса. С грубой нерешительностью вооруженной силы, с неловкостью смутно понимаемой цели уже хватили Его за руки солдаты и тащили куда-то, свою нерешительность принимая за сопротивление, свой страх – за насмешку над ними и издевательство. Как кучка испуганных ягнят, теснились ученики, ничему не препятствуя, но всем мешая – и даже самим себе; и только немногие решались ходить и действовать отдельно от других. Толкаемый со всех сторон, Петр Симонов с трудом, точно потеряв все свои силы, извлек из ножен меч и слабо, косым ударом опустил его на голову одного из служителей – но никакого вреда не причинил. И заметивший это Иисус приказал ему бросить ненужный меч, и, слабо звякнув, упало под ноги железо, столь видимо лишенное своей колющей и убивающей силы, что никому не пришло в голову поднять его. Так и валялось оно под ногами, и много дней спустя нашли его на том же месте играющие дети и сделали его своей забавой.

Солдаты распихивали учеников, а те вновь собирались и тупо лезли под ноги, и это продолжалось до тех пор, пока не овладела солдатами презрительная ярость. Вот один из них, насупив брови, двинулся к кричащему Иоанну; другой грубо столкнул со своего плеча руку Фомы, в чем-то убеждавшего его, и к самым прямым и прозрачным глазам его поднес огромный кулак, – и побежал Иоанн, и побежали Фома и Иаков, и все ученики, сколько ни было их здесь, оставив Иисуса, бежали. Теряя плащи, ушибаясь о деревья, натываясь на камни и падая, они бежали в горы, гонимые страхом, и в тишине лунной ночи звонко гудела земля под топотом многочисленных ног. Кто-то неизвестный, по-видимому только вставший с постели, ибо был покрыт он только одним одеялом, возбужденно сновал в толпе воинов и служителей. Но, когда его хотели задержать и схватили за одеяло, он испуганно вскрикнул и

бросился бежать, как и другие, оставив свою одежду в руках солдат. Так, совершенно голый, бежал он отчаянными скачками, и нагое тело его странно мелькало под луною.

Когда Иисуса увели, вышел из-за деревьев притаившийся Петр и в отдалении последовал за Учителем. И, увидя впереди себя другого человека, шедшего молча, подумал, что это Иоанн, и тихо окликнул его:

– Иоанн, это ты?

– А, это ты, Петр? – ответил тот, остановившись, и по голосу Петр признал в нем предателя. – Почему же ты, Петр, не убежал вместе с другими?

Петр остановился и с отвращением произнес:

– Отойди от меня, сатана!

Иуда засмеялся и, не обращая внимания на Петра, пошел дальше, туда, где дымно сверкали факелы и лязг оружия смешивался с отчетливым звоном шагов. Двинулся осторожно за ним и Петр, и так почти одновременно вошли они во двор первосвященника и замешались в толпу служителей, гревшихся у костра. Хмуρο грел над огнем свои костлявые руки Иуда и слышал, как где-то позади него громко заговорил Петр:

– Нет, я не знаю Его.

Но там, очевидно, настаивали на том, что он из учеников Иисуса, потому что еще громче Петр повторил:

– Да нет же, я не понимаю, что вы говорите!

Не оглядываясь и нехотя улыбаясь, Иуда мотнул утвердительно головой и пробормотал:

– Так, так, Петр! Никому не уступай своего места возле Иисуса!

И не видел он, как ушел со двора перепуганный Петр, чтобы не показываться более. И с этого вечера до самой смерти Иисуса не видел Иуда вблизи Него ни одного из учеников; и среди всей этой толпы были только они двое, неразлучные до самой смерти, дико связанные общностью страданий, – Тот, Кого предали на поругание и муки, и тот, кто Его предал. Из одного кубка страданий, как братья, пили они оба, преданный и предатель, и огненная влага одинаково опаляла чистые и нечистые уста.

Пристально глядя на огонь костра, наполнявший глаза ощущением жара, протягивая к огню длинные шевелящиеся руки, весь бесформенный в путанице рук и ног, дрожащих теней и света, Искарот бормотал жалобно и хрипло:

– Как холодно! Боже мой, как холодно!

Так, вероятно, когда уезжают ночью рыбаки, оставив на берегу тлеющий костер, из темной глубины моря вылезает нечто,

подползает к огню, смотрит на него пристально и дико, тянется к нему всеми членами своими и бормочет жалобно и хрипло:

– Как холодно! Боже мой, как холодно!

Вдруг за своей спиной Иуда услышал взрыв громких голосов, крики и смех солдат, полные знакомой, сонно-жадной злобы, и хлесткие, короткие удары по живому телу. Обернулся пронизанный мгновенной болью всего тела, всех костей, – это били Иисуса.

Так вот оно!

Видел, как солдаты увели Иисуса к себе в караульную. Ночь проходила, гасли костры и покрывались пеплом, а из караульни все еще неслись глухие крики, смех и ругательства. Это били Иисуса. Точно заблудившись, Искарriot проворно бегал по обезлюдевшему двору, останавливался с разбегу, поднимал голову и снова бежал, удивленно натываясь на костры, на стены. Потом припал к стене караульни и, вытягиваясь, присасывался к окну, к щелям дверей и жадно разглядывал, что делается там. Видел тесную, душную комнату, грязную, как все караульни в мире, с заплыванным полом и такими замасленными, запятнанными стенами, точно по ним ходили или валялись. И видел человека, которого били. Его били по лицу, по голове, перебрасывали, как мягкий тук, с одного конца на другой; и так как Он не кричал и не сопротивлялся, то минутами, после напряженного смотрения, действительно начинало казаться, что это не живой человек, а какая-то мягкая кукла, без костей и крови. И выгибалась она странно, как кукла, и когда при падении ударялась головой о камни пола, то не было впечатления удара твердым о твердое, а все то же мягкое, безболезненное. И когда долго смотреть, то становилось похоже на какую-то бесконечную, странную игру – иногда до полного почти обмана. После одного сильного толчка человек, или кукла, опустился плавным движением на колени к сидящему солдату; тот, в свою очередь, оттолкнул, и оно, перевернувшись, село к следующему, и так еще и еще. Поднялся сильный хохот, и Иуда также улыбнулся – точно чья-то сильная рука железными пальцами разодрала ему рот. Это был обманут рот Иуды.

Ночь тянулась, и костры еще тлели. Иуда отвалился от стены и медленно прибрел к одному из костров, раскопал уголь, поправил его и, хотя холода теперь не чувствовал, протянул над огнем слегка дрожащие руки. И забормотал тоскливо:

– Ах, больно, очень больно, сыночек мой, сыночек, сыночек. Больно, очень больно!..

Потом опять пошел к окну, желтеющему тусклым огнем в прорезе черной решетки, и снова стал смотреть, как бьют Иисуса. Один раз

перед самыми глазами Иуды промелькнуло Его смуглое, теперь обезображенное лицо в чаше спутавшихся волос. Вот чья-то рука впилась в эти волосы, повалила человека и, равномерно переворачивая голову с одной стороны на другую, стала лицом его вытирать заплыванный пол. Под самым окном спал солдат, открыв рот с белыми блестящими зубами; вот чья-то широкая спина с толстой голой шеей загородила окно, и больше ничего уже не видно. И вдруг стало тихо.

Что это? Почему они молчат? Вдруг они догадались?

Мгновенно вся голова Иуды, во всех частях своих, наполняется гулом, криком, ревом тысяч взбесившихся мыслей. Они догадались? Они поняли, что это самый лучший человек? – это так просто, так ясно. Что там теперь? Стоят перед Ним на коленях и плачут тихо, целуя Его ноги. Вот выходит Он сюда, а за Ним ползут покорно те, – выходит сюда, к Иуде, выходит победителем, мужем, властелином правды, Богом...

– Кто обманывает Иуду? Кто прав?

Но нет. Опять крик и шум. Бьют опять. Не поняли, не догадались и бьют еще сильнее, еще больнее бьют. А костры догорают, покрываясь пеплом, и дым над ними так же прозрачно синь, как и воздух, и небо так же светло, как и луна. Это наступает день.

– Что такое день? – спрашивает Иуда.

Вот все загорелось, засверкало, помолодело, и дым наверху уже не синий, а розовый. Это восходило солнце.

– Что такое солнце? – спрашивает Иуда.

VIII

На Иуду показывали пальцем, и некоторые презрительно, другие с ненавистью и страхом говорили:

– Смотрите: это Иуда Предатель!

Это уже начиналась позорная слава его, на которую он обрек себя вовеки. Тысячи лет пройдут, народы сменятся народами, а в воздухе все еще будут звучать слова, произносимые с презрением и страхом добрыми и злыми:

– Иуда Предатель... Иуда Предатель!

Но он равнодушно слушал то, что говорили про него, поглощенный чувством всепобеждающего, жгучего любопытства. С самого утра, когда вывели из караульни избитого Иисуса, Иуда ходил за Ним и как-то странно не ощущал ни тоски, ни боли, ни радости – одно только непобедимое желание все видеть и все слышать. Хотя

не спал всю ночь, но тело свое чувствовал легким; когда его не пропускали вперед, теснили, он расталкивал народ толчками и проворно вылезал на первое место; и ни минуты не оставался в покое его живой и быстрый глаз. При допросе Иисуса Каиафой, чтобы не пропустить ни одного слова, он оттопыривал рукою ухо и утвердительно мотал головою, бормоча:

– Так! Так! Ты слышишь, Иисус!

Но свободным он не был – как муха, привязанная на нитку: жужжа, летает она туда и сюда, но ни на одну минуту не оставляет ее послушная и упорная нитка. Какие-то каменные мысли лежали в затылке у Иуды, и к ним он был привязан крепко; он не знал как будто, что это за мысли, не хотел их трогать, но чувствовал их постоянно. И минутами они вдруг надвигались на него. Наседали, начинали давить всю свою невообразимой тяжестью – точно свод каменной пещеры медленно и страшно опускался на его голову. Тогда он хватался рукою за сердце, старался шевелиться весь, как озябший, и спешил перевести глаза на новое место, еще на новое место. Когда Иисуса выводили от Каиафы, он совсем близко встретил Его утомленный взор и, как-то не отдавая отчета, несколько раз дружелюбно кивнул головой.

– Я здесь, сынок, здесь! – пробормотал он торопливо и со злобой толкнул в спину какого-то ротозея, стоявшего у него на дороге. Теперь огромной, крикливой толпою все двигались к Пилату, на последний допрос и суд, и с тем же невыносимым любопытством Иуда быстро и жадно разглядывал лица все прибывавшего народа. Многие были совершенно незнакомы, их никогда не видел Иуда, но встречались и те, которые кричали Иисусу: «Осанна!» – и с каждым шагом количество их как будто возрастало.

«Так, так! – быстро подумал Иуда, и голова его закружилась, как у пьяного. – Все кончено. Вот сейчас закричат они: это наш, это Иисус, что вы делаете? И все поймут и...»

Но верующие шли молча. Одни притворно улыбались, делая вид, что все это не касается их; другие что-то сдержанно говорили, но в гуле движения, в громких и иступленных криках врагов Иисуса бесследно тонули их тихие голоса. И опять стало легко. Вдруг Иуда заметил невдалеке осторожно пробиравшегося Фому и, что-то быстро придумав, хотел к нему подойти. При виде предателя Фома испугался и хотел скрыться, но в узенькой, грязной улочке, между двух стен, Иуда нагнал его.

– Фома! Да погоди же!

Фома остановился и, протягивая вперед обе руки, торжественно произнес:

– Отойди от меня, сатана.

Искарриот нетерпеливо махнул рукой.

– Какой ты глупый, Фома, я думал, что ты умнее других. Сатана! Сатана! Ведь это надо доказать.

Опустив руки, Фома удивленно спросил:

– Но разве не ты предал Учителя? Я сам видел, как ты привел воинов и указал им на Иисуса. Если это не предательство, то что же тогда предательство?

– Другое, другое, – торопливо сказал Иуда. – Слушай, вас здесь много. Нужно, чтобы все вы собрались вместе и громко требовали: отдайте Иисуса, он наш. Вам не откажут, не посмеют. Они сами поймут...

– Что ты! Что ты, – решительно отмахнулся руками Фома, – разве ты не видел, сколько здесь вооруженных солдат и служителей храма. И потом, суда еще не было, и мы не должны препятствовать суду. Разве он не поймет, что Иисус невинен, и не повелит немедленно освободить его?

– Ты тоже так думаешь? – задумчиво спросил Иуда. – Фома, Фома, но если это правда? Что же тогда? Кто прав? Кто обманул Иуду?

– Мы сегодня говорили всю ночь и решили: не может суд осудить невинного. Если же он осудит...

– Ну! – торопил Искарриот.

– ...то это не суд. И им же придется худо, когда надо будет дать ответ перед настоящим Судиею.

– Перед настоящим! Есть еще настоящий! – засмеялся Иуда.

– И все наши прокляли тебя, но так как ты говоришь, что ты не предатель, то, я думаю, тебя следовало бы судить...

Не дослушав, Иуда круто повернул и быстро устремился вниз по улочке, вслед за удаляющейся толпой. Но вскоре замедлил шаги и пошел неторопливо, подумав, что когда идет много народу, то всегда идут они медленно, и одиноко идущий непременно нагонит их.

Когда Пилат вывел Иисуса из своего дворца и поставил Его перед народом, Иуда, прижатый к колонне тяжелыми спинами солдат, яростно ворочающий головою, чтобы рассмотреть что-нибудь между двух блистающих шлемов, вдруг ясно почувствовал, что теперь все кончено. Под солнцем, высоко над головами толпы, он увидел Иисуса, окровавленного, бледного, в терновом венце, остриями своими вонзавшемся в лоб; у края возвышения стоял Он, видимый весь с головы до маленьких загорелых ног, и так спокойно ждал, был так ясен в Своей непорочности и чистоте, что только слепой, который не видит самого солнца, не увидел бы этого, только безумец не

понял бы. И молчал народ – так тихо было, что слышал Иуда, как дышит впереди стоящий солдат и при каждом дыхании где-то поскрипывает ремень на его теле.

«Так. Все кончено. Сейчас они поймут», – подумал Иуда, и вдруг что-то странное, похожее на ослепительную радость падения с бесконечно высокой башни в голубую сияющую бездну, остановило его сердце.

Презрительно оттянув губы вниз, к круглому бритому подбородку, Пилат бросает в толпу сухие, короткие слова – так кости бросают в стаю голодных собак, думая обмануть их жажду свежей крови и живого трепещущего мяса:

– Вы привели ко мне Человека этого, как развращающего народ; и вот я при вас исследовал и не нашел Человека этого виновным ни в чем том, в чем вы обвиняете Его...

Иуда закрыл глаза. Ждет.

И весь народ закричал, завопил, завыл на тысячу звериных и человеческих голосов:

– Смерть Ему! Распни Его! Распни Его!

И вот, точно глумясь над самим собою, точно в одном миге желая испытать всю беспредельность падения, безумия и позора, тот же народ кричит, вопит, требует тысячью звериных и человеческих голосов:

– Варавву отпусти нам! Его распни! Распни!

Но ведь еще римлянин не сказал своего решающего слова: по его бритому надменному лицу пробегают судороги отвращения и гнева. Он понимает, он понял! Вот он говорит тихо служителям своим, но голос его не слышен в реве толпы. Что он говорит? Велит им взять мечи и ударить на этих безумцев?

– Принесите воды.

Воды? Какой воды? Зачем?

Вот он моет руки – зачем-то моет свои белые, чистые, украшенные перстнями руки – и злобно кричит, поднимая их, удивленно молчащему народу:

– Неповинен я в крови Праведника этого. Смотрите вы!

Еще скатывается с пальцев вода на мраморные плиты, когда что-то мягкое расплывается у ног Пилата, и горячие острые губы целуют его бессильно сопротивляющуюся руку – присасываются к ней, как щупальца, тянут кровь, почти кусают. С отвращением и страхом он взглядывается вниз – видит большое извивающееся тело, дико двоящееся лицо и два огромных глаза, так странно непохожие друг на друга, как будто не одно существо, а множество их цепляется

за его ноги и руки. И слышит ядовитый шепот, прерывистый, горячий:

– Ты мудрый!.. Ты благородный!.. Ты мудрый, мудрый!..

И такой поистине сатанинской радостью пылает это дикое лицо, что с криком ногою отталкивает его Пилат, и Иуда падает навзничь. И, лежа на каменных плитах, похожий на опрокинутого дьявола, он все еще тянется рукою к уходящему Пилату и кричит, как страстно влюбленный:

– Ты мудрый! Ты мудрый! Ты благородный!

Затем проворно поднимается и бежит, провожаемый хохотом солдат. Ведь еще не все кончено. Когда они увидят крест, когда они увидят гвозди, они могут понять, и тогда... Что тогда? Видит мельком оторопелого бледного Фому и зачем-то, успокоительно кивнув ему головою, нагоняет Иисуса, ведомого на казнь. Идти тяжело, мелкие камни скатываются под ногами, и вдруг Иуда чувствует, что он устал. Весь уходит в заботу о том, чтобы лучше ставить ногу, тускло смотрит по сторонам и видит плачущую Марию Магдалину, видит много плачущих женщин – распущенные волосы, красные глаза, искривленные уста, – всю безмерную печаль нежной женской души, отданной на поругание. Оживляется внезапно и, улучив мгновение, подбегает к Иисусу.

– Я с Тобой, – шепчет он торопливо.

Солдаты отгоняют его ударами бичей, и, извиваясь, чтобы ускользнуть от ударов, показывая солдатам оскаленные зубы, он поясняет торопливо:

– Я с Тобою. Туда. Ты понимаешь, туда!

Вытирает с лица кровь и грозит кулаком солдату, который оборачивается, смеясь, и показывает на него другим. Ищет зачем-то Фому – но ни его, ни одного из учеников нет в толпе провожающих. Снова чувствует усталость и тяжело передвигает ноги, внимательно разглядывая острые, белые, рассыпающиеся камешки.

* * *

...Когда был поднят молот, чтобы пригвоздить к дереву левую руку Иисуса, Иуда закрыл глаза и целую вечность не дышал, не видел, не жил, а только слушал. Но вот со скрежетом ударилось железо о железо, и раз за разом тупые, короткие, низкие удары, – слышно, как входит острый гвоздь в мягкое дерево, раздвигая частицы его...

Одна рука. Еще не поздно.

Другая рука. Еще не поздно.

Нога, другая нога – неужели все кончено? Нерешительно раскрывает глаза и видит, как поднимается, качаясь, крест и устанавливается в яме. Видит, как, напряженно содрогаясь, вытягиваются мучительно руки Иисуса, расширяются раны – и внезапно уходит под ребра опавший живот. Тянутся, тянутся руки, становятся тонкие, белеют, вывертываются в плечах, и раны под гвоздями краснеют, ползут – вот оборвутся они сейчас... Нет, остановилось. Все остановилось. Только ходят ребра, поднимаемые коротким, глубоким дыханием.

На самом темени земли вздымается крест – и на нем распятый Иисус. Осуществились ужас и мечты Искарота, – он поднимается с колен, на которых стоял зачем-то, и холодно оглядывается кругом. Так смотрит суровый победитель, который уже решил в сердце своем предать все разрушению и смерти и в последний раз обводит взором чужой и богатый город, еще живой и шумный, но уже призрачный под холодной рукою смерти. И вдруг так же ясно, как ужасную победу свою, видит Искарот ее зловещую шаткость. А вдруг они поймут? Еще не поздно. Иисус еще жив. Вот смотрит Он зовущими, тоскующими глазами...

Что может удержать от разрыва тоненькую пленку, застилающую глаза людей, такую тоненькую, что ее как будто нет совсем? Вдруг – они поймут? Вдруг всю свою массой они двинутся вперед, молча, без крика, сотрут солдат, зальют их по уши своей кровью, вырвут из земли проклятый крест и руками оставшихся в живых высоко над теменем земли поднимут свободного Иисуса! Осанна! Осанна!

Осанна! Нет, лучше Иуда ляжет на землю. Нет, лучше, лежа на земле и лякая зубами, как собака, он будет высматривать и ждать, пока не поднимутся все те. Но что случилось со временем? То почти останавливается оно, так что хочется пихать его руками, бить ногами, кнутом, как ленивого осла, – то безумно мчится оно с какой-то горы и захватывает дыхание, и руки напрасно ищут опоры. Вон плачет Мария Магдалина. Вон плачет мать Иисуса. Пусть плачут. Разве значат что-нибудь ее слезы, слезы всех матерей, всех женщин в мире!

– Что такое слезы? – спрашивает Иуда и бешено толкает неподвижное время, бьет его кулаками, прокликает, как раба. Оно чужое и оттого так непослушно. О, если бы оно принадлежало Иуде – но оно принадлежит всем этим плачущим, смеющимся, болтающим как на базаре; оно принадлежит солнцу; оно принадлежит кресту и сердцу Иисуса, умирающему так медленно.

Какое подлое сердце у Иуды! Он держит его рукою, а оно кричит «Осанна!» так громко, что вот услышат все. Он прижимает его к

земле, а оно кричит «Осанна, осанна!» – как болтун, который на улице разбрасывает святые тайны... Молчи! Молчи!

Вдруг громкий, оборванный плач, глухие крики, поспешное движение к кресту. Что это? Поняли?

Нет, умирает Иисус. И это может быть? Да, Иисус умирает. Бледные руки неподвижны, но по лицу, по груди и ногам пробегают короткие судороги. И это может быть? Да, умирает. Дыхание реже. Остановилось... Нет, еще вздох, еще на земле Иисус. И еще? Нет... Нет... Нет... Иисус умер.

Свершилось. Осанна! Осанна!

* * *

Осуществились ужас и мечты. Кто вырвет теперь победу из рук Искарриота? Свершилось. Пусть все народы, какие есть на земле, стекутся к Голгофе и возопиют миллионами своих глоток: «Осанна! Осанна!» – и моря крови и слез прольют к подножию ее – они найдут только позорный крест и мертвого Иисуса.

Спокойно и холодно Искарриот оглядывает умершего, останавливается на миг взором на щеке, которую еще только вчера поцеловал он прощальным поцелуем, и медленно отходит. Теперь все время принадлежит ему, и идет он неторопливо; теперь вся земля принадлежит ему, и ступает он твердо, как повелитель, как царь, как тот, кто беспредельно и радостно в этом мире одинок. Замечает мать Иисуса и говорит ей сурово:

– Ты плачешь, мать? Плачь, плачь, и долго еще будут плакать с тобою все матери земли. Дотоле, пока не придем мы вместе с Иисусом и не разрушим смерть.

Что он – безумен или издевается, этот предатель? Но он серьезен, и лицо его строго, и в безумной торопливости не бегают глаза его, как прежде. Вот останавливается он и с холодным вниманием осматривает новую, маленькую землю. Маленькая она стала, и всю ее он чувствует под своими ногами; смотрит на маленькие горы, тихо краснеющие в последних лучах солнца, и горы чувствует под своими ногами; смотрит на небо, широко открывшее свой синий рот, смотрит на кругленькое солнце, безуспешно старающееся обжечь и ослепить, – и небо и солнце чувствует под своими ногами. Беспредельно и радостно одинокий, он гордо ощутил бессилие всех сил, действующих в мире, и все их бросил в пропасть.

И дальше идет он спокойными и властными шагами. И не идет время ни спереди, ни сзади; покорное, вместе с ним движется оно всю своей незримою громадой.

Свершилось.

IX

Старым обманщиком, покашливая, льстиво улыбаясь, кланяясь бесконечно, явился перед синедрионом Иуда из Кариота – Предатель. Это было на другой день после убийства Иисуса, около полудня. Тут были все они, Его судьи и убийцы: и престарелый Анна со своими сыновьями, тучными и отвратительными подобиями отца, и снедаемый честолюбием Каиафа, зять его, и все другие члены синедриона, укравшие имена свои у памяти людской, – богатые и знатные саддукеи, гордые силою своею и знанием закона. Молча встретили они Предателя, и надменные лица их остались неподвижны: как будто не вошло ничего. И даже самый маленький из них и ничтожный, на которого другие не обращали внимания, поднимал кверху свое птичье лицо и смотрел так, будто не вошло ничего. Иуда кланялся, кланялся, кланялся, а они смотрели и молчали: как будто не человек вошел, а только вползло нечистое насекомое, которого не видно. Но не такой был человек Иуда из Кариота, чтобы смутиться: они молчали, а он себе кланялся и думал, что если и до вечера придется, то и до вечера он будет кланяться.

Наконец нетерпеливый Каиафа спросил:

– Что надо тебе?

Иуда еще раз поклонился и громко сказал:

– Это я, Иуда из Кариота, тот, что предал вам Иисуса Назарея.

– Так что же? Ты получил свое. Ступай! – приказал Анна, но Иуда как будто не слышал приказания и продолжал кланяться.

И, взглянув на него, Каиафа спросил Анну:

– Сколько ему дали?

– Тридцать сребреников.

Каиафа усмехнулся, усмехнулся и сам седой Анна, и по всем надменным лицам скользнула веселая улыбка; а тот, у которого было птичье лицо, даже засмеялся. И, заметно бледнея, подхватил Иуда:

– Так, так. Конечно, очень мало, но разве Иуда недоволен, разве Иуда кричит, что его ограбили? Он доволен. Разве не святому делу он послужил? Святому. Разве не самые мудрые люди слушают теперь Иуду и думают: он наш, Иуда из Кариота, он наш брат, наш

друг, Иуда из Кариота. Предатель? Разве Анне не хочется стать на колени и поцеловать у Иуды руку? Но только Иуда не даст, он трус, он боится, что его укусят.

Каиафа сказал:

– Выгони этого пса. Что он лает?

– Ступай отсюда. Нам нет времени слушать твою болтовню, – равнодушно сказал Анна.

Иуда выпрямился и закрыл глаза. То притворство, которое так легко носил он всю свою жизнь, вдруг стало невыносимым бременем; и одним движением ресниц он сбросил его. И когда снова взглянул на Анну, то был взор его прост, прям и страшен в своей голой правдивости. Но и на это не обратили внимания.

– Ты хочешь, чтобы тебя выгнали палками? – крикнул Каиафа.

Задыхаясь под тяжестью страшных слов, которые он поднимал все выше и выше, чтобы бросить их оттуда на головы судей, Иуда хрипло спросил:

– А вы знаете... вы знаете... кто был Он – Тот, которого вчера вы осудили и распяли?

– Знаем. Ступай!

Одним словом он прорвет сейчас ту тонкую пленку, что застилает их глаза, – и вся земля дрогнет под тяжестью беспощадной истины! У них была душа – они лишатся ее; у них была жизнь – они потеряют жизнь; у них был свет перед очами – вечная тьма и ужас покроют их. Осанна! Осанна!

И вот они, эти страшные слова, раздирающие горло:

– Он не был обманщик. Он был невинен и чист. Вы слышите? Иуда обманул вас. Он предал вам невинного.

Ждет. И слышит равнодушный старческий голос Анны:

– И это все, что ты хотел сказать?

– Кажется, вы не поняли меня, – говорит Иуда с достоинством, бледнея. – Иуда обманул вас. Он был невинен. Вы убили невинного.

Тот, у которого птичье лицо, улыбается, но Анна равнодушен, Анна скучен, Анна зевает. И зевает вслед за ним Каиафа и говорит утомленно:

– Что же мне говорили об уме Иуды из Кариота? Это просто дурак, очень скучный дурак.

– Что! – кричит Иуда, весь наливаясь темным бешенством. – А кто вы, умные! Иуда обманул вас – вы слышите! Не Его он предал, а вас, мудрых, вас, сильных, предал он позорной смерти, которая не кончится вовеки. Тридцать сребреников! Так, так. Но ведь эта цена вашей крови, грязной, как те помои, что выливают женщины за ворота домов своих. Ах, Анна, старый, седой, глупый Анна,

наглотавшийся закона, – зачем ты не дал одним сребреником, одним оболем больше! Ведь в этой цене пойдешь ты вовеки.

– Вон! – закричал побагровевший Каиафа. Но Анна остановил его движением руки и все так же равнодушно спросил Иуду:

– Теперь все?

– Ведь если я пойду в пустыню и крикну зверям: звери, вы слышали, во сколько оценили люди своего Иисуса, – что сделают звери? Они вылезут из логовищ, они завоюют от гнева, они забудут свой страх перед человеком и все придут сюда, чтобы сожрать вас! Если я скажу морю: море, ты знаешь, во сколько люди оценили своего Иисуса? Если я скажу горам: горы, вы знаете, во сколько люди оценили Иисуса? И море и горы оставят свои места, определенные извека, и придут сюда, и упадут на головы ваши!

– Не хочет ли Иуда стать пророком? Он говорит так громко! – насмешливо заметил тот, у которого было птичье лицо, и заискивающе взглянул на Каиафу.

– Сегодня я видел бледное солнце. Оно смотрело с ужасом на землю и говорило: где же человек? Сегодня я видел скорпиона. Он сидел на камне и смеялся и говорил: где же человек? Я подошел близко и в глаза ему посмотрел. И он смеялся и говорил: где же человек, скажите мне, я не вижу! Или ослеп Иуда, бедный Иуда из Кариота!

И Иуда громко заплакал. Он был в эти минуты похож на безумного, и Каиафа, отвернувшись, презрительно махнул рукою. Анна же подумал немного и сказал:

– Я вижу, Иуда, ты действительно получил мало, и это волнует тебя. Вот еще деньги, возьми и отдай своим детям.

Он бросил что-то, звякнувшее резко. И еще не замолк этот звук, как другой, похожий, странно продолжил его: это Иуда горстью бросал сребреники и оболочки в лица первосвященника и судей, возвращая плату за Иисуса. Косым дождем криво летели монеты, попадая в лица, на стол, раскатываясь по полу. Некоторые из судей закрывались руками, ладонями наружу, другие, вскочив с мест, кричали и бранились. Иуда, стараясь попасть в Анну, бросил последнюю монету, за которую долго шарил в мешке его дрожащая рука, плюнул и гневно вышел.

– Так, так! – бормотал он, быстро проходя по улочкам и пугая детей. – Ты, кажется, плакал, Иуда? Разве действительно прав Каиафа, говоря, что глуп Иуда из Кариота? Кто плачет в день великой мести, тот недостоин ее, – знаешь ли ты это, Иуда? Не давай глазам твоим обманывать тебя, не давай сердцу твоему лгать, не заливай огня слезами, Иуда из Кариота!

Ученики Иисуса сидели в грустном молчании и прислушивались к тому, что делается снаружи дома. Еще была опасность, что месть врагов Иисуса не ограничится Им одним, и все ждали вторжения стражи и, быть может, новых казней. Возле Иоанна, которому, как любимому ученику Иисуса, была особенно тяжела смерть Его, сидели Мария Магдалина и Матфей и вполголоса утешали его. Мария, у которой лицо распухло от слез, тихо гладила рукою его пышные волнистые волосы, Матфей же наставительно говорил словами Соломона:

– Долготерпеливый лучше храброго, и владеющий собою лучше завоевателя города.

В это мгновение, громко хлопнув дверью, вошел Иуда Искариот. Все испуганно вскочили и вначале даже не поняли, кто это, а когда разглядели ненавистное лицо и рыжую бугроватую голову, то подняли крик. Петр же поднял обе руки и закричал:

– Уходи отсюда, Предатель! Уходи, иначе я убью тебя!

Но всмотрелись лучше в лицо и глаза Предателя и смолкли, испуганно шепча:

– Оставьте! Оставьте его! В него вселился сатана.

Выждав тишину, Иуда громко воскликнул:

– Радуйтесь, глаза Иуды из Кариота! Холодных убийц вы видели сейчас – и вот уже трусливые предатели перед вами! Где Иисус? Я вас спрашиваю: где Иисус?

Было что-то властное в хриплом голосе Искариота, и покорно ответил Фома:

– Ты же сам знаешь, Иуда, что Учителя нашего вчера вечером распяли.

– Как же вы позволили это? Где же была ваша любовь? Ты, любимый ученик, ты – камень, где были вы, когда на дереве распинали вашего друга?

– Что же могли мы сделать, посуди сам, – развел руками Фома.

– Ты это спрашиваешь, Фома? Так, так! – склонил голову набок Иуда из Кариота и вдруг гневно обрушился: – Кто любит, тот не спрашивает, что делать! Он идет и делает все. Он плачет, он кусается, он душит врага и кости ломает у него! Кто любит! Когда твой сын утопает, разве ты идешь в город и спрашиваешь прохожих: «Что мне делать? Мой сын утопает!» – а не бросаешься сам в воду и не тонешь рядом с сыном? Кто любит!

Петр хмуро ответил на неистовую речь Иуды:

– Я обнажил меч, но Он Сам сказал – не надо.

– Не надо? И ты послушался? – засмеялся Искарот. – Петр, Петр, разве можно Его слушать! Разве понимает Он что-нибудь в людях, в борьбе!

– Кто не повинуется Ему, тот идет в геенну огненную.

– Отчего же ты не пошел? Отчего ты не пошел, Петр? Геенна огненная – что такое геенна? Ну и пусть бы ты пошел – зачем тебе душа, если ты не смеешь бросить ее в огонь, когда захочешь!

– Молчи! – крикнул Иоанн, поднимаясь. – Он сам хотел этой жертвы. И жертва Его прекрасна!

– Разве есть прекрасная жертва, что ты говоришь, любимый ученик? Где жертва, там и палач, и предатели там! Жертва – это страдания для одного и позор для всех. Предатели, предатели, что сделали вы с землею? Теперь смотрят на нее сверху и снизу, и хохочут, и кричат: посмотрите на эту землю, на ней распяли Иисуса! И плюют на нее – как я!

Иуда гневно плюнул на землю.

– Он весь грех людей взял на Себя. Его жертва прекрасна! – настаивал Иоанн.

– Нет, вы на себя взяли весь грех. Любимый ученик! Разве не от тебя начнется род предателей, порода малодушных и лжецов? Слепцы, что сделали вы с землею? Вы погубить ее захотели, вы скоро будете целовать крест, на котором распяли Иисуса! Так, так – целовать крест обещает вам Иуда!

– Иуда, не оскорбляй! – прорычал Петр, багровея. – Как могли бы мы убить всех врагов Его? Их так много!

– И ты, Петр! – с гневом воскликнул Иоанн. – Разве ты не видишь, что в него вселился сатана? Отойди от нас, искуситель. Ты полон лжи! Учитель не велел убивать.

– Но разве он запретил вам и умирать? Почему же вы живы, когда Он мертв? Почему ваши ноги ходят, ваш язык болтает дрянное, ваши глаза моргают, когда Он мертв, недвижим, безгласен? Как смеют быть красными твои щеки, Иоанн, когда Его бледны? Как смеешь ты кричать, Петр, когда Он молчит? Что делать, спрашиваете вы Иуду? И отвечает вам Иуда, прекрасный, смелый Иуда из Кариота:

умереть. Вы должны были пасть на дороге, за мечи, за руки хватать солдат. Утопить их в море своей крови – умереть, умереть! Пусть бы сам Отец Его закричал от ужаса, когда все вы вошли бы туда!

Иуда замолчал, поднял руку и вдруг заметил на столе остатки трапезы. И со странным изумлением, любопытно, как будто первый раз в жизни увидел пищу, оглядел ее и медленно спросил:

– Что это? Вы ели? Быть может, вы спали также?

– Я спал, – кротко опустив голову, ответил Петр, уже чувствуя в Иуде кого-то, кто может приказывать. – Спал и ел.

Фома решительно и твердо сказал:

– Это все неверно, Иуда. Подумай: если бы все умерли, то кто бы рассказал об Иисусе? Кто бы понес людям Его учение, если бы умерли все: и Петр, и Иоанн, и я?

– А что такое сама правда в устах предателей? Разве не ложью становится она? Фома, Фома, разве ты не понимаешь, что только сторож ты теперь у гроба мертвой правды. Засыпает сторож, и приходит вор и уносит правду с собою, – скажи, где правда? Будь же ты проклят, Фома! Бесплоден и нищ ты будешь вовеки, и вы с ним, проклятые!

– Будь сам проклят, сатана! – крикнул Иоанн, и повторили его возглас Иаков и Матфей, и все другие ученики. Только Петр молчал.

– Я иду к Нему! – сказал Иуда, простирая вверх властную руку. – Кто за Искариотом к Иисусу?

– Я! Я с тобою! – крикнул Петр, вставая. Но Иоанн и другие с ужасом остановили его, говоря:

– Безумный! Ты забыл, что он предал Учителя в руки врагов!

Петр ударил себя кулаком в грудь и горько заплакал:

– Куда же мне идти? Господи! Куда же мне идти!

* * *

Иуда давно уже, во время своих одиноких прогулок, наметил то место, где он убьет себя после смерти Иисуса. Это было на горе, высоко над Иерусалимом, и стояло там только одно дерево, кривое, измученное ветром, рвущим его со всех сторон, полужасохшее. Одну из своих обломанных кривых ветвей оно протянуло к Иерусалиму, как бы благословляя его или чем-то угрожая, и ее избрал Иуда для того, чтобы сделать на ней петлю. Но идти до дерева было далеко и трудно, и очень устал Иуда из Кариота. Все те же маленькие острые камешки рассыпались у него под ногами и точно тянули его назад, а гора была высока, овеяна ветром, угрюма и зла. И уже несколько раз присаживался Иуда отдохнуть и дышал тяжело, а сзади, сквозь расселины камней, холодом дышала в его спину гора.

– Ты еще, проклятая! – говорил Иуда презрительно и дышал тяжело, покачивая тяжелой головой, в которой все мысли теперь окаменели. Потом вдруг поднимал ее, широко раскрывал застывшие глаза и гневно бормотал: – Нет, они слишком плохи для Иуды. Ты слышишь, Иисус? Теперь Ты мне поверишь? Я иду к Тебе. Встреть

меня ласково, я устал. Я очень устал. Потом мы вместе с Тобою, обнявшись, как братья, вернемся на землю. Хорошо?

Опять качал каменеющей головою и опять широко раскрывал глаза, бормоча:

– Но, может быть, Ты и там будешь сердиться на Иуду из Кариота? И не поверишь? И в ад меня пошлешь? Ну что же! Я пойду в ад! И на огне Твоего ада я буду ковать железо и разрушу Твое небо. Хорошо? Тогда Ты поверишь мне? Тогда пойдешь со мной назад на землю, Иисус?

Наконец добрался Иуда до вершины и до кривого дерева, и тут стал мучить его ветер. Но когда Иуда выбранил его, то начал петь мягко и тихо – улетаю куда-то ветер и прощался.

– Хорошо, хорошо! А они собаки! – ответил ему Иуда, делая петлю. И так как веревка могла обмануть его и оборваться, то повесил ее над обрывом – если оборвется, то все равно на камнях найдет он смерть. И перед тем как оттолкнуться ногою от края и повиснуть, Иуда из Кариота еще раз заботливо предупредил Иисуса: – Так встретить же меня ласково, я очень устал, Иисус.

И прыгнул. Веревка натянулась, но выдержала: шея Иуды стала тоненькая, а руки и ноги сложились и обвисли, как мокрые. Умер. Так в два дня, один за другим, оставили землю Иисус Назарей и Иуда из Кариота, Предатель.

Всю ночь, как какой-то чудовищный плод, качался Иуда над Иерусалимом; и ветер поворачивал его то к городу лицом, то к пустыне – точно и городу и пустыне хотел он показать Иуду. Но, куда бы ни поворачивалось обезображенное смертью лицо, красные глаза, налитые кровью и теперь одинаковые, как братья, неотступно смотрели в небо. А наутро кто-то зоркий увидел над городом висящего Иуду и закричал в испуге. Пришли люди, и сняли его, и, узнав, кто это, бросили его в глухой овраг, куда бросали дохлых лошадей, кошек и другую падаль.

И в тот вечер уже все верующие узнали о страшной смерти Предателя, а на другой день узнал о ней весь Иерусалим. Узнала о ней каменная Иудея, и зеленая Галилея узнала о ней; и до одного моря и до другого, которое еще дальше, долетела весть о смерти Предателя. Ни быстрее, ни тише, но вместе с временем шла она, и как нет конца у времени, так не будет конца рассказам о предательстве Иуды и страшной смерти его. И все – добрые и злые – одинаково предадут проклятию позорную память его; и у всех народов, какие были, какие есть, останется он одиноким в жестокой участи своей – Иуда из Кариота, Предатель.

Алексей Ремизов Гнев Ильи Пророка^[87]

Необъятен в ширь и в даль подлунный мир – пропастная глубина, высота поднебесная.

Много непроходимых лесов, непролазных трущоб и болот, много непроплавных рек, бездонно-бурных морей, много диких горбатых гор громоздится под облаки.

Страшны бестропные поприща, – труден путь.

Но труднее самого трудного тесный, усеянный колючим тернием путь осуждения – в пагубу.

На четвертом разжженно-синем небе за гибкоствольным звериным вязом с тремя враждующими зверями: горным орлом, лающей выдрой и желтой змеей, за бушующей рекой Окияном, через мутную долину семи тяжелых мытарств к многолистной тяжелой вербе и дальше по вербному перепутью, к развесистой яблоне, где течет источник забвенья, – там раздел дороги.

Под беловерхой яблоней с книгой Богородица и святой апостол Петр с ключами райскими. Записывает Богородица в книгу живых и мертвых, указуя путь странствующим, отрешенным от тела, опечаленным душам.

Весела и радостна прекрасная равнина, словно огненный поток, в васильках.

И другая печальная в темных печальных цветах – без возвращения.

Не весело лето в преисподней.

Скорбь и скрежет зубовный поедает грешников во тьме кромешной. И кровь замученных, исстрадавших от мира свою земную жизнь, кровь мучеников проступает – приходит во тьму – в эту ночь, как тать. Нежданная и забытая точит укором, непоправимостью, точит червем не-усыпаемым.

В бездне бездн геенны зашевелился Зверь. Злой и лютый угрызает от лютоści свою конскую пяту; содрогаясь от боли, выпускает из чрева огненную реку.

Идет река – огонь, идет, шумя и воя, устрашая ад, несет свою волну все истребить. И огонь разливается, широколапый, перебирает смертоносными лапами, пожирая все.

Некуда бежать, негде схорониться. Нет дома. Нет матери.

Изгорают виновные души. Припадают истерзанные запекшимися губами к льдистым камням, лижут в исступлении ледяные заостренные голыши, лишь бы охладить воспаленные внутренности.

Архангел. Грозный – явился не облегчить муки, Грозный – сносит свой неугасимый огонь, зажигает ледяные камни – последнее утоление.

Загораются камни.

Тают последние надежды.

И отыняют кольцом, извиваются, свистят свирепые холодные змеи, обвиняют холодным удавом, источая на изрезанные огнем, рассеченные камнем рты свой яд горький.

Земля!

Ты будь мне матерью. Не торопись обратить меня в прах!

* * *

Вышел Иуда из врат адовых.

Кинутый Богом в преисподнюю – осужден навсегда торчать у самого пекла – неизменно видеть одни и те же страдания – безнадежно – презренный – забытый Богом Иуда.

Не обживешься. Прогоркло. Берет тоска. И дьявольски скучно.

Слепой старичок привратник позеленевшими губами жевал ржавую христопродавку, смачивал огненной слюной разрезные листья проклятой прострел-травы.

Иуда подвигался по тернистому пути. Темные цветы печальные томили Божий день. Не попадалось новичков. Безлюдье. Какие-то два черта, без спины, с оголенными раздувающимися синими легкими, дурачась, стегали друг дружку крапивой по живым местам. И опять некошные: бес да бесиха. Больше никого.

Странно! У яблони, где вечно толпами сходятся души и стоит шум, было тихо. Три несчастных заморыша, подперев кулаками скулы, на корточках, наболевшими глазками с лиловыми подтеками от мытарских щипков, застывшие, смотрели куда-то в ползучий отворотный корень яблони, уходящий в глубь – в бушующую реку Окиан. Да сухопарая, не попавшая ни в ад, ни в рай, звала душа равнодушно уставшим зевать квелым ртом.

Склоненная пречистым ликом над книгой живота и смерти опочивала утомленная Богородица, а об руку, окунув натрудившиеся ноги в источник забвения, спал апостол Петр блаженным сном крепко.

Свесившиеся на боку на золотой цепочке золотые ключи сияли бесподобным светом, – глаз больно.

Ни ангела, ни архангела, – как в воду канули. Купаться пошли бесплотные, отдыхали ли в благоухании или разом все улетели к

широколистной вербе на вербное перепутье, чтобы там задержать из мытарств странников – не беспокоить Богородицу, – Бог их ведает.

Походил Иуда по жемчужной дорожке вокруг Богородицы, заглянул в раскрытую тяжелую книгу, хотел дерзновенный от источника умыться, но свернулась под его рукой, не поддалась голубая вода, – очернила ему кончики пальцев.

Отошел ни с чем.

Повзирал на яблоню. Сшиб себе яблоко. Покатилось яблоко к ногам Петра. Полез доставать. Ухватил наливное-райское, не удержался зломудренный – заодно и ключи ухватил.

С золотыми ключами теперь Иуде всюду дорога.

Всякий теперь за Петра примет.

Легко прошел Иуда васильковый путь; подшвыривал яблоко, подхватывал другой рукой, гремел ключами.

Так добрался злонравный до райских врат.

И запели золотые ключи, – пели райские, отворяли врата.

Дело сделано.

Забрал Иуда солнце, месяц, утреннюю зарю, престол Господа, купель Христову, райские цветы, Крест и Мирю, да с ношей в охапку тем же порядком прямо в ад – преисподнюю.

И наступила в раю такая тьма, хоть глаз выколи, ничего не видать.

А в аду такой свет, так ясно и светло, даже неловко.

Вылез из бездны бездн гееннский Зверь, засел на престол Господа, вывалил окаянный свои срамные вещи, разложил богомерзкие по древу Честного Креста.

Из Христовой купели пицал паршивый бесенок, тужился как можно больше нагадить.

Плясали черти в венках из райских цветов, умащались миром, покатывались горохом от хохота. Щелкали черти райские орехи, заводили, богохульные, свои вражьи песни.

Плясали с ними грешники: лакомые, лжецы, завистники, гневные, чревобесные, убийцы, сквернословы, ябедники, грабители, плясуны, сребролюбцы, обидчивые, лицемеры, пьяницы, тати, разбойники, душегубцы, богоотступники, еретики, гордые, немилостивые, кощунники, сластолюбцы, клеветники, блудники, блудницы, чародеи и судии неправедные, цари нечестивые, архиереи, дьяконы, начальники, скотоложцы, скотоложницы, рыболожцы, рыболожницы, птицеложцы, птицеложницы и всякий женский пол, бесчинно убеляющий лицо свое.

И, плеща друг друга по ладоням, плясали все семьдесят семь недугов и все сорок болезней с хворью, хилью, немочью, повальными, падушие, трясушие – рев, грызь, ломота, колотье.

Плясали черти, грешники, перевивались с холерой, чумой, моровой язвой, с болячкой, нарывом, огневиком, мозолью, киллой, опухолью и, с вередом и с чирьями перевиваясь, топали да подпрыгивали.

Сама Смерть кувыркалась бессмертная.

Распался Зверь. Трещал Крест под пудовыми богомерзкими вещами. Здоровые, как кость, распухали срамные вещи. Вставая, мерзили.

И творилось бесование, лихое дело.

Темь. Ни зги. В поле сива коня не увидишь. Ночь на небесах.

Пробудилась Богородица. Проснулся святой апостол Петр. Не может Богородица ни книгу чести, ни в книгу записывать. Нет у апостола ключей райских.

Плутают души, зывают потерянные.

Шалыми летают ангелы, натываются, Божии теряют перья пречистые, разбивают свои серебряные венчики.

Лезут черти. Забираются на яблоню, шелушат золотые яблоки, топчут копытами заливной луг, оставляют следы по жемчугу, запускают нечистого духа в Фимиам кадила, пакостят на ризы и крылья ангелам, наставляют рожки непорочным женам, приделывают хвосты святым угодникам.

И сошлись со всех райских обитателей и прохладных куш все святители и угодники, чудотворцы, святые мученики, великомученики, блаженные, присноблаженные, печальники, страстотерпцы, заступники усердные, лики праведных жен, лики царей милостивых, благоразумные разбойники и пророки и апостолы.

Спрашивает Господь:

– Кто возьмется из вас, преподобных, принести мне похищенное?

Молчат угодники и все святители. Повесили носы: страшен всем Иуда, держащий ключи райские, неохота преподобным платиться боками – люты козни дьявольские.

Лишь один вызывается Илья Пророк. <...>

Ожесточено сердце Пророка, хочет мстить.

– Дай мне, Господи, гром Твой и молнию, я достану похищенное, я истреблю вконец род бесовский.

– Молод ты и не силен, – говорит Господь, – не по тебе такое оружие.

И воскликнул Илья:

– Господи, я от моря поднял облако, сделал небо мрачным от туч и ветра, низвел большой дождь; я словом останавливал росу, я насылал засуху и голод, устрашая царя Ахава, сына Амврия. Я на горе Кармил перед лицом четырехсот пятидесяти пророков Вааловых и четырехсот дубровных гордой Иезавели, посрамляя Ваала, низвел на тельца огонь, – и огонь пожрал всеожжение, и дрова, и камни, и прах и поглотил воду во рву. И еще раз я свел огонь и попалил пятидесятников царя Охозии, сына Ахава, посрамляя Вельзевула, идола аккаронского. Господи, не Ты ли в пустыне у горы Хорива звал меня, и не в ветре, не в землетрясении, не в охоте, не в веянии тихого ветра я слышал Тебя? И в пустыню к Иордану Ты послал за мной огненную колесницу и коней огненных, Ты меня взял к себе —
Молчат угодники и все святители. Дуют в ус.
Милосерд владыка Господь – не попустит Он раба своего.
Дает Господь Илье Пророку гром и молнию.

* * *

Грохочет гром, трещат нещадные стрелы, гремит преисподняя.
Испепелен ад, разгромлен Иуда, скован цепями.
Отнята добыча. Погас в аду свет. Прикончилась пляска.
Скрючились черти. Ночь.
На небесах солнце, на небесах месяц и утренняя заря, престол Господа, купель Христова, Крест и Мирю.
Грохочет гром, трещат нещадные стрелы, гремит преисподняя.
<...>

* * *

На четвертом разжженно-синем небе забушевала неслыханная буря.
Гнется гибкоствольный ветвистый звериный вяз, исцарапались звери. Гнутся ветви, еле переносят убитых на своих зеленых плечах.
И тянутся, тянутся, не провитав близ земного жилья сорока положенных дней, через мытарства до вербы, по вербному перепутью к яблоне сонмы покаранных душ.
Запружают убитую стопами равнину.
Толчея. Некуда яблоку упасть.
Не успеваешь Богородица в книгу записывать; иступилось перо. И весы кажут неверно, согнулись резные стрелки. <...>

И была великая брань на небеси и на земли.

* * *

Смраден час, невозможный.

Глубокими, как пропасти, устами глотал ад жертвы погибели и вскипал смрадом.

В бездне бездн, где родится и плавится огонь, в геенне – серебряный столб, в столбе золотое кольцо; там к золотому прикован на цепи Иуда.

Так и будет прикован на цепи, и с петель на шее до последнего суда не тронется ни на единую пядь из ужасного пекла.

Бесятся бесы – завивают, лохматые, винтом свой острый кабаньих хвост и с налета, визжа, сверлят волосатую блудливую душу.

Зацепили за пуп плясуна и волынщика, подпернули на железное гвоздь, пустили качаться над раскаленными каменными плитами.

Качался плясун и волынщик.

Влеплялись стрелы в изъеденный коростой язык балагура.

Грыз дьявол – веревкин черт – заячье сердце и лукавое.

Один черт без спины, с оголенными раздувающимися синими легкими пилит руку охальному писцу.

Железное дерево с огненной листвой трепетало, осыпались огненные листья; из темной реки подымался вопль, клич и визг; змеи сосали лицо; черви точили раны; двуглавые птицы, крича, кружились, выклевывали глаза; дьяволы разжигали железные роги и проницали сквозь тело.

Пламя грозит, душит дым, падает горящая смола.

Писк, скаканье, сатанинские песни.

Там плач неутешный.

Мука вечная и бесконечная.

Земля!

Ты будь мне матерью. Не торопись обратить меня в прах!

Василий Розанов Трепетное дерево ^[88]

Мы загасили огни. Но, вместо того чтобы разойтись спать, вышли в сад, чтобы подышать полчаса-час ночью.

Глубокое безмолвие было в воздухе. Ночь была темна, но как-то странно. В саду, на ближней полянке, в подымавшемся за дачей лесу стояла черная темь. А небо было светлое, бирюзовое. По нему, как веснушки по лицу, были раскиданы бледные и маленькие звездочки, наши северные, бескровные звездочки. Все было невыразительно. Но нельзя сказать, чтобы в этой невыразительности не было чего-то духовного. Точно больная девушка, которой немного жить, но которая тем упорнее в мечтах своих и пожеланиях. Белокурое небо. Не замечали ли вы, читатель, что вся наша северная природа белокура, тогда как юг, и его небо, и звезды – явный брюнет. Что-то такое есть...

Деревья сада замерли в безветрии. Но одно высокое дерево, наискосок от нас, трепетно билось своими листочками. Точно что-то нервное пробегало в нем, точно листва его шевелилась внутренним электричеством. Оно было красивее, духовнее других. Но я рассеянно смотрел на него, не обращая особенного внимания.

– Я очень люблю это дерево, – сказала одна из собеседниц, – хотя вы знаете, какая о нем есть легенда...

Тут только, взглянув внимательнее, я заметил, что это осина. Когда-то я рассматривал ее листья, чтобы определить причину постоянного их трепета. Каждый листок осины сидит на очень длинном и довольно слабом черешке и в то же время сам слегка изогнут. Малейшее давление атмосферы, таким образом, повертывает его из стороны в сторону; и как абсолютной неподвижности воздуха не бывает, то дерево и трепещет постоянно листьями.

То, которое было перед нами, было необыкновенно красиво. В листьях его был именно трепет, а не просто движение. Среди сонных куп других деревьев сада оно казалось одно не дремлющим и не усталым. «Точно оно вечно оправдывается или вечно вспоминает», – подумал я. Но эта мысль пришла мне в голову потому, что я знал легенду.

– Какая легенда? – спросили многие из общества.

– Очень печальная и нехорошая. Что когда Иуда предал Христа, то почувствовал угрызение совести и удавился. Он удавился на осине, и с тех пор она трепещет листьями. Подобная же легенда есть о воровьях. Вы заметили, как они скачут. Предание рассказывает, что

они принесли гвозди, которыми были пригвождены руки и ноги Спасителя к кресту.

Признаюсь, о воробьях я не очень понял. Я продолжал смотреть на дерево, которое положительно было трепетно. И вот я стал думать, до чего неосторожен человек, что невинные и беззащитные растения окружает мрачными вымыслами своего воображения. Дерево являло ему чудный вид. Оно редко и исключительно. Но вместо того, чтобы любоваться им, человек заподозрил его в каком-то чудовищном родстве или единении с предателем Иудой и что дерево вечно дрожит от страха. Какой вымысел! Какое уродство в смысле!

И я перенесся воображением за две тысячи лет. Никогда я не мог постичь *сна* учеников Иисусовых в Гефсиманском саду. Сон на учеников Иисусовых точно был нагнетен, точно это был магнетический сон, – тем более что нигде еще в Евангелии не упоминается о их сонливости или нерадении! Я много раз размышлял над этим. Какая здесь *цель*? Для *чего* показан этот сон? Какой в нем *смысл*? Заметим, что сон учеников во время молитвы Спасителя в Гефсиманском саду навеки запомнился в человечестве как упрек, самоупрек, как показатель слабости человеческой и, в частности, как показатель того чрезмерного превосходства, какое имел Учитель перед Своими учениками. И даже более. Они чрез этот таинственный сон, который так легко счесть за *небрежение*, точно причастились все духа и деяния Иуды. Хоть немножко, но *тенденция* к этому есть. Тот *предал*, эти *не усторожили*. Тут и знаменитое троекратное отречение Симона от Христа во дворе Каиафы получает свое объяснение. Это тот же уклон: «Он – взят, а вы то спали, то отрекались! Один из вас привел воинов! Конечно, Он имел врагов; но страшнее и унижительнее для человечества, что Он *не имел друга!*»

И тогда оба явления, и сон и отречение, суть только лучи, только частицы одного потрясающего события, уже шедшего в мир: смерти Бога *среди людей и от людей*. Как это ужасно! Еще каинство человека, еще убитый в нашем доме, на нашем поле Авель! и какой Авель!

И вот, как бы испуганный и оправдываясь, в эту ночь и перед этою осиною я спросил себя о том, о чем никогда в жизни не спрашивал себя:

– И мы – Иуды?.. *Опять* Каины!

О, что значит врагам погубить? Они на то и враги, идут с открытым забралом. Наконец, они осуждены. Но «ученик предал» – это гораздо страшнее, чрез это именно *мы-то*, тоже ученики, осуждены; и куда уже нам деться, не видим. Совершилось второе тягчайшее грехопадение человека: *убили Бога*. О, что пред этим, что когда-то в Адаме люди Его *не послушались*... То было маленькое падение, это – большое, *главное*...

Вот о чем я и думал, сидя перед осиной. Она все так же трепетала. И я трепетал. И как бы хотел я закричать, заплакать: «Нет, Господи, этого не было, нет! Мы не спали, не отрекались, не предавали; мы кричали: „*Осанна Сыну Давидову! благословен, Грядый во имя Господне!*“» И пальмы, и одежды под ноги, и дети.

А тусклые звездочки все так же мерцали. И что-то знали, чего я не знал.

Примечания

1

Ориген против Цельса / Пер. с греч. Л. Писарева. М., 1996. Фрагмент из книги третьей, главы XI. Ориген Александрийский (185–254) – учитель Церкви, философ и богослов; родился в Александрии, грек по происхождению. Уже в молодые годы преподавал в знаменитой Александрийской школе риторику и грамматику. В 228 г. рукоположен в пресвитеры, но вскоре был лишен сана. Его жизнь прошла в гонениях, несмотря на проповедь и толкование Священного Писания. Прославился своими трудами и трудами своих учеников, среди которых – св. Григорий Назианзин и св. Григорий Нисский. Преставился после мученических истязаний в Тире. Посмертно осужден на Вселенском соборе 553 г. при императоре Юстиниане. Цельс – писатель конца II века, автор трактата «Истинное слово», направленного против христианства с позиций эпикурейства. Трактат Оригена был написан три четверти века спустя после Цельса.

2

Иринея Лионский. Творения («Против ересей», кн. 5, гл. 33). М., 1996. Перевод прот. П. Преображенского. Папий Иерапольский (? – между 156 и 165) – ученый епископ, ученик Иоанна Богослова. Его основное сочинение – «Пять книг изъяснений Господних изречений», которое сохранилось фрагментарно, а порой в пересказе других историков и экзегетов. Папий мученически скончался в период гонений на христиан.

3

Св. Ефрем Сирин. Творения. М.: Изд. Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1995. Т. 8. Ефрем Сирин (IV в. – нач. V в.) – один из великих учителей Церкви. Родился близ границы с Сирией, откуда ведет свое происхождение и именование. Написал более 1000 произведений, уже в древности переведенных на греческий. Почитался как толкователь Священного Писания; его труды говорят о глубоком знании им не только христианских писателей, но и «эллинской мудрости», языческой мифологии и естествознания.

4

Свт. Иоанн Златоуст. Полное собрание творений: В 12 т. М.: Радонеж, 2005. Т. 2. Кн. 1. Иоанн Златоуст (между 344 и 354–407) – святитель, один из

главных отцов Церкви, византийский церковный деятель, епископ Константинополя (с 398 г.), представитель греческого церковного красноречия. Автор проповедей, панегириков, псалмов; с именем Иоанна Златоуста связана наиболее распространенная литургия. Борьба за осуществление аскетического идеала и критика общественной несправедливости сделали Иоанна Златоуста популярным, но восстановили против него влиятельные круги двора и высшего клира; в 403 г. был отправлен в ссылку, из страха перед народом возвращен, но снова в 404 г. низложен и сослан. Способствовал изгнанию готов из Константинополя в 400 г. В Византии и на Руси был идеалом проповедника и неустрашимого обличителя; канонизирован Русской Православной Церковью.

5

Максим Исповедник. Вопросыответы к Фалассию. Кн. 2. М.: Мартис, 1993. Максим Исповедник (около 580–662) – преподобный. В молодости государственный деятель, с 613–614 гг. – монах. С 642 г. выступает как ведущий оппонент монофелитов, в 653 г. арестован, в 662 г. подвергнут отсечению языка и правой руки. Один из самых выдающихся православных богословов, ему принадлежат многие труды по экзегетике Священного Писания, толкования на Ареопагитики, объяснение богослужения («Мистагогия»). Он наиболее полно в православии разработал учение о человеке, сотворении мира и обожении, подтвержденное затем св. Симеоном Новым Богословом и св. Григорием Паламой.

6

Преподобный Фалассий († ок. 660); был пресвитером и настоятелем одного монастыря в Ливийской пустыне близ Карфагена.

7

Езекия (евр. «Яхве – моя сила») – царь Иудеи, сын Ахаза (4 Цар. 18:3; 2 Пар. 29–32), правивший в 725–697 гг. до Р. Х.

8

Св. Иринеи Лионский. Творения. М.: Паломник; Благовест, 1996. Пер. прот. П. Преображенского. Иринеи Лионский (130–202) – святой, отец Церкви. Родился в Малой Азии, был учеником пресвитеров, знавших Иоанна Богослова. Его основное сочинение – «Обличение и опровержение лжеименного знания», называемое обыкновенно «Против ересей», которое написано на греческом языке, а впоследствии переведено на

латинский. Умер мученической смертью во время гонений Септимия Севера.

9

Исав – старший сын Исаака и Ревекки (Быт. 25:19–26); продал за чечевичную похлебку первородство своему брату – близнецу Иакову (Быт. 25:27–34).

10

Корей – вождь восстания левитов против Моисея и Аарона во время странствий по пустыне (Числ. 16:1–35; 26:9–11).

11

Творение святого Епифания Кипрского. На восемьдесят ересей Панарий, или Ковчег. М., 1882 (Творение святых отцов в русском переводе, издаваемые при Московской Духовной академии, том 50). Епифаний Кипрский (около 315–403), святой, епископ г. Саламина и митрополит Кипра (с 367 г.). Защищал православное вероучение в полемике с многочисленными еретическими учениями. Сочинение «Панарий» (буквально «ящик с лекарствами») содержит подробное описание и опровержение 80 ересей.

12

Дафан и Авирон – сыновья Елиава из колена Рувима, принявшие участие в мятеже Корея против Моисея.

13

Имеется в виду апокриф «Откровение Павла». См.: Книга апокрифов. СПб.: Амфора, 2004. С. 390–408. Перевод М. Витковской.

14

Перевод, вводная статья и примечания В. Е. Витковского.

15

Докеты (от *греч.* δόκη – призрак) – гностики, заявлявшие о призрачности тела Христова; по их мнению, Христос лишь казался человеком.

16

См. перевод А. Л. Хосроева в кн.: *Хосроев А. Л.* Из истории раннего христианства / На материале коптской библиотеки из Наг-Хаммади. М., 1997. С. 315–340.

17

См. перевод М. К. Трофимовой в кн.: Апокрифы древних христиан. М., 1989. С. 197–218.

18

М.: *Хосроев А. Л.* Александрийское христианство. М., 1991. С. 223–232. Перевод А. Л. Хосроева.

19

См. с. 90 наст. издания.

20

Хосроев А. Л. Александрийское христианство. С. 44.

21

О каинитах см. также с. 91–94 наст. издания.

22

Не вполне ясное хронологическое указание.

23

Гностики часто называли детьми себя, относя при этом к себе слова Иисуса о «малых сих» (Мф. 18:6 и параллельные места).

24

Ср. «Апокалипсис Петра» (81.17–19) и «Второй трактат великого Сифа» (59.22–30).

25

Иисус очень ясно говорит о том, что Бог апостолов – не Его отец, что вполне соответствует обычным гностическим представлениям, но

выражено, пожалуй, здесь яснее, чем где-либо в других текстах. Имя Бога апостолов – Саклас (см. ниже).

26

Имя «Барбело» (женского рода) фигурирует в апокрифе только здесь, в словах Иуды. Сам Иисус не называет этого имени (см. 47 и вводную статью).

27

Матфий – Деян. 1:20–26.

28

Текст не вполне ясен, однако из дальнейшего можно сделать вывод, что видение относится к обряду крещения (см. 54 и примеч.).

29

Таким образом, проводится параллель между церковными христианами и иудейскими врагами Иисуса (новозаветными «книжниками и фарисеями»). Истолкование видения в «Евангелии Иуды» бросает свет на подобные тексты в гностических памятниках «Апокалипсис Петра» (NH VII, 3; 73.8–10) и «Свидетельство истины» (NH IX, 3; 29.19–21), которые до сих пор вызывали у исследователей недоумение.

30

Во «Втором трактате великого Сифа» (59.22–30) церковные христиане также сравниваются с неразумными скотами.

31

Возможно, что эти слова относятся к предыдущей фразе.

32

Речь идет, вероятно, о «неправильном» (чисто плотском) воздержании, не связанном с истинным гносисом.

33

Представление о связи церковных христиан со звездами (см. также 41, 42 и др.), точнее говоря с «блуждающими звездами» (планетами – от слова «plane», что значит «блуждание» или «заблуждение»), имеет параллель в «Свидетельстве истины», ср., например, Св. Ист. 29.16–18 и 34.8–10. О «совершении» или «завершении» говорит и указ. место в гл. 29 Св. Ист.

Относительно сообщения Иринаея об этом «термине» см. вводную статью. См. также ниже, 41 и 54.

34

С кем должен быть отождествлен этот «истинный Господь», не вполне ясно: из откровения, которое дает Иуде Иисус (см. ниже), определенного вывода сделать нельзя.

35

Возможно, критика евхаристии (ср. 34).

36

О каком «Боге» (боге) идет речь здесь, не вполне ясно.

37

Ср. Мф. 13:5 и параллельные места.

38

Возможно, речь идет о (ложной) премудрости (*греч. sophia*) церковных христиан или гностических оппонентов автора.

39

Возможное понимание: «Ты – тринадцатый дух». О числе 13 см. ниже.

40

Не вполне ясное слово. Быть может, речь идет о таких кровлях, какие имели дома собраний соответствующего гностического направления (этот дом явно противопоставлен первому дому, символизирующему христианскую Церковь).

41

Возможное понимание «ни (одного) дня».

42

Ср. Св. Ист. 30.15–18 (церковные христиане – это те, кто должен отдать архонтам все «до последнего кодранта» – Мф. 5:26).

43

В гностическом трактате «Пистис София» (гл. 30) говорится о ненависти архонтов двенадцати эонов к Пистис Софии (Вере-Мудрости), находящейся в тринадцатом эоне и желающей идти к еще более высокому свету. См. фрагменты этого трактата в переводе М. К. Трофимовой в сб.: Знаки Балкан. М., 1994. С. 234–269.

44

Возможное понимание: «победишь их».

45

Далее излагается космогония, весьма напоминающая космогонию «Апокрифа Иоанна», важного гностического текста (дошел сразу в трех кодексах Наг-Хаммади, причем во всех трех помещен на первое место). Общую оценку этой параллели см. в статье.

46

Иисус не называет этот «великий эон» никаким именем, тогда как Иуда называет его «Барбело» (ср. «Апокриф Иоанна» 4.36 и далее).

47

Греческое имя Аутогенес, буквально «Саморожденный», в русских переводах некоторых других гностических текстов (в том числе в «Апокрифе Иоанна», см. ниже) передано как «Аутоген». В «Апокрифе Иоанна» Саморожденный «открывается через Проную» (АИ 7.22–23).

48

В АИ «четыре света» появляются из самого Аутогена (АИ 7.33). Четыре ангела: Армоцель, Ориэль, Давейтай, Элелет (фигурируют и в других гностических космогониях).

49

Речь идет, очевидно, о первом эоне.

50

Адамант (Адамас) – персонаж разных гностических космогоний, иногда ассоциируется с Адамом. В «Пистис Софии» (гл. 15) Адамас – «великий

Тиран» (один из ангельских чинов). В «Апокрифе Иоанна» (АИ 8.34) именем «Пигераадаман» назван «совершенный Человек» (ср. 50).

51

Ср. «Апокриф Иоанна» 11.23–25, однако там эти события относятся к более позднему времени (деятельность Ялдаваофа – Сакласа, см. 52).

52

Смысл не совсем ясен.

53

Возможно, для концепции автора важно, что духи девственны (см. статью).

54

Разумеется, это не перевод слова «космос» (мир), а типично гностическая интерпретация.

55

Имя не читается полностью (Элохим?).

56

Можно перевести и как «бездна».

57

В «Апокрифе Иоанна» Ялдаваоф и Саклас – два имени одного («больного») архонта, у которого есть еще третье имя – Самаил (АИ 11.15–17).

58

Этот текст сходен с «Апокрифом Иоанна» (10.28–11.8), но имеются отличия: речь идет о «властях», которых двенадцать: семь царят над семью небесами, а пять – над бездной ада (бездна/хаос и ад не разделяются). Имя «Хармафоф» (видимо, искаженное Гермес-Тот) соответствует именам двух первых властей: Афоф и Хармас. Двум первым именам в обоих текстах даются дополнительные истолкования, но разные. Прочтение первого имени как «Сиф» предположительно (отождествление Сифа с Христом –

распространенный мотив гностической литературы), Христос при этом не отождествляется с Иисусом. В списке имен имеются разночтения и по разным рукописям «Апокрифа Иоанна».

59

Перевод вопроса предположительный.

60

Очевидно, важное, но темное место: по-видимому, вновь противопоставляется «бог» Саклас и «истинный Господь» (ср. 34). Похоже, что действие «Господа» является реакцией на действие Сакласа.

61

Ср. 41.

62

Очевидно, речь идет о крещении, которое резко критикует автор. Подобная критика содержится и в «Свидетельстве истины» (например, Св. Ист. 69.8-22). В этом трактате говорится и о том, что церковные христиане напрасно губят себя (Св. Ист. 34.4-7 и др.). Это обычно понимается как готовность пожертвовать жизнью за веру во Христа. Однако возможно, что и здесь подразумевается крещение, которое категорически отвергают оба автора (ср. свидетельство Тертуллиана о «Каиновой ереси» – см. статью). Понимание крещения как «смерти» в позитивном смысле ср. у апостола Павла: Рим. 6:2-11, Кол. 2:11-13. Возможно, что автор «Свидетельства истины» полемизирует с Павлом, которого цитирует и в других местах. Другая возможность, что оба автора имеют в виду только физическую смерть (в том числе самопожертвование), представляется маловероятной. Немного ниже (55) Иуда спрашивает именно о судьбе принявших крещение.

63

В видении учеников (38) священники совершали жертвоприношения во имя Иисуса, что соответствует раннехристианской формуле крещения (Деян. 2:38, 8:16 и др.). Это подтверждает предположение, что под «убийством» автор имеет в виду крещение (см. выше).

64

Крещение воспринимается как жертвоприношение Демиургу, именуемому здесь Сакласом. Жертва создателю тленного человека приравнена к убийству.

65

Иуда совершает своим предательством «таинство» (ср. Ириней, см. статью), противоположное таинству крещения – он жертвует не Демиургу-Сакласу, а, очевидно, истинному «Господу всего мира» (ср. 40). Однако, как уже сказано (см. примеч. 1 на с. 117), не вполне ясно, с кем должен быть отождествлен этот «Господь».

66

Ср. свидетельство Тертуллиана о «второй группе каинитов» («Против всех ересей» 2, см. статью). К сожалению, текст дошел в слишком плохом состоянии, чтобы можно было полностью отождествить автора «Евангелия Иуды» с этой группой.

67

Заголовки гностических текстов нередко помещались в конце текста.

68

© Ершов С., перевод, 2001

Варнава (евр. «сын утешения») – имя-прозвище, данное апостолами левиту Иосифу (Иосии) с Кипра. Известен из Нового Завета; обладал даром пророка и учителя (Деян. 13:1). Им введен в общину апостолов Павел; сопровождал Павла в его первом миссионерском путешествии, но после они расстались (Деян. 15:36–41).

69

Евангелие от Варнавы / Пер. Д. Арибжановой. М., 2005.

70

Порфирьев И. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки // Сборник отделения русского языка и словесности АН. Т. 58. № 4. 1899.

71

Вега (Гейман В. В.). Апокрифические сказания о Христе. СПб., 1912–1914.

72

Свт. Иннокентий Херсонский. Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа. М., 1991 (репринтное издание). Иннокентий Херсонский (в миру Иван Алексеевич Борисов) (1800–1857), русский православный богослов и церковный оратор. Профессор Санкт-Петербургской (с 1824 г.) и ректор (с 1830 г.) Киевской Духовных академий, содействовал перестройке духовно-учебных заведений. С 1836 г. – епископ, с 1848 г. – архиепископ Херсонский и Таврический. Новаторство в его богословии многими было встречено враждебно. Одно время он слыл «неологом». Было даже возбуждено «секретное дознание» о его образе мыслей, окончившееся полным его оправданием. Церковно-исторические сочинения его положили начало его ученой известности. Книга «Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа» была признана чересчур «либеральной» и в течение тридцати лет не могла быть переиздана. После коронации императора Александра II архиепископ Иннокентий был назначен членом Святейшего Синода. Архиепископ Херсонский и Таврический канонизирован Русской Православной Церковью в 1997 г. решением Синода УПЦ.

73

Православное обозрение. 1883. Т. 3. Сентябрь. Митрофан Дмитриевич Муретов (1851–1917) – православный богослов, профессор Московской Духовной академии по кафедре Св. Писания Нового Завета. Его главными работами были: Философия Филона Александрийского в отношении учения Иоанна Богослова о Логосе. М., 1885 (магистерская дис.); Ветхозаветный храм. М., 1890 (докторская дис.); Протестантское богословие до появления Штраусовой «Жизни Иисуса», 1894; Апокрифическая переписка апостола Павла с Коринфянами, 1896; Новый Завет как предмет православно-богословского изучения. М., 1915. На протяжении многих лет работал над темой предательства апостола Иуды; первая работа была опубликована в 1883 г. в «Православном обозрении», вторая, под тем же названием – в 1905–1908 гг. в «Богословском вестнике». Печатается в сокращении. Статья написана по следам полемики с Д. Ф. Штраусом и Фолькмаром. Давид Фридрих Штраус (1808–1874) – немецкий философ, теолог, историк. Русскому читателю наиболее известна его книга «Жизнь Иисуса» (первый русский перевод: СПб., 1907), о которой и идет речь в исследовании М. Д. Муретова. Фолькмар (Volkmar) – немецкий политический деятель, автор «Религии Иисуса». Русский перевод книги неизвестен.

74

Древн. XX, 6, 2.

75

О войне иуд. VI, 5, 3.

76

См.: *Штраус Д. Ф.* Жизнь Иисуса. СПб., 1907; *Volkmar.* Religion Iesu.

77

Ориген против Цельса, 11, 12.

78

Феофилакт, Лайтфут, Бардт, Нимейер, Шмидт, Тисс, Лиде, Павлюс, Шоллмейер и др. Из русских в этом роде фантазирует Аскоченский в своем Дневнике. (*Здесь и далее примеч. автора.*)

79

Ср. Иннокентия «Последние дни земной жизни Господа».

80

В греческом и еврейском текстах эти переведенные слова о крови выражены термином, обозначающим душу или вообще человека, который невинен, – так как, по еврейским представлениям, душа человека заключается в его крови.

81

Правда, ев. Матфей извещает о раскаянии Иуды непосредственно после смертного приговора в синедрионе и ранее суда у Пилата. Но этот евангелист весьма нередко размещает события не по хронологическому, а прагматическому порядку. Решительное действие на Иуду, по известию евангелиста, произвел смертный приговор над Иисусом; но Иуда, конечно, не мог не знать, что приговор синедриона не был окончательным и что законную силу он должен получить только после нового разбирательства у римского прокуратора, который мог не утвердить синедрического решения. Ввиду этого необходимо признать, что раскаяние и смерть Иуды совершились после присуждения Иисуса к смерти Пилатом.

82

Мережковский Д. Иисус Неизвестный. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000.

83

Согласно каноническому тексту, эти слова принадлежат первосвященнику Каиафе, а не его тестю Анне (Ганану), бывшему первосвященником до него.

84

Мережковский указывает в примечаниях только латинский текст Бл. Иеронима, цитируя по комментатору не святоотеческого круга.

85

Брентано К. (по откровениям Анны Катарины Эммерих). Трагедия Иуды. М., 1992. Клеменс Брентано (1778–1842) – немецкий поэт и драматург, представитель малой романтической школы. С 1818 г. полностью отдался религиозной жизни в лоне католической Церкви; им были записаны и обработаны видения ясновидящей монахини Анны Катарины Эммерих, частично переведенные на русский язык. Анна Катарина Эммерих (1774–1824) – христианская ясновидящая, монахиня Ордена августинцев (монастырь Дюльмен, Германия). Ее видения о Страстях Господних и евангельских событиях записаны и обработаны Клеменсом Брентано. Некоторые из ее прозрений носят фантастический характер, иные нашли реальное подтверждение: в частности, на основании ее видений был найден дом Марии Богородицы в Эфесе.

86

Андреев Л. Полное собрание сочинений. СПб., 1913. Т. 3.

87

Ремизов А. Лимонарь, сиречь Луг духовный. СПб., 1907.

88

Розанов В. Собрание сочинений. В темных религиозных лучах. М.: Республика, 1994.